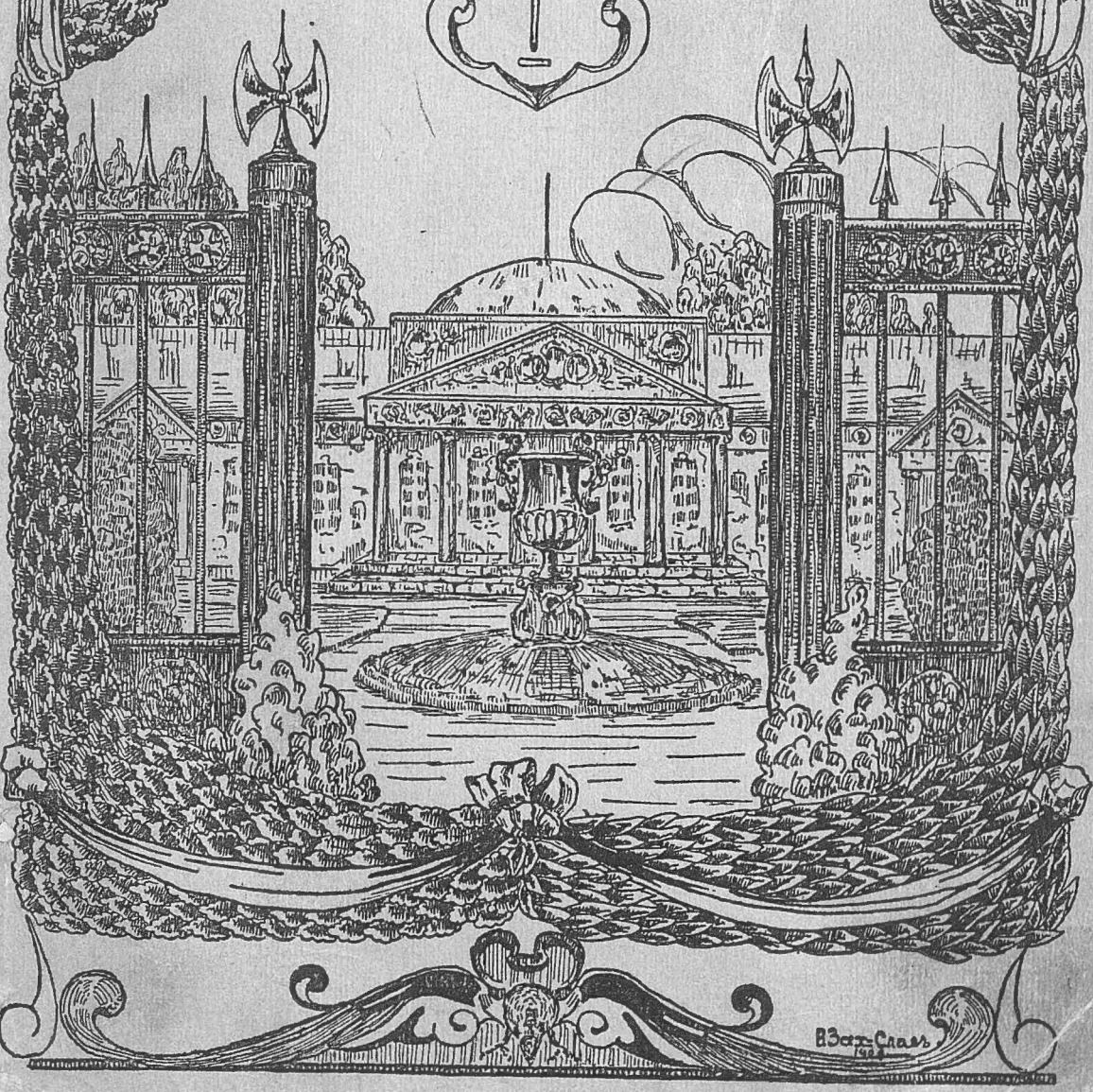
P1 7/26

ЭПОХА НИКОЛАЯ

I



Р1 7/26

ЭПОХА
Николая I.

Удивительное время наружнаго рабства и внутренняго освобожденія.

А. Герценъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. О. Гершензона.

Съ рисунками.

Московское Книгоиздательское Товарищество
„ОБРАЗОВАНІЕ“.
Москва—1911.

Типографія **Русскаго Товарищества.** МОСКВА, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
Телефонъ 18-35.

Отъ Редакціи.

Издательствомъ была мнѣ поставлена опредѣленная задача: составить изъ существующаго печатнаго матеріала книгу, которая знакомила бы читателей съ эпохою Николая I. Такія популярныя сводки полезны, но и опасны: если и всякая общая исторія или характеристика эпохи, лица и пр. неминуемо субъективны, то въ особенности долженъ страдать этимъ недостаткомъ подборъ немногихъ отрывковъ изъ обширной и во многомъ противорѣчивой литературы. Необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы выборъ этотъ не былъ случаенъ, чтобы въ основаніе его была положена опредѣленная мысль, послѣдовательно проводимая.

Мысль, руководившая мною при составленіи этой книги, выражена въ ея эпиграфѣ, взятомъ у Герцена, и, полнѣе, во «Введеніи», заимствованномъ также у Герцена. «Время наружнаго рабства и внутренняго освобожденія»: нельзя вѣрнѣе въ немногихъ словахъ опредѣлить этотъ періодъ русской исторіи. Еще никогда власть не угнетала народъ и общество такъ систематично и жестоко, и никогда русское общество не переживало такого крутого умственнаго перелома, какъ въ эту эпоху. Но для полноты характеристики надо прибавить, что и это «порабощеніе» оказалось въ значительной мѣрѣ призрачнымъ, и «освобожденіе»—болѣзненнымъ: неизбѣжный результатъ противоестественнаго разобщенія матеріи и духа.

Николай не былъ тѣмъ тупымъ и бездушнымъ деспотомъ, какимъ его обыкновенно изображаютъ. Отличительной чертой его характера, отъ природы вовсе не дурного, была непоколебимая вѣрность разъ усвоеннымъ имъ принципамъ, крайнее доктринерство, мѣшавшее ему видѣть вещи въ ихъ подлинномъ видѣ. Повидимому, еще въ юности, лишенный всякаго житейскаго опыта, онъ выработалъ себѣ небольшое число совершенно абстрактныхъ идей—о назначеніи и отвѣтственности монарха, о цѣляхъ государственной жизни и пр. Эти взгляды, сложившіеся у него преимущественно подъ вліяніемъ примѣра прусскихъ хозяйственныхъ королей XVIII вѣка, были до крайности архаичны, не соотвѣтствовали ни духу времени, ни условіямъ жизни огромнаго, сложнаго государства, какова Россія; а главное, онъ самъ ни мало не походилъ на тѣхъ прусскихъ королей, не обладая ни ихъ гибкостью и ловкостью, ни ихъ удивительнымъ чутьемъ дѣйствительности. Доктринеръ по натурѣ, онъ упрямо гнулъ жизнь подъ свои формулы, и когда жизнь уходила изъ-подъ его рукъ, онъ обвинялъ въ этомъ людское непослушаніе, неспособность своихъ подчиненныхъ или себя самого, но продолжалъ такъ же упорно вѣрить въ святость формулы и неуклонно шелъ по прежнему пути. Онъ считалъ себя отвѣтственнымъ за все, что дѣлалось въ государствѣ, хотѣлъ все знать и всѣмъ руководить,—знать всякую ссору предводителя съ губернаторомъ и руководить постройкою всякой караульни въ уѣздномъ городѣ,—и истощался въ безплодныхъ усиліяхъ объять необъятное и привести жизнь въ симметрическій порядокъ. Многообразіе, хаотичность жизни, мѣшавшія неуклонному проведенію его доктрины, приводили его въ отчаяніе; всѣ его усилія были направлены на то, чтобы изыскать средства, при помощи которыхъ можно было бы обуздать это буйное непослушаніе вещей и людей ради полнаго торжества принциповъ; оттого онъ стремится прикрѣпить всякаго подданнаго къ его мѣсту, оттого требуетъ отъ начальниковъ и подчиненныхъ слѣпого послушанія, оттого силится парализовать мысль—главный источникъ всякаго „безпорядка“ въ мірѣ. Онъ не злой человѣкъ—онъ только доктринеръ; онъ любитъ Россію и служитъ ея благу съ удивительнымъ самоотверженіемъ, но онъ не знаетъ Россіи, потому что

смотритъ на нее сквозь призму своей доктрины. Едва ли на протяженіи XIX вѣка найдется въ Европѣ еще одинъ государственный дѣятель, такъ дѣтски-неопытный и въ дѣлахъ правленія, и въ оцѣнкѣ явленій и людей, какъ Николай. За тридцать лѣтъ царствованія онъ ни на шагъ не подвинулся въ знаніи жизни.

Это фанатическое доктринерство, при отвлеченности и узости самой доктрины, разумѣется, не могло имѣть успѣха, не только прочнаго—объ этомъ нечего говорить,—но даже временнаго. Съ перваго до послѣдняго дня Николай видитъ себя кругомъ обманутымъ; конечно, его обманывали еще несравненно больше, нежели онъ могъ видѣть. Какъ ни борется онъ съ лихоимствомъ, казнокрадствомъ, недобросовѣстностью въ службѣ—онѣ процвѣтаютъ на его глазахъ. Его обманывали даже въ томъ, что онъ всего сильнѣе любилъ и чему болѣе всего вѣрилъ: на смотры гвардіи, въ его личномъ присутствіи, сгоняютъ въ первые ряды самыхъ рослыхъ и наилучше обученныхъ солдатъ *другихъ*, не занятыхъ въ этотъ день полковъ. Вся офиціальная Россія—военная и бюрократическая—деморализуется при немъ глубочайшимъ образомъ, вся насквозь пропитывается бездушнымъ формализмомъ, одинаково пагубнымъ и для власти, и для подвластныхъ. Это было неизбѣжное послѣдствіе того принципа слѣпого повиновенія, который неуклонно проводилъ Николай; и Николай страдалъ при всякомъ проявленіи недобросовѣстности или тупости своихъ агентовъ, но приписывалъ зло не своему принципу, а, напротивъ, недостаточно строгому его исполненію, и только усугублялъ мѣры, направленныя къ его упроченію. Въ общемъ ему не удалось даже на время вогнать жизнь въ свои фантастическія формы; его правленіе представляетъ собою только непрерывный рядъ *попытокъ* обуздать жизнь, попытокъ судорожныхъ, каждый разъ безуспѣшныхъ и отъ того все болѣе грубыхъ, все болѣе жестокихъ. Онъ не поработилъ Россію, а только калѣчилъ ее тридцать лѣтъ съ цѣлью порабощенія.

Онъ не справился даже съ матеріальной жизнью: еще призрачнѣе оказалась его власть надъ духомъ. Напротивъ, чѣмъ больше онъ стѣснялъ внѣшнюю свободу, тѣмъ больше энергія скоплялась внутри, и чѣмъ ожесточеннѣе онъ гналъ мысль, тѣмъ сильнѣе она возбуждалась. Никогда, ни раньше, ни позднѣе, умственное движеніе въ русскомъ обществѣ не достигало такой глубины и напряженности, какъ въ эту пору. Въ его царствованіе дважды, по разному, но съ одинаковой страстностью были поставлены и рѣшены самые коренные вопросы бытія и познанія: разъ на почвѣ германской идеалистической философіи („идеалисты 30-хъ годовъ"), другой разъ на почвѣ французскихъ соціалистическихъ идей (петрашевцы). И оба эти движенія характеризуются одной преобладающей въ нихъ чертой: отвлеченностью, утопизмомъ. Это были не основанныя на опытѣ, а законодательствующія опыту идеологіи, какъ бы чудное сокровище драгоцѣнныхъ медалей, на которыя нельзя купить хлѣба и которыя больно—до сихъ поръ больно—размѣнивать на монету. Такъ Николай и въ духовной области, какъ въ матеріальной, тяжко изувѣчилъ русскую жизнь. Онъ надолго опредѣлилъ—не ходъ ея развитія, а ненормальность этого хода въ цѣломъ.

Такова мысль, положенная въ основаніе этой книги. Что касается отрывковъ, изъ которыхъ она составлена, то при выборѣ ихъ я ставилъ себѣ въ законъ заимствовать, наряду съ подлинными историческими документами, каковы манифесты, письма, рѣчи Николая и пр., только достовѣрныя фактическія показанія очевидцевъ, избѣгая по возможности какъ общихъ, голословныхъ характеристикъ (разумѣется, за исключеніемъ «Введенія»), такъ и сводныхъ обзоровъ позднѣйшихъ изслѣдователей. Отъ послѣдняго правила я отступилъ только въ трехъ случаяхъ, гдѣ мнѣ казалось необходимымъ дать послѣдовательный перечень мѣръ, принятыхъ на протяженіи всего царствованія,—именно въ главахъ о школѣ (отрывокъ изъ статьи В. С. Иконникова), цензурѣ (отрывокъ изъ статьи В. Е. Якушкина) и крѣпостномъ правѣ (отрывокъ изъ книги В. И. Семевскаго). Нѣкоторые существенные пробѣлы въ книгѣ (напр., политика власти въ отношеніи инородцевъ, Польша и др.) обусловлены недостаткомъ мѣста въ книгѣ, и безъ того превысившей положенные издательствомъ размѣры.

Приношу благодарность В. И. Семевскому и В. Е. Якушкину за разрѣшеніе перепечатать упомянутые отрывки изъ ихъ работъ.

М. Г.

Введеніе.

Власть и общество при Николаѣ I [1]).

Тѣ двадцать пять лѣтъ, которыя протекали за 14 декабря, труднѣе поддаются характеристикѣ, чѣмъ вся эпоха, слѣдовавшая за Петромъ I. Обзоръ этого періода затрудняютъ два противоположныхъ теченія. Одно изъ нихъ идетъ по поверхности, другое, едва уловимое, совершается въ глубинахъ народнаго сознанія. Съ виду Россія оставалась неподвижной. Казалось даже, что она идетъ назадъ, но въ сущности все видоизмѣнялось, вставали болѣе сложные вопросы, на которые труднѣе было дать отвѣтъ.

На поверхности офиціальной Россіи, «на фронтонѣ имперіи», красовались лишь гибель, ярая реакція, безчеловѣчныя преслѣдованія и удвоенный деспотизмъ. Среди военныхъ парадовъ, балтійскихъ нѣмцевъ и дикихъ охранителей видѣли недовѣряющаго себѣ самому холоднаго, упрямаго и безжалостнаго Николая, такую же посредственность, какъ и его окружающіе. Непосредственно за нимъ стояло высшее общество. При первомъ ударѣ грома, грянувшаго надъ его головой послѣ 14 декабря, оно потеряло всякое понятіе о чести и достоинствѣ, пріобрѣтенныхъ съ такимъ трудомъ, и болѣе ужъ не возвышалось въ царствованіе Николая. Расцвѣтъ русской аристократіи кончился. Все, что было въ ея нѣдрахъ благороднаго и смѣлаго, находилось въ рудникахъ Сибири. То, что осталось или удержалось въ милости властелина, упало до степени подлости или рабскаго повиновенія, хорошо извѣстныхъ изъ картинъ Кюстина.

Затѣмъ слѣдуютъ офицеры изъ гвардіи; блестящіе и образованные, они становятся все болѣе и болѣе закоренѣлыми сержантами. До 1825 года всѣ носящіе штатское платье сознавали превосходство эполетъ. Чтобы быть *comme il faut*, нужно было прослужить не менѣе двухъ лѣтъ въ гвардіи или, по крайней мѣрѣ, въ кавалеріи. Офицеры стали душой собраній, героями, праздниковъ и баловъ и, сказать правду, это предпочтеніе не было лишено основанія. Военные были болѣе независимы и держались болѣе достойно, чѣмъ пресмыкающееся и малодушное чиновничество. Теперь обстоятельства приняли иной видъ—гвардія раздѣлила участь аристократіи; лучшіе изъ офице-

---

[1]) Герценъ. Движеніе обществ. мысли въ Россіи (перев. съ франц.). Изд. Сытина, М. 1907, стр. 102-110.

ровъ были сосланы, огромное число другихъ оставило службу, не будучи въ состояніи переносить грубый и наглый тонъ, введенный Николаемъ. Торопились занять пустыя мѣста хорошими служаками или завсегдатаями казармъ и манежей. Офицерство упало во мнѣніи общества, черная одежда взяла верхъ, и мундиръ господствовалъ только въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ да при Дворѣ,—этой главной гауптвахтѣ имперіи. Члены Императорской Фамиліи и ея представитель оказывали военнымъ предпочтеніе, совершенно не соотвѣтствующее ихъ положенію. Однако это равнодушіе публики къ формѣ не доходило до того, чтобы въ обществѣ были приняты гражданскіе чиновники. Даже въ провинціи къ нимъ питали непреодолимое отвращеніе, что, однако, не мѣшало росту бюрократическаго вліянія. Послѣ 1825 года все управленіе становится пресмыкающимся и жалкимъ взамѣнъ того аристократически-невѣжественнаго, какимъ оно было раньше. На мѣсто министерствъ учреждаютъ канцеляріи. Ихъ начальники становятся дѣльцами, а высшіе чиновники—писарями. Въ гражданскомъ сословіи они занимаютъ то же мѣсто, которое въ гвардіи принадлежало безнадежнымъ служакамъ. У этихъ изощрившихся во всякаго рода формальностяхъ и чуждыхъ всякихъ высшихъ соображеній холодныхъ исполнителей преданность правительству покоится на любви къ лихоимству.

Центромъ политической науки Николая была казарма и канцелярія. Слѣпая и лишенная общаго смысла дисциплина, соединенная съ бездушнымъ формализмомъ австрійскихъ сборщиковъ,—такова пружина славной организаціи сильной власти въ Россіи. Какая нищета правительственной мысли, какая проза абсолютизма, какая жалкая пошлость! Это была самая простая и грубая форма деспотизма.

Прибавимъ къ этому шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа, имѣющаго власть отмѣнять рѣшенія суда и вмѣшиваться рѣшительно во все и, главнымъ образомъ, въ политическія преступленія. Онъ образовалъ цѣлую инквизиціонную армію наподобіе тайнаго общества полицейскихъ масоновъ, которое отъ Риги до Нерчинска имѣло своихъ братьевъ-шпіоновъ и сыщиковъ. Бенкендорфъ былъ начальникомъ третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи (названіе главнаго сыскного отдѣленія). По временамъ передъ судомъ этой канцеляріи въ лицѣ какого-нибудь писателя или ученаго предстаетъ въ качествѣ подсудимаго цивилизація. Одни идутъ за другими, ихъ ссылаютъ и сажаютъ въ крѣпости.

Глядя на официальную Россію, сердце исполнится унынiемъ. Съ одной стороны Польша, разбитая и съ невѣроятнымъ упорствомъ истерзанная, съ другой—сумасшедшая война. Въ теченіе всего царствованія тянется она, поглощая войска за войсками, ни на шагъ не раздвинувъ нашего владычества на Кавказѣ. И надъ всѣмъ этимъ полное униженіе и неспособность правительства.

Внутри идетъ огромная работа. Глухо и безмолвно, но дѣятельно и непрерывно повсюду растетъ недовольство. Въ эти двадцать пять лѣтъ революціоныя идеи отвоевали больше мѣста, чѣмъ въ теченіе цѣлаго пред-

шествовавшаго столѣтія, хотя онѣ еще и не проникли въ народъ. Русскій народъ продолжалъ держаться въ сторонѣ отъ политическихъ сферъ; онъ не имѣлъ достаточно поводовъ къ тому, чтобы принимать участіе въ работѣ, которая происходила въ другомъ слоѣ націи. Продолжительныя страданія побуждаютъ къ своего рода величію: русскій народъ слишкомъ страдалъ для того, чтобъ имѣть право волноваться за небольшое улучшеніе своего положенія, онъ скорѣе предпочитаетъ смѣло оставаться нищимъ въ лохмотьяхъ, чѣмъ надѣвать на себя заштопанное платье. Если же онъ не принимаетъ никакого участія въ движеніи идей, которое охватывало другіе классы, то это еще совершенно не значитъ, чтобы въ его душѣ ничего не происходило. Русскому народу живется тяжелѣе, чѣмъ въ старину, его взоръ печальнѣе; несправедливость крѣпостного состоянія и грабежъ государственныхъ чиновниковъ становятся для него невыносимѣе. Правительство нарушило спокойствіе общины устройствомъ принудительныхъ работъ; въ самой деревнѣ сажаютъ по тюрьмамъ и сокращаютъ отдыхъ крестьянина въ собственной его хижинѣ введеніемъ сельской полиціи (*становые пристава*). Процессы противъ поджигателей, убійства помѣщиковъ и возстанія крестьянъ увеличиваются въ огромныхъ размѣрахъ. Многочисленное раскольничье населеніе ропщетъ. Эксплоатируемое и притѣсняемое духовенствомъ и полиціей, оно далеко еще не сплотилось. По временамъ въ этихъ мертвыхъ и недоступныхъ для насъ глубинахъ слышатся смутные звуки, которые предвѣщаютъ ужасныя бури. Это недовольство русскаго народа, о которомъ мы говоримъ, при поверхностномъ взглядѣ не очевидно. Россія всегда представлялась настолько спокойной, что трудно было думать, чтобы въ ней что-либо происходило. Немного людей знаетъ о томъ, что происходитъ подъ саваномъ, которымъ правительство покрываетъ трупы, пятна крови и военныя экзекуціи, съ высокомѣрнымъ лицемѣріемъ заявляя, что подъ этимъ саваномъ нѣтъ ни труповъ, ни крови. Что знаемъ мы о сибирскихъ поджигателяхъ, объ убійствахъ помѣщиковъ, въ одно и то же время организованныхъ во многихъ деревняхъ; что знаемъ мы объ отдѣльныхъ бунтахъ, которые вспыхивали въ то время, когда Киселевъ вводилъ новое административное управленіе; что знаемъ мы о возстаніяхъ въ Казани, Вяткѣ и Тамбовѣ, гдѣ должно было искать убѣжища отъ пушекъ?...

Интеллектуальная работа, о которой мы говорили, производилась не въ высшихъ и не въ низшихъ слояхъ русскаго общества, но какъ разъ въ серединѣ, т.-е. по большей части въ среднемъ дворянствѣ. Факты, которые мы будемъ приводить, казалось, не имѣли бы большой важности, но не слѣдуетъ забывать, что пропаганда, какъ и всякое воспитаніе, идетъ въ тиши и особенно, когда она не смѣетъ появиться при свѣтѣ дня.

Вліяніе литературы значительно возрастаетъ и проникаетъ все глубже и глубже; литература не измѣняетъ своей миссіи и остается пропагандо-либеральной, поскольку это возможно при нашей цензурѣ.

Жажда просвѣщенія захватываетъ все новое поколѣніе; гражданскія и военныя школы, гимназіи, лицеи изобилуютъ учениками; дѣти болѣе бѣд-

ныхъ родителей тѣснились въ различныхъ институтахъ. Правительство, которое еще въ 1804 году привлекало дѣтей въ школу привилегіями, удерживаетъ всѣми средствами ихъ стеченіе; возрастаютъ трудности пріема и экзаменовъ; учениковъ застращиваютъ; министръ народнаго просвѣщенія циркуляромъ ограничиваетъ образованіе для крѣпостныхъ. Въ то же время Московскій университетъ становится средоточіемъ русской цивилизаціи. Императоръ питаетъ къ нему отвращеніе, недоволенъ имъ, онъ каждый годъ отправляетъ въ ссылку большое количество учащихся въ немъ, не оказываетъ ему чести своимъ посѣщеніемъ во время проѣздовъ черезъ Москву, но университетъ процвѣтаетъ и пріобрѣтаетъ вліяніе; имъ пренебрегаютъ, но онъ ничего и не ждетъ, продолжаетъ свою работу и достигаетъ истиннаго могущества. Цвѣтъ молодежи провинцій, смежныхъ съ Москвой, тянется въ ея университетъ, и каждый годъ рядъ лиценціатовъ разсыпается по всему государству въ качествѣ служащихъ, врачей и учителей.

Въ глубинѣ провинціи и особенно въ Москвѣ явно увеличивается классъ независимыхъ людей, не соглашающихся ни на какую публичную службу и занимающихся управленіемъ своихъ имѣній, науками или литературой. Они ничего не требуютъ отъ правительства, если это послѣднее оставляетъ ихъ въ покоѣ. Они—полная противоположность петербургской знати, которая привязана къ публичной службѣ и ко Двору, преисполнена рабскаго честолюбія, ждетъ всякой правительственной службы и ею только живетъ. Ничего не прося, оставаясь независимыми и не добиваясь должностей, они именуются при деспотическомъ режимѣ творцами оппозиціи. Правительство косо глядитъ на этихъ «лѣнтяевъ» и недовольно ими. На самомъ дѣлѣ они составляютъ ядро цивилизованныхъ людей и настроены противъ петербургскаго режима. Одни изъ нихъ цѣлыми годами ѣздятъ по заграничнымъ странамъ, внося оттуда свободныя идеи; другіе, пріѣзжая на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву, остальное время года проводятъ у себя въ имѣніяхъ и тутъ читаютъ все новое и слѣдятъ за ходомъ умственной жизни въ Европѣ. Чтеніе становится модой среди провинціальныхъ дворянъ. Начинаютъ хвалиться своими библіотеками и выписываютъ самые новые французскіе романы, «Journal des Débats» и «Gazette d'Augsbourg». Признакомъ хорошаго вкуса служитъ обладаніе запрещенными книгами. Я не знаю ни одного порядочнаго дома, гдѣ не было бы сочиненія Кюстина о Россіи, которое Николай особенно строго воспретилъ въ Россіи. Лишеніе всякой возможности дѣятельности и постоянная угроза тайной полиціи тѣмъ сильнѣе толкаютъ молодежь отдаваться чтенію. Количество идей въ обращеніи становится больше.

ГЛАВА I.

Императоръ Николай I.

(Его личность и политическіе взгляды.)

I.

Наружность Николая I.

(1828 г) [1]).

Императоръ Николай Павловичъ былъ тогда 32 лѣтъ; высокаго роста, сухощавъ, грудь имѣлъ широкую, руки нѣсколько длинныя, лицо продолговатое, чистое, лобъ открытый, носъ римскій, ротъ умѣренный, взглядъ быстрый, голосъ звонкій, подходящій къ тенору, но говорилъ нѣсколько скороговоркой. Вообще онъ былъ очень строенъ и ловокъ. Въ движеніяхъ не было замѣтно ни надменной важности, ни вѣтренной торопливости; но видна была какая-то неподдѣльная строгость. Свѣжесть лица и все въ немъ выказывало желѣзное здоровье и служило доказательствомъ, что юность не была изнѣжена и жизнь сопровождалась трезвостью и умѣренностію. Въ физическомъ отношеніи онъ былъ превосходнѣе всѣхъ мужчинъ изъ генералитета и офицеровъ, какихъ только я видѣлъ въ арміи; и могу сказать поистинѣ, что въ нашу просвѣщенную эпоху величайшая рѣдкость видѣть подобнаго человѣка въ кругу аристократіи.

II.

Личный обиходъ Николая I [2]).

Какой примѣръ давалъ всѣмъ Николай Павловичъ своимъ глубокимъ почтеніемъ къ женѣ и какъ онъ искренно любилъ и берегъ ее до послѣдней минуты своей жизни! Извѣстно, что онъ имѣлъ любовныя связи на сторонѣ—какой мужчина ихъ не имѣетъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, при царствующихъ особахъ нерѣдко возникаетъ интрига для удаленія законной супруги; посредствомъ докторовъ стараются внушить мужу, что его жена слаба, больна, надо ее беречь и т. п., подъ этимъ предлогомъ приближаютъ женщинъ, черезъ которыхъ постороннее вліяніе могло бы дѣйствовать. Но императоръ Николай I не поддавался этой интригѣ и, несмотря ни на что, оставался вѣренъ нравственному вліянію своей ангельской супруги, съ которою находился въ самыхъ нѣжныхъ отношеніяхъ.

---

[1]) Изъ записокъ I. П. Дубецкаго, *Русск. Стар.* 1895 май.

[2]) Изъ воспом. баронессы М. П. Фредериксъ, *Истор. Вѣстн.* 1898 январь.

Хотя предметъ его посторонней связи и жилъ во дворцѣ, но никому и въ голову не приходило обращать на это вниманіе; все это дѣлалось такъ скрыто, такъ благородно, такъ порядочно. Напримѣръ, я, будучи уже не очень юной дѣвушкой, живя во дворцѣ подъ однимъ кровомъ, видясь почти каждый день съ этой особой, долго не подозрѣвала, что есть что-нибудь неправильное въ жизни ея и государя; такъ онъ держалъ себя осторожно и почтительно передъ женой, дѣтьми и окружающими лицами. Безспорно, это великое достоинство въ такомъ человѣкѣ, какъ Николай Павловичъ. Что же касается той особы [1]), то она и не помышляла обнаруживать свое исключительное положеніе между своихъ сотоварищей фрейлинъ; она держала себя всегда очень спокойно, холодно и просто. Конечно, были личности, которыя, какъ и всегда въ этихъ случаяхъ, старались подслужиться къ этой особѣ, но онѣ мало выигрывали черезъ нея. Нельзя не отдать ей справедливости, что она была достойная женщина, заслуживающая уваженія, въ особенности въ сравненіи съ другими того же положенія.

Послѣ кончины Николая Павловича эта особа тотчасъ же хотѣла удалиться изъ дворца, но воцарившійся Александръ II, по соглашенію съ своей августѣйшей матерью, лично просилъ ее не оставлять дворца [2]); но съ этого дня она больше не дежурила, а только приходила читать вслухъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, когда ея величество была совсѣмъ одна и отдыхала послѣ обѣда.

Къ себѣ самому, императоръ Николай I былъ въ высшей степени строгъ, велъ жизнь самую воздержную, кушалъ онъ замѣчательно мало, большею частью овощи, ничего не пилъ, кромѣ воды, развѣ иногда рюмку вина, и то, право, не знаю, когда это случалось, за ужиномъ кушалъ всякій вечеръ тарелку одного и того же супа изъ протертаго картофеля, никогда не курилъ, но и не любилъ, чтобъ и другіе курили. Прохаживался два раза въ день пѣшкомъ обязательно—рано утромъ передъ завтракомъ и занятіями и послѣ обѣда, днемъ никогда не отдыхалъ. Былъ всегда одѣтъ, халата у него и не существовало никогда, но если ему нездоровилось, что впрочемъ очень рѣдко случалось, то онъ надѣвалъ старенькую шинель. Спалъ онъ на тоненькомъ тюфячкѣ, набитомъ сѣномъ. Его походная кровать стояла постоянно въ опочивальнѣ августѣйшей супруги, покрытая шалью. Вообще вся обстановка, окружавшая его личную интимную жизнь, носила отпечатокъ скромности и строгой воздержности. Его величество имѣлъ свои покои въ верхнемъ этажѣ Зимняго дворца; убранство ихъ было не роскошно. Послѣдніе годы онъ жилъ внизу, подъ апартаментами императрицы, куда вела внутренняя лѣстница. Комната эта была небольшая, стѣны оклеены простыми бумажными обоями, на стѣнахъ нѣсколько картинъ. На каминѣ большіе часы въ деревянной отдѣлкѣ, надъ часами большой бюстъ графа Бенкендорфа. Тутъ стояли: вторая походная кровать го-

[1]) Фрейлина В. А. Нелидова, скончавшаяся въ октябрѣ 1897 года. (Прибав. авт. въ 1897 году).

[2]) Скончалась во дворцѣ, котораго не покидала съ того времени.

сударя, надъ ней небольшой образъ и портретъ великой княгини Ольги Николаевны—она на немъ представлена въ гусарскомъ мундирѣ полка, котораго была шефомъ,—вольтеровское кресло, небольшой диванъ, письменный рабочій столъ, на немъ портреты императрицы и его дѣтей и незатѣйливое убранство; нѣсколько простыхъ стульевъ; мебель вся краснаго дерева, обтянута темно-зеленымъ сафьяномъ, большое трюмо, около коего стояли его сабли, шпаги и ружье, на придѣланныхъ къ рамкѣ трюмо полочкахъ стояли склянка духовъ, — онъ всегда употреблялъ «Parfum de la Cour» (придворные духи),—щетка и гребенка. Тутъ онъ одѣвался и работалъ... тутъ же онъ и скончался! Эта комната сохраняется до сихъ поръ (1888 г.), какъ была при его жизни.

III.

Письмо Николая I в. к. Константину Павловичу 6-го іюня 1826 г. [1]).

«Вотъ, наконецъ, докладъ слѣдственной комиссіи и списокъ лицъ, преданныхъ верховному уголовному суду; хотя все дѣло достаточно знакомо вамъ, я думаю, вы не безъ интереса прочтете обозрѣніе, которое хорошо сдѣлано, точно и, можно вполнѣ прибавить, *отвратительно* (hideux). Нельзя въ достаточной степени возблагодарить Бога, что онъ спасъ насъ отъ всѣхъ ужасовъ, которые готовились для насъ, и, что еще важнѣе, отъ всего ужаса покушенія на нашего ангела. Повидимому, Богу угодно было позволить всему зайти какъ разъ настолько далеко, чтобы все это сплетеніе ужасовъ и нелѣпостей назрѣло, и чтобы тѣмъ еще болѣе наглядно показать вѣчно *невѣрующимъ* (incrédules), что порядокъ вещей, который существовалъ, и который столь трудно искоренить, рано или поздно долженъ привести къ подобнымъ результатамъ. Если же и послѣ этого примѣра найдутся неисправимые, то мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ право и преимущество доказывать прочимъ необходимость мѣръ быстрыхъ и строгихъ противъ всякой попытки разрушенія, направленной противъ установленнаго порядка, освященнаго вѣками славы».

IV.

Манифестъ 14 марта 1848 г. [2]).

«Послѣ благословеній долголѣтняго мира западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

«Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи, и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ

---

[1]) Шильдеръ, *Имп. Николай I*, т. I. стр. 432.

[2]) Шиллеръ, *Имп. Николай I*, т. II, стр. 629.

сей прикоснулся, наконецъ, и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ въ безуміи своемъ и нашей Богомъ ввѣренной Россіи».

«Но да не будетъ такъ!

«По завѣтному примѣру нашихъ православныхъ предковъ, призвавъ на помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашей Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

«Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя, что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ:

«Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!»

V.

Рѣчь Николая I къ депутатамъ петербургскаго дворянства (21 марта 1848 г.) [1].

21 марта 1848 года, Государь Императоръ удостоилъ принять избранныхъ депутатовъ С.-Петербургскаго дворянства, для поднесенія Его Величеству всеподданнѣйшаго благодаренія за всемилостивѣйше дарованныя дворянству права и преимущества [2], а также для изъявленія желанія поднести Его Величеству адресъ о готовности дворянъ снова принести въ жертву престолу и отечеству личность и достояніе.

Государь Императоръ, удостоивъ братски обнять ихъ, изъявилъ монаршее благоволеніе за прежнюю и настоящую службу дворянъ и сказалъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ преданности дворянства къ престолу и отечеству.

Послѣ того Его Величество изволилъ сказать намъ:

«Господа! Внѣшніе враги намъ неопасны; всѣ мѣры приняты и на этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны. Войска, одушевленныя чувствомъ преданности къ престолу и отечеству, готовы съ восторгомъ встрѣтить мечемъ нарушителей спокойствія. Изъ внутреннихъ губерній я получилъ донесенія самыя удовлетворительныя. Не далѣе какъ сегодня возвратились посланные мною туда два адъютанта мои, которые также свидѣтельствуютъ объ искренней преданности и усердіи къ престолу и отечеству. Но въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ я васъ прошу, господа, дѣйствовать единодушно. Забудемъ всѣ неудовольствія, всѣ непріятности одного къ другому. Подайте между собою руку дружбы, какъ братья, какъ дѣти

---

[1]) *Рус. Стар.* 1883 сентябрь.

[2]) Порядокъ совершенія дворянскихъ выборовъ и статья 107 тома IX Свода Законовъ.

родного края, такъ чтобы послѣдняя рука дошла до меня и тогда, подъ моею главою, будьте увѣрены, что никакая сила земная насъ не потревожить.

Въ учебныхъ заведеніяхъ духъ вообще хорошъ, но прошу васъ, родителей, братьевъ и родственниковъ наблюдать за мыслями и нравственностью молодыхъ людей. Служите имъ сами примѣромъ благочестія и любви къ царю и отечеству, направляйте ихъ мысли къ добру и, если замѣтите въ нихъ дурныя наклонности, старайтесь мѣрами кротости и убѣжденіемъ наставить ихъ на прямую дорогу. По неопытности они могутъ быть вовлечены неблагонадежными людьми къ вреднымъ для общества и пагубнымъ для нихъ самихъ послѣдствіямъ. Вашъ долгъ, господа, слѣдить за ними.

У насъ существуетъ классъ людей весьма дурной, и на который я прошу васъ обратить особенное вниманіе—это дворовые люди. Будучи взяты отъ крестьянъ, они отстали отъ нихъ, не имѣя осѣдлости и не получивъ ни малѣйшаго образованія. Люди эти вообще развратны и опасны какъ для общества, такъ и для господъ своихъ. Я васъ прошу быть крайне осторожными въ отношеніи съ ними. Часто, за столомъ или въ вечерней бесѣдѣ, вы разсуждаете о дѣлахъ политическихъ, правительственныхъ и другихъ, забывая, что люди эти васъ слушаютъ и по необразованности своей и глупости толкуютъ сужденія ваши по-своему, т.-е. превратно. Кромѣ того, разговоры эти, невинные между людьми образованными, часто вселяютъ вашимъ людямъ такія мысли, о которыхъ безъ того они не имѣли бы и понятія. Это очень вредно!

Переходя къ быту крестьянъ, скажу вамъ, что необходимо обратить особенное вниманіе на ихъ благосостояніе. Нѣкоторыя лица приписывали мнѣ по сему предмету самыя нелѣпыя и безразсудныя мысли и намѣренія. Я ихъ отвергаю съ негодованіемъ. Когда я издалъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, то объявилъ, что вся безъ исключенія земля принадлежитъ дворянину-помѣщику. Это вещь святая и никто къ ней прикасаться не можетъ. Но я долженъ сказать съ прискорбіемъ, что у насъ весьма мало хорошихъ и попечительныхъ помѣщиковъ, много посредственныхъ и еще болѣе худыхъ, а при духѣ времени, кромѣ предписаній совѣсти и закона, вы должны для собственнаго своего интереса заботиться о благосостояніи ввѣренныхъ вамъ людей и стараться всѣми силами снискать ихъ любовь и уваженіе. Ежели окажется среди васъ помѣщикъ безнравственный или жестокій, вы обязаны предать его силѣ закона. Нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ, и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры и этого впредь не будетъ.

Господа! У меня полиціи нѣтъ, я не люблю ее: вы моя полиція. Каждый изъ васъ мой управляющій и долженъ для спокойствія государства доводить до моего свѣдѣнія всѣ дурныя дѣйствія и поступки, какіе онъ замѣтитъ. Если и въ моихъ имѣніяхъ вы усмотрите притѣсненія и безпорядки, то убѣдительно прошу васъ, не жалѣя никого, немедленно мнѣ о томъ доносить. Будемъ итти дружною стопою, будемъ дѣйствовать единодушно, и мы будетъ непобѣдимы.

Правило души моей откровенность, я хочу, чтобы не только дѣйствія, но намѣренія и мысли мои были бы всѣмъ открыты и извѣстны; а потому я прошу васъ передать все мною сказанное всему С.-Петербургскому дворянству, къ составу котораго я и жена моя принадлежимъ, какъ здѣшніе помѣщики, а кромѣ того всѣмъ и каждому».

VI.

Собственноручная записка Николая I о прусскихъ дѣлахъ 1848 года [1]).

«Съ нѣкотораго времени носится слухъ о военномъ движеніи, предпринимающемся противъ Берлина. Какая его цѣль—неизвѣстно, но можно предполагать, что оно будетъ обращено противъ черни, дѣлающей почти каждый вечеръ изъ Берлина арену всѣхъ своихъ неистовствъ. Надо надѣяться, что цѣль эта будетъ легко достигнута помощью многочисленнаго и вѣрнаго войска, нетерпѣливо желающаго отомстить за оскорбленія и униженія, такъ мало имъ заслуженныя.

Но когда этотъ фактъ совершится, какое будетъ дальнѣйшее направленіе правительства и что надо будетъ ему сдѣлать, чтобъ возвратить монархіи бывшую ея силу и возстановить ея прежнюю власть?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, казалось бы сначала необходимымъ опредѣлить: какой именно родъ правленія подходитъ болѣе къ географическому положенію Пруссіи, къ ея прошедшему и къ ея настоящему составу.

Исторія свидѣтельствуетъ, что Пруссія своимъ величіемъ была обязана воинственному духу и побѣдамъ своихъ властителей и въ высшей степени воинственному духу, который преобладалъ въ этой странѣ, опираясь на воспоминанія славы и несчастій, изъ которыхъ Пруссія вышла побѣдительницей при безсмертномъ ея королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ III.

Устройство, данное покойнымъ королемъ своему войску, было тѣсно связано съ правительственнымъ устройствомъ страны. Все носило на себѣ отпечатокъ военнаго духа, потому что всякій проходилъ черезъ ряды арміи, всякій былъ пріученъ къ военной дисциплинѣ и всякій повиновался по наслѣдственной привычкѣ.

Если, къ великому несчастью страны, эта самая дисциплина не была обращена на старинную систему общественнаго образованія, она по крайней мѣрѣ вмѣняла въ обязанность для каждаго лица пройти черезъ ряды арміи. Поэтому можно сказать, что Пруссія, до кончины короля, была обширною военною колоніею, которая, при зовѣ своего короля, составляла одинъ лишь лагерь, одинъ лишь вооруженный народъ, съ радостью и счастіемъ слѣдующій за однимъ лишь голосомъ своего государя.

Какая же была цѣль нынѣшняго короля къ разрушенію основаній подобнаго устройства и въ желаніи замѣнить его—правленіемъ съ конститу-

---

[1]) *Рус. Стар.* 1870, I, стр. 295—299 (перев. съ франц.).

ціонными формами? Была ли эта страна несчастлива? Была ли она бѣдна, недовольна? промышленность, искусства, науки находились ли въ бѣдственномъ положеніи? Не представляло ли королевство видъ самый богатый, самый счастливый, какой только можно было встрѣтить? Что же было причиной подобнаго посягательства на столь блестящее прошедшее?

Разсмотримъ теперь эти столь хваленыя, и столь загадочныя конституціонныя формы; могли ли онѣ быть примѣнены съ нѣкоторою послѣдовательностью въ странѣ, въ высшей степени военной и привыкшей повиноваться одной лишь волѣ?

Не ясно ли то, что тамъ, гдѣ болѣе *не повелѣваютъ*, а *позволяютъ* разсуждать вмѣсто повиновенія,—тамъ дисциплины болѣе не существуетъ; поэтому повиновеніе, бывшее до тѣхъ поръ руководящимъ началомъ,—переставало быть тамъ *обязательнымъ* и дѣлалось *произвольнымъ*. Отсюда происходитъ безпорядокъ во мнѣніяхъ, противорѣчіе съ прошедшимъ, нерѣшительность на счетъ настоящаго и совершенное незнаніе и недоумѣніе насчетъ неизвѣстнаго, непонятнаго, и, скажемъ правду, *невозможнаго будущаго*. Такимъ образомъ, установимъ тотъ фактъ, что Пруссія, для того, чтобъ остаться той, чѣмъ она была—великой и сильной военной державой,—должна возвратиться къ стариннымъ своимъ учрежденіямъ, основаннымъ на опытахъ и преданіяхъ прошедшаго, или же она должна перестать быть военной державой, должна спуститься въ разрядъ государствъ, правда, обширныхъ, но слабыхъ, съ очень разнообразными, вовсе не однородными мѣстными интересами и подвергнуться всѣмъ превратностямъ, происходящимъ отъ пустословія и страстей 100 или 200 повелителей, замѣняющихъ благотворную волю одного государя, отца своихъ подданныхъ.]

Можно надѣяться, что военное движеніе противъ Берлина не можетъ и не должно имѣть цѣлью возстановить и скрѣпить то, что было сдѣлано въ послѣднее время и съ чего уже получаются горькіе плоды, но, напротивъ, возстановить старинное правительственное зданіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было въ годы славы и благосостоянія монархіи. Никто не можетъ желать *лишить самого себя жизни*, потому что взять вторично оружіе для того лишь, чтобъ укрѣпить жалкое февральское правленіе, было бы преступленіемъ, ибо это значило бы навсегда погубить Пруссію и замѣнить ее жалкимъ государствомъ, безъ силы и прочности.

Но мгновенное военное дѣйствіе во всей монархіи, *во имя короля*, для возстановленія или водворенія стариннаго порядка вещей, мнѣ кажется возможнымъ.

Оно должно быть сопровождаемо провозглашеніемъ отъ короля, объявляющаго, что во время мартовскихъ событій король не могъ безъ ужаса видѣть проливавшуюся кровь своихъ подданныхъ въ этой братоубійственной борьбѣ; что, желая во что бы то ни стало прекратить эту борьбу, онъ уступилъ мольбамъ, выраженнымъ ему во имя народа, пожаловать странѣ желаемыя ею учрежденія; что, впрочемъ, онъ заранѣе былъ убѣжденъ въ томъ, что со стороны большинства націи не замедлитъ выразиться неодоб-

реніе противъ этихъ учрежденій, какъ несогласныхъ съ духомъ народныхъ преданій, со всѣми воспоминаніями монархическими, и къ тому же находящихся въ совершенной противоположности съ интересами страны. Что убѣжденіе это овладѣло теперь всѣми *благонамѣренными* сословіями, что почти ежедневныя неистовства самой презрѣнной берлинской черни, не знавшей болѣе никакихъ границъ, угрожали и жизнямъ и собственностямъ. Что поэтому, по мнѣнію короля, наступило время прекратить такой порядокъ вещей, невыносимый и несовмѣстный съ честью Пруссіи и что, опираясь на непоколебимую вѣрность своего войска, прошедшаго черезъ цѣлую эпоху всевозможныхъ испытаній безупречно и безукоризненно,—онъ объявляетъ все случившееся съ февраля 1847 года отмѣненнымъ и несуществующимъ; прежніе же законы и постановленія монархіи вновь установленными во всей своей силѣ, а лица, тому противящіяся—измѣнниками отечеству и внѣ закона, и что, наконецъ, вездѣ, гдѣ оно только окажется нужнымъ, войско и военная сила будутъ отвѣчать за исполненіе настоящаго постановленія».

ГЛАВА II.

Сподвижники Николая I[1]).

Изумительная дѣятельность, крайняя строгость и выдающаяся память, которыми отличался императоръ Николай Павловичъ, проявились въ немъ уже въ ранней молодости, одновременно со вступленіемъ въ должность генералъ-инспектора по инженерной части и началомъ сопряженной съ нею службы. Нѣкто Кулибановъ, служившій въ то время въ гвардейскомъ саперномъ батальонѣ, передавалъ мнѣ, что великій князь Николай Павловичъ, часто навѣщая этотъ батальонъ, зналъ поименно не только офицеровъ, но и всѣхъ нижнихъ чиновъ; а что касалось его неутомимости въ занятіяхъ, то она просто всѣхъ поражала. Лѣтомъ, во время лагернаго сбора, онъ уже рано утромъ являлся на линейное и ружейное ученіе своихъ саперъ: уѣзжалъ въ 12 часовъ въ Петергофъ, предоставляя жаркое время дня на отдыхъ офицерамъ и солдатамъ, а затѣмъ, въ 4 часа, скакалъ вновь 12 верстъ до лагеря и оставался тамъ до вечерней зари, лично руководя работами по сооруженію полевыхъ укрѣпленій, проложенію траншей, заложенію минъ и фугасовъ и прочими саперными занятіями военнаго времени. Образцово подготовленный и до совершенства знавшій свое дѣло, онъ требовалъ того же отъ порученныхъ его завѣдыванію частей войскъ и до крайности строго взыскивалъ не только за промахи въ работахъ, но и за фронтовымъ ученіемъ и продѣлываніемъ ружейныхъ пріемовъ. Наказанныхъ по его приказанію солдатъ часто уносили на носилкахъ въ лазаретъ; но въ оправданіе такой жестокости слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ

[1]) Изъ записокъ и воспоминаній современника, *Рус. Арх.* 1902 мартъ (сообщилъ проф. Шиманъ).

(Съ картины Крюгера 1858 г.

НИКОЛАЙ I.

великій князь придерживался только воинскаго устава того времени, требовавшаго безпощаднаго вколачиванія ума и памяти въ недостаточно-сообразительнаго солдата, а за исполненіемъ строгихъ правилъ устава наблюдалъ приснопамятный по своей безчеловѣчности, всесильный Аракчеевъ, котораго побаивались даже великіе князья. Чтобы не подвергаться замѣчаніямъ зазнавшагося временщика, требованія его исполнялись буквально, а въ числѣ этихъ требованій одно изъ главныхъ заключалось въ наказаніи солдатъ за всякую провинность палками, розгами и шпицрутенами до потери сознанія.

При такихъ условіяхъ началась служба Николая Павловича, и, конечно, не могли эти условія не оставить слѣдовъ на немъ. Ученья, смотры, парады и разводы онъ любилъ неизмѣнно до самой смерти; производилъ ихъ даже зимою. Въ гвардейскомъ корпусѣ, состоявшемъ изъ 24 пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ и 6 отдѣльныхъ батальоновъ и кавалерійскихъ дивизіоновъ, онъ зналъ по фамиліямъ почти всѣхъ офицеровъ и фельдфебелей, большинство пажей Пажескаго корпуса и многихъ воспитанниковъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и кадетскихъ корпусовъ. А между тѣмъ ознакомленіе съ этими многими сотнями лицъ и учащейся молодежи производилось несистематично: государственныя дѣла отнимали у Николая Павловича много времени, но, разъ узнавъ фамилію офицера на ученьи, въ караулѣ, на гауптвахтѣ или на придворномъ балу, а воспитанника при посылкѣ на ординарцы, онъ уже не забывалъ ея.

Впервые мнѣ довелось увидѣть Николая Павловича вблизи, въ августѣ мѣсяцѣ 1840 года, въ день въѣзда въ Петербургъ невѣсты наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи супруги его Маріи Александровны. Занимая мѣсто въ первой шеренгѣ двухзводнаго отряда Института Корпуса Путей Сообщенія, стоявшаго на Дворцовой площади, я могъ хорошо всѣхъ видѣть и въ числѣ этихъ всѣхъ особенно выдавшагося своимъ ростомъ и фигурою императора, ѣхавшаго верхомъ съ наслѣдникомъ и большою свитой вслѣдъ за коляской съ помолвленною принцессой. Во второй разъ я стоялъ уже лицомъ къ лицу передъ нимъ, будучи посланъ на ординарцы, на второй день Пасхи, въ слѣдующемъ году. Близко былъ я тогда отъ него, всего на шагъ разстоянія, но уже не думалъ его разсматривать: у меня, какъ говорится, душа ушла въ пятки, и не мудрено: я стоялъ передъ требовательнымъ по фронту Николаемъ Павловичемъ. Только когда я отрапортовалъ ему: «къ Вашему Императорскому Величеству отъ Института Корпуса Путей Сообщенія на посылки присланъ», и Государь, съ довольнымъ лицомъ, взявъ за плеча, похристосовался со мной, душа моя изъ пятокъ перекочевала въ седьмое небо. Ахъ, какая была это счастливая минута въ жизни, и какъ хотѣлось мнѣ еще разъ пережить ее, попавъ снова въ ординарцы. Но это оказалось невозможнымъ: за послѣдній годъ моего пребыванія въ Институтѣ я настолько выросъ, что годился во фронтъ гренадерскихъ ротъ, а кадетъ такого роста Николай Павловичъ не любилъ, великановъ было въ гвардіи довольно, въ кадетахъ же онъ видѣлъ только ребятъ, и такихъ на показъ ему и посылали. Но если я не могъ болѣе по-

пасть къ нему на ординарцы, за то любовался имъ ежемѣсячно на разводахъ (караульные взводы наши чередовались; ихъ было въ Институтѣ четыре, а разводы съ церемоніей Государь дѣлалъ только по воскресеньямъ) и на ежегодномъ весеннемъ, называвшемся Майскимъ, но часто бывавшемъ въ апрѣлѣ, парадѣ. Какихъ только гвардейскихъ мундировъ я не видѣлъ за это время на Николаѣ Павловичѣ, и всѣ они шли къ нему; что же касается до посадки его на конѣ, то такого молодца-кавалериста, несмотря на его мощную, прямо богатырскую фигуру, рѣдко можно было встрѣтить. Государственныя дѣла не допускали Николая Павловича заниматься не только исключительно, но даже лишній часъ войсками и военными дѣлами; тѣмъ не менѣе всякому бросалось въ глаза, что онъ былъ военнымъ по призванію и совершенно доволенъ, когда, гарцуя на конѣ, объѣзжалъ свои войска или, стоя на мѣстѣ, пропускалъ ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ.

Окончивъ курсъ, я, передъ отправленіемъ на службу въ провинцію, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ взглянуть на Государя и кстати на его семейство, блестящую свиту и еще болѣе блестящій дворъ. 25 іюня 1844 года, въ день рожденія Государя, былъ назначенъ выходъ въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ. Въ царствованіе Николая Павловича всякій, имѣвшій на плечахъ пару эполетъ, безъ разбора къ какой части войскъ или спеціальному роду службы онъ ни принадлежалъ, могъ являться на выходы во дворецъ, безъ приглашенія или разрѣшенія. Этимъ правомъ я воспользовался, чтобы взглянуть на невиданную дотолѣ церемонію и, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ жизни на обожаемаго Монарха и его семейство. Судьбѣ угодно было, чтобы послѣдняго не случилось: семейныя дѣла принудили меня выйти въ отставку, и только черезъ 3 года я сдѣлался снова жителемъ Петербурга. Тутъ уже мнѣ приходилось видѣть Государя почти ежедневно. Его можно было встрѣтить въ разные часы дня на улицѣ, вечеромъ въ театрѣ и даже ночью въ маскарадѣ. Николай Павловичъ любилъ вечернія развлеченія, что являлось, конечно, необходимостью послѣ усиленныхъ занятій съ очень ранняго утра вплоть до обѣда. Онъ усердно посѣщалъ Итальянскую оперу, въ его царствованіе всегда первоклассную по составу труппы; бывалъ часто въ балетѣ и во Французскомъ театрѣ, рѣже въ Русскомъ и никогда въ Нѣмецкомъ (вѣроятно, по недостатку выдающихся артистовъ въ труппѣ). Рѣдко пропускалъ онъ и маскарады въ Большомъ театрѣ и Дворянскомъ Собраніи. Въ мундирѣ съ чернымъ кружевнымъ домино черезъ плечо (обязательная маскарадная форма, вскорѣ отмѣненная), обыкновенно съ маской подъ руку, ходилъ онъ по заламъ, не требуя никакихъ почестей, не отвѣчая даже на поклоны и сниманіе передъ нимъ шляпы лицами, не знавшими общепринятыхъ маскарадныхъ правилъ. Какимъ страннымъ казалось это правило въ Россіи многимъ, привыкшимъ встрѣчать Николая Павловича не только съ почестями, подобающими Государю, но и со страхомъ, внушавшимся однимъ его пристальнымъ взглядомъ. Не такъ, однако, смотрѣлъ онъ на свои прерогативы въ театрѣ и маскарадѣ: въ первомъ онъ позволялъ публикѣ самостоятельно высказывать свое

одобреніе или неодобреніе пьесъ и артистамъ, а въ маскарадѣ, гдѣ всѣ должны быть равны, онъ такимъ и самъ хотѣлъ быть. Въ маскарадѣ онъ оставался обыкновенно до 2-хъ часовъ, если же промедлялъ четверть или въ крайнемъ случаѣ полчаса, то въ этомъ, безъ сомнѣнія, была виновата маска, заставлявшая его забыть поздній часъ.

Извѣстно, что Николай Павловичъ былъ образцовый семьянинъ. Проведя все утро и передобѣденное время въ занятіяхъ, онъ за обѣдомъ въ семейномъ кругу начиналъ свой отдыхъ. Почти ежедневно, около 7 часовъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ проходилъ пѣшкомъ въ Маріинскій дворецъ, чтобы навѣстить свою старшую дочь герцогиню Лейхтенбергскую, а младшія, тогда еще незамужнія дочери, Ольга и Александра Николаевны, пріѣзжали съ императрицей Александрой Ѳеодоровной въ театръ, гдѣ поджидалъ ихъ отецъ. Нечего и говорить, что, имѣя двухъ дочерей-невѣстъ, онъ заботился о ихъ развлеченіи, вывозя на балы и вечера съ музыкой и танцами, въ виду чего покидалъ часто театръ послѣ первыхъ двухъ актовъ. Посѣщались балы пословъ и знати, концертные и танцовальные вечера Михаила Павловича и его супруги Елены Павловны, у которыхъ были свои три дочери-невѣсты (Марія, Елисавета и Екатерина Михаиловны), но чаще всего балы и вечера въ Аничковомъ дворцѣ, гдѣ жилъ съ молодою супругой наслѣдникъ цесаревичъ. Понятно, что и въ Зимнемъ дворцѣ давались часто балы и, изрѣдка, любимые Николаемъ Павловичемъ маскарады; не было недостатка и въ спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ, съ участіемъ всѣхъ труппъ, кромѣ опять-таки Нѣмецкой; но самыми интересными были почти ежедневные семейные вечера на половинѣ императрицы, на которые, кромѣ родныхъ, имѣли доступъ приближенныя къ Государю и императрицѣ лица. Такихъ лицъ при дворѣ и въ городѣ было немало и, благодаря имъ, въ Петербургѣ знали все, что̀ на этихъ вечерахъ происходило. На первомъ планѣ стояла музыка, исполнителями которой были солисты императорскаго двора, а иногда и знаменитые виртуозы иностранцы и пѣвцы Итальянской оперы. Часто въ такихъ домашнихъ концертахъ принималъ участіе самъ Государь, отлично игравшій на флейтѣ. Когда не было музыки, занимались чтеніемъ новѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ литературныхъ произведеній, а желающіе играли въ карты. И въ этомъ занятіи Николай Павловичъ не отставалъ отъ другихъ, только онъ любилъ играть вдвоемъ, въ баккара. По этому поводу разсказывали, какой урокъ онъ далъ одному изъ придворныхъ, обратившемуся къ нему съ не совсѣмъ умѣстной шуткой.

— Что̀ сказалъ бы Александръ Христофоровичъ (Бенкендорфъ), увидя васъ играющимъ въ такую игру?—Ничего бы не сказалъ.—Несомнѣнно; но игра все-таки запрещенная.—Почему?—Потому, что она безкозырная.—Вы забываете, что я самъ козырь,—отвѣчалъ Николай Павловичъ, хотя и съ улыбкой, но ясно намекая, что онъ стоитъ выше закона.

За слабостью здоровья императрицы, такіе вечера не заходили за полночь, и Государь очень часто занимался еще часъ-другой передъ сномъ особенно спѣшными дѣлами, которыя не успѣлъ обдумать и рѣшить въ

урочное время утреннихъ занятій. Вставалъ онъ очень рано. Въ зимніе дни, въ 7 часовъ утра, проходившіе по набережной Невы, мимо Зимняго дворца, могли видѣть Государя, сидящаго у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, при свѣтѣ 4-хъ свѣчей, прикрытыхъ абажуромъ, читающаго, подписывающаго и перебирающаго цѣлые вороха лежавшихъ передъ нимъ бумагъ. Но это было только начало его дневной работы—работы, недоконченной или отложенной для соображенія въ предшествующіе дни, настоящая же работа закипала въ 9 часовъ съ прибытіемъ министровъ. У каждаго изъ нихъ были извѣстные дни въ недѣлѣ, когда они являлись съ своими туго набитыми портфелями; но въ иной день приходилось Государю принимать нѣсколько министровъ и выслушивать доклады по совершенно различнымъ отраслямъ управленія. Сколько сосредоточенности, памяти и навыка нужно было имѣть Николаю Павловичу, чтобы не сбиться въ приказаніяхъ и распоряженіяхъ, отдаваемыхъ то одному, то другому изъ его 13 министровъ, имѣвшихъ мало общихъ дѣлъ между собой.

Въ первомъ часу дня, не взирая ни на какую погоду, Государь отправлялся, если не было назначено военнаго ученія, смотра или парада, въ визитацію, или вѣрнѣе инспектированіе, учебныхъ заведеній, казармъ, присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ учрежденій. Чаще всего онъ посѣщалъ кадетскіе корпуса и женскіе институты, гдѣ принимались дѣти съ десятилѣтняго возраста, и рѣже заведенія даже закрытыя, гдѣ пріемный возрастъ учащихся напоминалъ нѣчто университетское. Въ такихъ заведеніяхъ онъ входилъ обыкновенно во всѣ подробности управленія и почти никогда не покидалъ ихъ безъ замѣчанія, что одно слѣдуетъ измѣнить, а другое вовсе уничтожить. При своей необычайной памяти онъ никогда не забывалъ того, что̀ приказывалъ, и горе тому начальству заведенія, если, при вторичномъ посѣщеніи послѣдняго, онъ находилъ свои замѣчанія хотя не вполнѣ исполненными. И не въ одни учебныя заведенія и казенныя учрежденія проникалъ бдительный глазъ Николая Павловича. Въ Петербургѣ ни одинъ частный домъ въ центрѣ, въ Россіи ни одно общественное зданіе не возводилось и не перестраивалось безъ его вѣдома: всѣ проекты на такихъ родовъ постройки онъ разсматривалъ и утверждалъ самъ. Когда успѣвалъ онъ этимъ заниматься, было для всѣхъ загадкой, но что онъ вникалъ въ характеръ каждой постройки, было видно изъ замѣчаній и надписей, дѣлавшихся имъ на проектахъ. Иногда тѣ и другія имѣли шуточный характеръ въ отношеніи приближеннаго лица, строившаго или передѣлывавшаго свой домъ; иногда же, въ дурномъ расположеніи духа, дѣлалась придирка къ какой-нибудь детали, и проектъ не утверждался. Такъ на одномъ изъ такихъ проектовъ составитель его нарисовалъ $2^1/_2$ аршинную маштабную фигуру человѣка, долженствовавшую наглядно изображать высоту цоколя, въ цилиндрѣ, цвѣтномъ фракѣ, жилетѣ и панталонахъ. Государь зачеркнулъ фигуру съ надписью: «это что за республиканецъ!» и только. По поводу этой замѣтки, по Корпусу Путей Сообщенія былъ изданъ приказъ, чтобы масштабныя фигуры на проектахъ изображались только въ видѣ сол-

датъ въ шинели и фуражкѣ. На проектахъ церквей и другихъ общественныхъ зданій въ провинціи Николай Павловичъ, утверждая ихъ, часто надписывалъ: «Витбергъ!» Или: «работа Витберга!» Извѣстный строитель проектированнаго храма, Московскаго храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, былъ обвиненъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, лишенъ всего имущества и сосланъ въ Вятскую губернію. Выдающійся талантъ его, какъ зодчаго, какихъ немного было въ то время въ Россіи, привлекалъ къ нему немало заказчиковъ на разнаго рода проекты, тѣмъ болѣе, что, нуждаясь въ средствахъ, онъ недорого бралъ за работу. Николай Павловичъ по одному взгляду на фасадъ, сдѣланный рукою выдающагося художника, узналъ эту руку, утверждалъ проектъ, но Витберга не помиловалъ.

Военныхъ и все военное Государь отличалъ и любилъ по преимуществу: войска въ строю, мундиръ и воротникъ, застегнутые на всѣ крючки и пуговицы, военная выправка и руки по швамъ тѣшили его глазъ. Военныхъ людей на службѣ и въ отставкѣ отличали усы; усы была ихъ привилегія, и никто, кромѣ нихъ, не смѣлъ ихъ отращивать, кромѣ купцовъ и простолюдиновъ, не бривших бородъ. Права на усы лишены были даже медицинскій персоналъ военнаго вѣдомства и капельмейстеры военныхъ оркестровъ, дирижировавшіе музыкантами съ усами. Сбривать усы были должны не только переименовавшіеся изъ военныхъ въ гражданскіе чины, но и поступавшіе на гражданскую службу съ сохраненіемъ военныхъ чиновъ. На все была форма, распространявшаяся даже на женщинъ: неправильно присвоенная выѣздная форма лакея или дамская шляпка на головѣ купчихи или мѣщанки вызывали вмѣшательство полиціи. Впрочемъ, эта старинная регламентація временъ Павла и Екатерины въ послѣдніе годы жизни Николая Павловича соблюдалась нестрого; она не была отмѣнена, но на несоблюденіе ея смотрѣли сквозь пальцы, только незаконное ношеніе усовъ преслѣдовалось еще по-старому.

Николай Павловичъ любилъ окружать себя военными и всегда и во всемъ отдавалъ имъ предпочтеніе. Ни у одного изъ русскихъ императоровъ не было столько флигель-адъютантовъ, свиты генералъ-маіоровъ и генералъ-адъютантовъ, сколько у него, и ни у кого не было такъ много министровъ въ военномъ мундирѣ. Несомнѣнно, что трехъ своихъ министровъ, носившихъ гражданскіе чины, онъ съ удовольствіемъ замѣнилъ бы военными, если бы нашелъ между сими послѣдними спеціалистовъ, способныхъ принять ихъ портфели.

Вотъ списокъ министровъ начала сороковыхъ годовъ.

1. Генер.-адъют. князь Волконскій—министръ Императорскаго Двора, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и генералъ-фельдмаршалъ.
2. » графъ Чернышевъ—военный министръ, позднѣе свѣтлѣйшій князь.
3. » » Канкринъ—министръ финанс. Съ 1843 г. тайный совѣтникъ Вронченко.
4. » » Бенкендорфъ—шефъ жандармовъ.
5. » » Перовскій—министръ внутреннихъ дѣлъ.
6. Статсъ-секр. » Уваровъ—мин. народнаго просвѣщенія.

7. Генер.-адъют. графъ Протасовъ—оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода.
8. » » Толь—главноуправляющій путями сообщенія и публичныхъ зданій.
— » » Клейнмихель—тоже съ 1842 г., позднѣе министръ путей сообщенія.
9. Вице-канцлеръ » Нессельроде—министръ иностранныхъ дѣлъ, позднѣе государ. канцлеръ.
10. Статсъ-секр. » Панинъ—министръ юстиціи.
11. Генер.-адъют. » Киселевъ—министръ государственныхъ имуществъ.
12. » » Адлербергъ—главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, позднѣе и министръ Императорскаго Двора.
13. » свѣтлѣйшій князь Меншиковъ—управляющій Морскимъ Министерствомъ.

Послѣдніе шесть министровъ пережили Николая Павловича, а прочихъ девять онъ самъ проводилъ на вѣчный покой.

Изъ числа переименованныхъ министерствъ и управленій три были учреждены Николаемъ Павловичемъ. Первымъ, по вступленіи его на престолъ, начало дѣйствовать Третье Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи съ шефомъ жандармовъ графомъ Бенкендорфомъ во главѣ. Государь питалъ къ послѣднему большое расположеніе; о публикѣ сказать тоже не приходится, хотя поводомъ для этого былъ не онъ самъ, а начальникъ его штаба и управляющій Отдѣленіемъ, темнаго происхожденія генералъ Дуббельтъ. Особыхъ, бросающихся въ глаза отличій ни тотъ, ни другой, впрочемъ, не получали, какъ это имѣло мѣсто съ княземъ П. М. Волконскимъ, принявшимъ въ свое управленіе второе изъ вновь учрежденныхъ—министерство Императорскаго Двора. Онъ получилъ и титулъ свѣтлѣйшаго князя, и чинъ генералъ-фельдмаршала, хотя никакою арміей не командовалъ. У Николая Павловича было много любимцевъ и между министрами (графы Клейнмихель и Адлербергъ), но выдающіяся награды онъ давалъ только тѣмъ, кого считалъ достойными ихъ. Можетъ быть, онъ не всегда вѣрно оцѣнивалъ заслуги отличаемыхъ, но современники его въ такомъ случаѣ говорили: «на милость образца нѣтъ»; лучше излишество въ наградахъ, чѣмъ въ наказаніяхъ...

Третье министерство — Государственныхъ Имуществъ, учрежденное Николаемъ Павловичемъ въ 1839 году, принялъ въ завѣдываніе графъ П. Д. Киселевъ, управляющій послѣ войны съ турками въ 1828—29 г.г. княжествами Валахіей и Молдавіей (нынѣшняя Румынія). Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ только устраивалъ свое министерство.

Необычайными милостями Николая Павловича пользовался военный министръ А. И. Чернышевъ, далеко не блестяще ведшій хозяйство арміи, что и обнаружилось въ Крымскую кампанію неудовлетворительнымъ вооруженіемъ пѣхоты и недостаткомъ самыхъ необходимыхъ военныхъ запасовъ; а между тѣмъ онъ за время управленія министерствомъ получилъ титулъ князя, потомъ свѣтлѣйшаго князя, а при увольненіи отъ должности казенный домъ, въ которомъ жилъ, въ собственность. Въ сдѣланныхъ упущеніяхъ Государь, быть можетъ, бралъ вину на себя, такъ какъ всѣмъ, что

касалось до военнаго вѣдомства, управлялъ самъ, предоставляя Чернышеву лишь исполнительную часть; но все же обращать вниманіе Государя на недостатки арміи было его дѣло. Особеннымъ благоволеніемъ Николая Павловича пользовался министръ финансовъ графъ Канкринъ, считавшійся на своемъ посту чуть-чуть что не геніемъ. Какъ-то странно называть геніальнымъ министра финансовъ, въ концѣ своей карьеры отвергавшаго свою пользу и тормозившаго постройку желѣзныхъ дорогъ въ Россіи на томъ основаніи, что шестимѣсячная санная дорога вполнѣ достаточна для развитія внутренней торговли и промышленности, лѣтомъ же существуютъ для этого моря и рѣки. Положимъ, что говорилъ онъ такъ уже одряхлѣвшій и до крайности утомленный своею предыдущею дѣятельностью, когда постройка желѣзныхъ дорогъ, требовавшая громадныхъ заграничныхъ займовъ, могла поколебать блестящее, созданное имъ финансовое положеніе Россіи. Этого онъ не хотѣлъ и отстранился, сохраняя за собой славу выдающагося министра финансовъ. Никто не отнимаетъ у него этой славы; но еще вопросъ, онъ ли одинъ создалъ блестящее положеніе финансовъ въ царствованіе императора Николая Павловича или ему помогли особенныя экономическія условія Россіи и Европы того времени. Сорокалѣтній міръ Европы значительно увеличилъ ея народонаселеніе, а быстрое развитіе промышленности на Западѣ сократило тамъ земледѣліе. Тогда ни Сѣверная, ни Южная Америка, ни Индія, ни Египетъ, ни еще менѣе едва начинавшая заселяться Австралія не доставляли своихъ продуктовъ земледѣлія въ Европу, а помѣщичья Россія могла отправлять ихъ сколько угодно. Можно ли удивляться послѣ этого, что жители Россіи не знали, куда дѣвать и почемъ принимать иностранную звонкую монету, что за ассигнаціи платили лажъ отъ 10 до 15% и что русскій рубль цѣнился постоянно выше al pari на иностранныхъ биржахъ? Такое состояніе финансовъ продолжалось до начала Крымской войны, т.-е. еще 10 лѣтъ по уходѣ Канкрина, при министрахъ, вовсе не считавшихся особенно талантливыми; слѣдовательно, и таланты Канкрина не играли въ этомъ успѣхѣ особенной роли. Какъ бы то ни было, Николай Павловичъ не только цѣнилъ Канкрина, но даже въ одномъ отношеніи, вопреки своихъ правилъ, снисходилъ къ нему: Государь, самъ строго соблюдая установленную форму одежды, требовалъ того же отъ другихъ, а между тѣмъ старикъ Канкринъ былъ всегдашнимъ нарушителемъ ея.

Отправляясь на прогулку, въ большинствѣ случаевъ по Зеркальной линіи Гостиннаго Двора (вѣроятно во избѣжаніе встрѣчи съ Государемъ или другими нежелательными лицами), онъ такимъ образомъ облачался въ свой военный генеральскій костюмъ: на ногахъ теплые полуботфорты съ кисточками и вложенными въ голенища панталонами (въ царствованіе Николая Павловича полуботфорты не употреблялись, эта форма временъ Александра Павловича), теплая шинель въ рукава съ поднятымъ воротникомъ, обвязаннымъ шерстянымъ шарфомъ, на головѣ единственная форменная вещь: трехуголка съ султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ, а на глазахъ зеленый шелковый зонтикъ. Государю съ хохотомъ докладывали о такомъ военномъ костюмѣ

графа Канкрина. Николай Павловичъ выговаривалъ ему, но убѣдить старика въ необходимости соблюдать установленную форму было невозможно. «Ваше Величество не желаете, конечно, чтобы я простудился и слегъ въ постель; кто же тогда будетъ работать за меня?» былъ отвѣтъ его. Въ концѣ концовъ Государь махнулъ на него рукой. Онъ могъ, понятно, переименовать его въ гражданскій чинъ, но предпочелъ имѣть министромъ хотя и карикатурнаго, но военнаго генерала. Въ 1843 году графъ Канкринъ почти потерялъ зрѣніе и до того ослабъ здоровьемъ, что принужденъ былъ просить объ увольненіи отъ службы. На свое мѣсто онъ рекомендовалъ тайнаго совѣтника Вронченко. Государь согласился, такъ какъ у него не было въ виду другого лица, способнаго занять трудную и отвѣтственную должность министра финансовъ. Вронченко былъ всегда дѣятельнымъ и исполнительнымъ чиновникомъ; тѣ же качества проявилъ онъ и въ новомъ званіи, продолжая дѣло и способъ управленія министерствомъ своего учителя и благодѣтеля графа Канкрина и не выказывая съ своей стороны никакихъ особенныхъ талантовъ. Онъ не былъ красивъ ни лицомъ, ни фигурой, но донельзя циниченъ. Объ его неумѣніи держать себя въ обществѣ, несоблюденіи обычныхъ приличій даже со старшими изъ своихъ подчиненныхъ и о ночныхъ похожденіяхъ на Невскомъ проспектѣ говорили тогда въ каждомъ петербургскомъ домѣ; но, какъ природный малороссъ, онъ былъ очень хитеръ и скоро успѣлъ войти въ довѣріе и добиться расположенія къ себѣ Николая Павловича. Вотъ одинъ изъ случаевъ, происшедшихъ на пріемѣ Государемъ министровъ съ докладами. Доклады производились министрами по старшинству. Вронченко былъ самымъ младшимъ между собравшимися въ пріемной передъ кабинетомъ Государя и зналъ, что ему придется докладывать послѣ всѣхъ; но тѣмъ не менѣе онъ, какъ всегда, явился заблаговременно, что дало поводъ находившимся тутъ генераламъ и въ особенности князю Меншикову подтрунивать надъ нимъ, что онъ явился съ докладомъ прямо съ ночной прогулки. Всѣ, конечно, засмѣялись. Въ это время Государь, отпустивъ докладывавшаго князя Волконскаго, показался въ дверяхъ кабинета съ вопросомъ: Что за шумъ?.. При этомъ вопросѣ Вронченко, со страху или показывая только видъ, что испугался, уронилъ изъ рукъ портфель, содержимое котораго, состоявшее изъ докладныхъ бумагъ, разлетѣлось по полу. Общій хохотъ собравшихся раздался вновь. Николай Павловилъ обвелъ смѣявшихся своими большими на выкатѣ глазами и громко произнесъ: «Тутъ нѣтъ ничего смѣшного!».. Вронченко, тѣмъ временемъ, собралъ при помощи камеръ-лакея свои бумаги и, когда опустилъ ихъ снова въ портфель, Государь, показывая на свой кабинетъ, сказалъ ему: «Пожалуйте, я приму васъ». Вотъ какъ Николай Павловичъ, не скрываясь ни передъ кѣмъ, любилъ отличать тѣхъ, кто его боялся. Въ первый изъ наградныхъ дней, затѣмъ, Вронченко получилъ звѣзду и ленту Александра Невскаго, а вскорѣ послѣ того графское достоинство.

Государственный канцлеръ графъ Нессельроде—единственный изъ министровъ, остававшихся на посту въ теченіе всего царствованія императора Николая I, начавшій править Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ при Але-

ксандрѣ I и кончившій свою карьеру при Александрѣ II. Это одно доказываетъ, что онъ былъ на высотѣ своего призванія, но тѣмъ не менѣе онъ далеко не пользовался такими милостями Николая Павловича, какъ Чернышевъ и Волконскій: съ 1828 года вице-канцлеръ, онъ едва добился до канцлерства уже старикомъ.

Еще меньшими успѣхами по службѣ могли похвалиться два другіе гражданскіе министра, графы Уваровъ и Панинъ. Менѣе всего Николай Павловичъ занимался ихъ дѣлами, но зато урѣзывалъ бюджеты ихъ министерствъ до минимума и ничѣмъ не отличалъ самихъ министровъ.

Управляющій Морскимъ Министерствомъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ славился своею находчивостью и остроуміемъ и былъ не только любимъ Николаемъ Павловичемъ, но пользовался даже расположеніемъ всего его семейства, въ кругу котораго былъ частымъ и желаннымъ гостемъ. Тѣмъ не менѣе это былъ одинъ изъ самыхъ неудачнѣйшихъ дѣятелей въ числѣ приближенныхъ къ Государю лицъ. Самое назначеніе его, кавалерійскаго генерала, на постъ морского министра, не обѣщало удачи; но судьба послала ему замѣчательнаго помощника на Черномъ морѣ въ лицѣ адмирала Лазарева, создавшаго прославившійся впослѣдствіи подъ Синопомъ и на Севастопольскихъ бастіонахъ Черноморскій флотъ, а на Балтійскомъ морѣ распоряжался всѣмъ самъ Государь. Лишенный Александромъ I генералъ-адъютантства, онъ получилъ его вновь по воцареніи Николая Павловича. Неудачно дѣйствовалъ онъ съ сухого пути въ 1828 году подъ Анапой, павшей только при содѣйствіи адмирала Грейга съ моря; еще неудачнѣе кончилось его посольство, передъ Крымской войной, въ Константинополь, гдѣ выкинутый имъ фарсъ входа въ диванъ (турецкій совѣтъ министровъ) въ шляпѣ возмутилъ всѣхъ; но самымъ неудачнымъ было его командованіе Крымской арміей, ознаменовавшееся допущеніемъ высадки непріятеля въ Евпаторіи, проигранными сраженіями при Альмѣ, на Бельбекѣ и подъ Инкерманомъ и прямо трусливымъ бездѣйствіемъ во время зимы, когда англичане и французы, непривычные къ климату, мерзли въ своихъ палаткахъ.

Главноуправляющій путями сообщенія и публичныхъ зданій графъ Толь былъ образованный и очень даровитый офицеръ генеральнаго штаба, что̀ и доказалъ своимъ планомъ взятія Варшавы,—планомъ, которымъ воспользовался вновь прибывшій главнокомандующій арміей графъ Паскевичъ. Начальнику штаба арміи графу Толю ничего не оставалось болѣе, какъ распрощаться съ послѣдней и принять предложенный постъ главноуправляющаго путями сообщенія. Хотя и не получившій спеціальнаго инженернаго образованія, графъ Толь былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Желѣзныхъ дорогъ тогда не существовало еще въ Россіи, кромѣ небольшой частной отъ Петербурга до Павловска; за постройку же шоссейныхъ и особенно водяныхъ сообщеній, по примѣру своего предшественника герцога Александра Виртембергскаго, онъ принялся въ началѣ своего управленія съ большимъ усердіемъ. Къ сожалѣнію, Николай Павловичъ почему-то не благоволилъ къ нему: его бюджетъ подвергался часто большимъ урѣзкамъ, и это охладило рвеніе

его. Въ послѣдніе годы своего управленія онъ даже рѣдко показывался при дворѣ и, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе, пересылалъ докладъ Государю черезъ Первое Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ былъ смѣнившій графа Толя графъ П. А. Клейнмихель. Точно такъ же, какъ и первый, не-инженеръ, онъ отдался поверхностному наблюденію за постройкой только что утвержденной С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги, не обращая почти никакого вниманія на прочія сухопутныя и водяныя сообщенія. Шоссейныя дороги строились лишь небольшими участками въ Западномъ краѣ, преимущественно со стратегическою цѣлью, а водяныя сообщенія были совсѣмъ запущены. Между тѣмъ графъ Клейнмихель пользовался исключительнымъ довѣріемъ къ себѣ Николая Павловича, имѣлъ въ своемъ распоряженіи громадныя суммы и при своемъ безкорыстіи (какъ теперь установлено) могъ бы покрыть Россію столь необходимыми ей искусственными путями сообщеній. Будь онъ не строгимъ и исполнительнымъ только военнымъ генераломъ, а настоящимъ министромъ-инженеромъ, то на тѣ суммы, которыхъ стоила Николаевская желѣзная дорога, было бы возможно довести ее не до Москвы, а до Чернаго и Азовскаго морей. Но этого сдѣлано не было; коалиція европейскихъ державъ этимъ воспользовалась, напавъ на Крымскій полуостровъ, и первымъ, по окончаніи войны, пострадалъ графъ Клейнмихель: онъ былъ уволенъ отъ должности министра путей сообщенія за дурное состояніе дорогъ въ южной Россіи.

Главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ графъ В. Ѳ. Адлербергъ былъ тоже любимцемъ Николая Павловича. Самое названіе должности показываетъ, что въ департаментѣ, т.-е. въ управленіи почтовомъ, былъ еще другой ближайшій начальникъ (въ сороковыхъ годахъ—Прокоповичъ-Антонскій); слѣдовательно роль графа Адлерберга была лишь наблюдательная, да и не могла быть иной, такъ какъ онъ, постоянно вращаясь въ придворномъ кругу, менѣе всего могъ быть спеціалистомъ по почтовой части. Во время его управленія почтовое вѣдомство приносило большіе убытки казнѣ; дефицитъ доходилъ почти до 10 мил. рублей. Дефицитъ сталъ уменьшаться съ пониженіемъ почтовой таксы за письма и посылки и съ постепеннымъ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, повлекшимъ за собой уничтоженіе почтовыхъ станцій, а съ ними и крупныя приплаты за содержаніе почтовыхъ лошадей. Но это не относится къ царствованію императора Николая I; онъ могъ только досадовать, что почтовый дефицитъ не уменьшался. Послѣ смерти князя Волконскаго графъ Адлербергъ былъ сдѣланъ министромъ Императорскаго Двора съ сохраненіемъ и прежней должности по почтовому вѣдомству. Это была большая милость, представлявшая графу Адлербергу содержаніе двухъ министровъ; но о наградахъ въ родѣ выпавшихъ на долю князя Волконскаго не было и рѣчи.

Изъ списка министровъ начала сороковыхъ годовъ видно, что всѣ носили по меньшей мѣрѣ графскій титулъ; у коего его не было, тотъ его скоро получалъ, просто какъ очередную награду между двумя звѣздами;

по крайней мѣрѣ такимъ образомъ получили графство Вронченко, Перовскій, Клейнмихель (во время бытности еще дежурнымъ генераломъ главнаго штаба) и много другихъ лицъ, преимущественно изъ числа военныхъ, командовавшихъ отдѣльными воинскими частями (Ридигеръ, Никитинъ и др.). Но если императоръ Николай Павловичъ давалъ относительно легко графское достоинство извѣстнымъ и приближеннымъ къ нему лицамъ, зато титуломъ князя и особенно свѣтлѣйшаго онъ, очевидно, награждалъ или желалъ награждать только за особенныя государственныя заслуги, и на этомъ основаніи такой награды не удостоивались даже завѣдомые его любимцы. Достойны ли были особенно высокихъ наградъ князья Волконскій, Чернышовъ и даже Паскевичъ (получившій за Персидскую кампанію и взятіе по чужому плану Варшавы почти все то, что́ имѣлъ безсмертный Суворовъ за свою сотню одержанныхъ побѣдъ и безпримѣрный переходъ черезъ Альпы), судить не намъ. На это была воля самодержавнаго монарха, строго наказывавшаго провинившихся передъ нимъ, но и щедро награждавшаго признанныхъ имъ достойными награды.

Съ годами, Николай Павловичъ сталъ еще усиленнѣе заниматься государственными дѣлами, почти единолично, и требовалъ отъ своихъ министровъ не самостоятельныхъ дѣйствій, а лишь исполненія его предначертаній и приказаній. При такихъ условіяхъ не могло быть выдающихся по своей иниціативѣ министровъ.

ГЛАВА III.

Администрація.

I.

Петербургская администрація [1]).

Высшее управленіе петербургской столицы при императорѣ Николаѣ находилось весьма долгое время въ рукахъ такого человѣка, котораго менѣе всего можно было признать къ тому способнымъ. Я говорю о военномъ генералъ-губернаторѣ графѣ Петрѣ Кирилловичѣ Эссенѣ.

...Этотъ человѣкъ, безъ знанія, безъ энергіи, почти безъ смысла, упрямый лишь по внушеніямъ, состоялъ неограниченно въ рукахъ своего, привезеннаго имъ съ собою изъ Оренбурга, правителя канцеляріи Оводова, человѣка не безъ ума и не безъ образованія, но холоднаго мошенника, у котораго все было на откупу и котораго дурная слава гремѣла по цѣлому Петербургу. Эссенъ лично ничего не дѣлалъ, не отъ недостатка усердія, а за совершеннымъ неумѣніемъ, даже не читалъ никакихъ бумагъ, а если и читалъ, то ничего въ нихъ не понималъ; Оводовъ же, избалованный долго-

[1]) Изъ записокъ бар. М. А. Корфа, *Рус. Стар.* 1899, октябрь.

временною безотвѣтственностію, давалъ движеніе только тому, что входило въ его интересы и разсчеты. Приносить просьбы или жалобы военному генералъ-губернатору по такимъ дѣламъ, по которымъ его правитель канцеляріи не былъ особо заинтересованъ, ни къ чему не вело, и въ такомъ случаѣ можно было ходить и переписываться цѣлые годы совершенно понапрасну. Зато едва ли и встрѣчался кто-нибудь въ высшемъ нашемъ управленіи человѣкъ съ такою отрицательною популярностію, какую пріобрѣлъ Эссенъ, сдѣлавшійся, постепенно, мѣтою общаго презрѣнія и явныхъ насмѣшекъ, выражавшихся иногда—разумѣется, иносказательно,—даже и въ печати [1]). Все это, однако, относясь болѣе къ распорядку внутреннему или, такъ сказать, бумажному, оставалось, повидимому, сокрытымъ отъ государя, который, въ отношеніи къ внѣшнему порядку столицы, входилъ самъ во все и, при бодрственной внимательности своей, представлялъ своимъ лицомъ истиннаго высшаго начальника петербургской столицы.

...Внутреннія дѣйствія петербургской полиціи, извѣстныя дотолѣ лишь ихъ жертвамъ, начали подвергаться болѣе строгому контролю и обслѣдованію только со времени вступленія въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Перовскаго. Обревизовавъ лично управу благочинія, новый министръ удостовѣрился въ невѣроятныхъ въ ней безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ и написалъ очень строгую по этому поводу бумагу оберъ-полиціймейстеру Кокошкину. Потомъ онъ обратился къ самому Эссену и, ссылаясь на дурную репутацію Оводова, изъяснилъ, сколько необходимо было бы, для отвращенія дальнѣйшихъ нареканій, удалить послѣдняго отъ должности. Наконецъ, по докладу Перовскаго объ оставленіи безъ отвѣта со стороны военнаго генералъ-губернатора семнадцати, по одному и тому же дѣлу, отношеній министерства, государь, въ іюнѣ 1842 года, приказалъ сдѣлать Эссену строгій выговоръ, а Оводова посадить на гауптвахту на три дня, изъ числа которыхъ онъ просидѣлъ, впрочемъ, только одинъ, ибо на слѣдующій день праздновалось рожденіе императрицы (1-го іюля), что послужило поводомъ его выпустить. Дѣло стало проясняться. Вскорѣ на образъ управленія столицы долженъ былъ пролиться, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ одной его части, судебной—новый еще, всѣхъ ужаснувшій свѣтъ.

По замѣченному въ обоихъ департаментахъ С.-Петербургскаго надворнаго суда чрезвычайному, отъ собственной ихъ вины, накопленію дѣлъ, въ 1837 году признано было за нужное опредѣлить въ сіи департаменты новый комплектъ членовъ и секретарей, а изъ прежнихъ учредить два временныхъ департамента, 3-й и 4-й, на такомъ основаніи, чтобы они окончили всѣ старыя дѣла въ теченіе двухъ лѣтъ, если же сего не исполнятъ, то продолжали бы свои занятія до совершеннаго окончанія тѣхъ дѣлъ, безъ жалованья.

Двухлѣтній срокъ истекъ въ апрѣлѣ 1839 года и хотя, по оставленіи затѣмъ членовъ и секретарей 3-го и 4-го департаментовъ при прежнихъ

[1]) Такъ, въ изданіи, выходившемъ въ 1842 году: «Сплетни», была статья: «Всевидящее око»—прямая сатира, направленная противъ Эссена.

ихъ должностяхъ безъ окладовъ, надлежало ожидать, что дѣла будутъ скорѣе кончены, однако вышло совершенно противное. Въ 1840 и 1841 годахъ оба департамента были обревизованы вновь назначеннымъ въ Петербугъ гражданскимъ губернаторомъ Шереметевымъ и однимъ изъ высшихъ чиновниковъ министерства юстиціи, и ревизія ихъ, внесенная графомъ Панинымъ, въ концѣ 1842 года, въ Государственный Совѣтъ, представила такую картину, которую достаточно будетъ изобразить здѣсь въ однѣхъ слѣдующихъ главнѣйшихъ и наиболѣе разительныхъ чертахъ ея.

Въ 3-мъ департаментѣ оказалось нерѣшенныхъ дѣлъ 375, а не исполненныхъ рѣшеній и указовъ болѣе 1.500. Изъ числа трехъ присутствовавшихъ, судья, по старости лѣтъ и слабому здоровью, занимался чрезвычайно мало, одинъ засѣдатель умеръ, а другой постоянно рапортовался больнымъ и почти никогда не бывалъ въ судѣ. Изъ числа двухъ секретарей одинъ также умеръ, а другой, видя себя обреченнымъ служить неизвѣстное время безъ жалованья и не находя никакихъ средствъ къ пропитанію большой семьи, упалъ духомъ и притомъ рѣшительно не могъ ничего дѣлать, какъ отъ бездѣйствія и недостатка членовъ, такъ и отъ неповиновенія канцеляріи, которой безнравственность, по выраженію ревизоровъ, превзошла всякое вѣроятіе.

Въ 4-мъ департаментѣ нерѣшенныхъ дѣлъ оставалось до 600, а счета не исполненнымъ рѣшеніямъ и указамъ никто не зналъ: повѣрить же ихъ число не было возможности, потому что всѣ реестры, книги и проч. находились въ совершенномъ разстройствѣ. Секретарей не было совсѣмъ, и должность ихъ правили повытчики; нравственность канцеляріи была едва ли лучше, чѣмъ въ 3-мъ департаментѣ; члены, хотя и находились налицо, но ревизоры замѣчали, что они «ни мало не стѣсняются обязанностію служить безъ жалованья и готовы оставаться въ семъ положеніи еще на весьма долгое время». Въ обоихъ департаментахъ нѣсколько двигались тѣ дѣла, по которымъ просители имѣли ежедневное и настоятельное хожденіе, прочія же лежали, безъ всякаго производства и разбора, вокругъ канцелярскихъ столовъ. Въ дѣлахъ конкурсныхъ публикаціи дѣлались, вмѣсто того же самаго дня, когда признана была несостоятельность, черезъ нѣсколько послѣ того лѣтъ, а между тѣмъ департаменты распоряжались имуществомъ должника по своему произволу и съ такимъ же произволомъ дѣлили деньги между кредиторами, такъ что нѣкоторые успѣли исходатайствовать себѣ полное удовлетвореніе, тогда какъ другіе, при тѣхъ же самыхъ правахъ, не получили ничего. Денежная отчетность была въ такомъ порядкѣ, что о находившейся въ судѣ частной суммѣ до 650.000 руб. потерянъ былъ всякій слѣдъ, *кому именно она принадлежала,* и вслѣдствіе того, что ее хранили подъ названіемъ суммы «неизвѣстныхъ лицъ!» Наконецъ, за всѣ эти дѣйствія, члены 3-го департамента были преданы суду *три,* а члены 4-го — *двадцать четыре раза!*

Картина эта, здѣсь только очерченная, была тѣмъ ужаснѣе, что мѣсто дѣйствія происходило въ столицѣ, въ центрѣ управленія, почти окно въ

окно съ царскимъ кабинетомъ и еще въ энергическое правленіе Николая; и послѣ взгляда на нее, конечно, уже трудно было согласиться съ тѣми, которые находили явившіяся незадолго передъ тѣмъ «Мертвыя души» Гоголя одною лишь преувеличенною карикатурою. Сколько долговременный опытъ ни закалялъ престарѣлыхъ членовъ Государственнаго Совѣта противъ всевозможныхъ административныхъ ужасовъ, однако и они, при докладѣ этого печальнаго дѣла, были сильно взволнованы и, такъ сказать, внѣ себя. Что же должна была ощущать тутъ юная, менѣе еще ознакомленная съ человѣческими мерзостями душа цесаревича наслѣдника! Слушая нашъ докладъ съ напряженнымъ вниманіемъ, онъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ... Общее негодованіе увеличивалось еще тѣмъ, что виновные, за всѣ грѣхи ихъ до 16-го апрѣля 1841 года, покрывались щитомъ милостиваго манифеста, и кара закона могла коснуться ихъ только за позднѣйшія ихъ дѣйствія.

Графъ Панинъ, доводя о всемъ вышеизложенномъ до свѣдѣнія Совѣта, предлагалъ: 1) 3-й и 4-й департаменты соединить въ одно присутствіе, наименовавъ его временнымъ надворнымъ судомъ (онъ мотивировалъ это тѣмъ, что въ одно присутствіе легче пріискать людей, чѣмъ въ два); 2) членовъ ихъ и секретарей уволить отъ службы, съ преданіемъ, за всѣ ихъ дѣйствія послѣ манифеста, суду; 3) увеличить штатъ, а назначеніе новыхъ членовъ и секретарей предоставить губернатору; 4) канцелярію составить изъ прежнихъ чиновниковъ (чтобы не ввѣрить дѣлъ лицамъ новымъ, вовсе съ ними незнакомымъ), уполномочивъ губернатора увольнять отъ службы тѣхъ изъ нихъ, которыхъ новые члены найдутъ неспособными или неблагонадежными; 5) временному суду о ходѣ своихъ занятій доставлять мѣсячныя вѣдомости въ министерство и въ губернское правленіе; 6) для окончанія всѣхъ дѣлъ назначить ему трехгодичный срокъ, и если порученіе сіе окончено будетъ съ успѣхомъ, то помѣстить чиновниковъ въ свое время къ другимъ соотвѣтственнымъ должностямъ и представить объ ихъ наградѣ.

Департаментъ законовъ принялъ эти мѣры безусловно, а общее собраніе Государственнаго Совѣта прибавило къ нимъ только, чтобы министръ юстиціи,—во-1-хъ, удостовѣрясь, были ли со стороны губернскаго правленія и губернскаго прокурора употребляемы должныя настоянія къ прекращенію описанныхъ безпорядковъ и, въ случаѣ безуспѣшности такихъ настояній, ограждали ли они себя отъ отвѣтственности надлежащими донесеніями по начальству,—довелъ объ открывшемся до свѣдѣнія Совѣта, и во-2-хъ, сообразилъ, не нужно ли принять особенныхъ мѣръ для ближайшаго надзора за дѣйствіями новаго суда, опредѣленіемъ ли къ губернскому прокурору особаго товарища, или иначе. Во все время происходившихъ объ этомъ сужденій нашъ простодушный военный генералъ-губернаторъ, по обыкновенію своему, совершенно безмолвствовалъ; но это никого не удивило. Что могъ сказать старикъ, всякій день и отовсюду обманываемый, менѣе знавшій о своемъ управленіи, чѣмъ многіе посторонніе, никогда не помышлявшій о мѣрахъ исправленія и, можетъ быть, тутъ лишь впервые услышавшій объ

Этихъ ужасахъ? Уже только послѣ засѣданія, когда большая часть членовъ разъѣхалась, онъ замѣтилъ мнѣ наединѣ, «что могъ бы сказать многое, да не хотѣлъ напрасно тратить словъ; что и во всѣхъ другихъ здѣшнихъ судахъ такіе же безпорядки; что главною причиною — недостатокъ чиновниковъ, которые не являются даже по вызовамъ черезъ газеты, и что въ управѣ благочинія, можетъ статься, еще хуже».

Между тѣмъ, журналъ былъ записанъ мною со всѣмъ жаромъ того справедливаго негодованія, которое выразилось между членами, и я съ горестнымъ любопытствомъ ожидалъ, когда и какъ сойдетъ меморія отъ государя, скорбя впередъ о впечатлѣніи, которое она произведетъ на его сердце. Дѣйствительно, посвятить всю жизнь, всѣ помыслы, всю энергію мощной души на благо державы и на искорененіе злоупотребленій; неуклонно стремиться къ тому въ продолженіе 17-ти лѣтъ; утѣшаться мыслію, что достигнутъ хотя какой-нибудь успѣхъ, и вдругъ—вмѣсто плода всѣхъ этихъ попеченій, усилій, цѣлой жизни жертвъ и заботъ—увидѣть себя передъ такою зіяющею бездною всевозможныхъ мерзостей, бездною, открывшеюся не сегодня, не вчера, а образовавшеюся постепенно, черезъ многіе годы, невѣдомо ему, передъ самымъ его дворцомъ—тутъ было отъ чего упасть рукамъ, лишиться всякой бодрости, всякаго рвенія, даже впасть въ человѣконенавидѣніе... Это глубокое сокрушеніе и выразилось, хотя кратко, но со всѣмъ негодованіемъ обманутыхъ чаяній, въ собственноручной резолюціи, съ которою возвратилась наша меморія.

«Неслыханный срамъ!—написалъ государь,—безпечность ближняго начальства неимовѣрна и ничѣмъ не извинительна; мнѣ стыдно и прискорбно, что подобный безпорядокъ существовать могъ почти подъ глазами моими и мнѣ оставаться неизвѣстнымъ».

Сверхъ того въ проектѣ указа, гдѣ говорилось (пунктъ 3-й), чтобы прежнихъ членовъ и секретарей «уволить» отъ службы, государь замѣнилъ это слово: «отставить». За всѣмъ тѣмъ, при характерѣ государя, мнѣ казалось, что эта резолюція—какъ-то безъ конца, т.-е. безъ *полнаго* результата или развязки и что за нею должно послѣдовать еще что-нибудь другое, независимо отъ окончанія дѣла по Совѣту. Такъ, дѣйствительно, и было. Государь, получивъ совѣтскую меморію 2-го декабря и прочитавъ ее вечеромъ, въ ту же минуту послалъ за военнымъ министромъ княземъ Чернышевымъ и велѣлъ ему внести въ приказъ объ увольненіи графа Эссена отъ должности. Все это сдѣлано было еще въ тотъ же вечеръ 2-го числа, такъ что, когда меморія дошла до меня на слѣдующій день, Эссенъ былъ уже всемилостивѣйше уволенъ отъ должности военнаго генералъ-губернатора, съ оставленіемъ только членомъ Государственнаго Совѣта, при чемъ не употребили даже обыкновенныхъ смягчительныхъ выраженій: «по просьбѣ» или «по болѣзни». Гнѣвъ государя былъ очень понятенъ, какъ равно и то, что онъ обрушился собственно на Эссена. Шереметевъ состоялъ губернаторомъ всего только еще второй годъ, и по его именно ревизіи и были открыты всѣ эти ужасы; главные виновники, члены и секретари, безъ того

уже отставлялись и предавались суду, а степень отвѣтственности губернскаго прокурора могла опредѣлиться только черезъ предназначавшееся Государственнымъ Совѣтомъ изслѣдованіе. Государь говорилъ многимъ, что винитъ не Эссена, а себя, за то, что онъ такъ долго могъ его терпѣть и оставлять на такомъ важномъ посту. Бывшій военный генералъ-губернаторъ, послѣ увольненія своего, являлся во дворецъ два раза; но былъ допущенъ только во второй.

— Я ничего не имѣю противъ тебя лично,—сказалъ государь,—но былъ ужасно окруженъ.

Между тѣмъ, 6-го числа, въ день своего тезоименитства, государь, добрый и въ самой строгости и всегда признательный къ долговременной, неомраченной никакими произвольными винами службѣ—глупость и бездарность не отъ насъ зависятъ—утѣшилъ бѣднаго старика пожалованіемъ ему, при милостивомъ рескриптѣ, своего шифра на эполеты и оставленіемъ при немъ всего прежняго содержанія, т.-е. по 6.000 руб. въ годъ.

Разсказывая мнѣ самъ обо всемъ этомъ 6-го числа во дворцѣ, Эссенъ заключилъ такъ:

— Признаюсь, что милость царская искренно меня порадовала, снявъ тотъ срамъ, которымъ я былъ такъ покрытъ передъ публикою. И скажите, ради Бога, зачѣмъ все это обрушилось на мнѣ одномъ, когда есть и губернское правленіе, и губернскій прокуроръ, и министръ юстиціи? При моей аудіенціи я объяснилъ мою невинность и вмѣстѣ трудность, въ которой находился, дѣйствовать безъ чиновниковъ, которыхъ, какъ я вамъ сказывалъ, нельзя было дозваться даже чрезъ газеты. Вѣроятно, государь нашелъ мои доводы достаточными, потому что возстановилъ теперь опять мою честь. Но представьте, какіе есть злые люди въ свѣтѣ: государю донесли, что когда это дѣло слушалось въ Совѣтѣ, то я ничего не говорилъ. «Видно,—сказалъ онъ мнѣ,—ты ничего не нашелъ къ своему оправданію, потому что смолчалъ въ Совѣтѣ»; а вѣдь вы сами вспомните, что я говорилъ съ вами послѣ засѣданія; Совѣту же что жъ мнѣ было еще объяснять, когда я самъ обо всемъ представилъ министру юстиціи и онъ лично тутъ находился? Впрочемъ, слава Богу, что моя должность перешла къ доброму и честному человѣку (генералъ-адъютанту Кавелину), настоящему христіанину, а мнѣ ужъ и такъ жить недолго.

Невозможно передать на бумагѣ того простодушнаго тона, съ которымъ все это было сказано, но разговоръ былъ безподобенъ своею наивностью.

— Теперь,—прибавилъ Эссенъ,—на свободѣ я могу прилежнѣе читать ваши совѣтскія записки, къ чему до сихъ поръ у меня недоставало времени.

Я совѣтовалъ ему не пріѣзжать на слѣдующій день въ Совѣтъ, гдѣ должна была объявляться резолюція государева. Онъ однакожъ не согласился.

— Какъ же мнѣ это сдѣлать? Вѣдь можно бы только подъ предлогомъ болѣзни; если же сказаться больнымъ, то нельзя пріѣхать и на двор-

(Съ картины Крамского).

Парадъ войскъ въ С.-Петербургѣ у Михайловскаго замка при Императорѣ НИКОЛАѢ I.

цовый балъ вечеромъ (онъ былъ назначенъ, вмѣсто 6-го числа, 7-го), а тутъ, пожалуй, подумаютъ, что я обижаюсь.

На балѣ 7-го декабря, куда Эссенъ не преминулъ явиться, и императрица, и супруга наслѣдника цесаревича и всѣ великія княжны ходили съ нимъ польское, а государь, въ виду всѣхъ, почтилъ его продолжительною и милостивою бесѣдою.

Этимъ окончились судьбы графа Эссена, вскорѣ послѣ того (въ 1844 г.) умершаго; и какъ бы для сохраненія послужному его списку, до самаго конца, вида фантасмагорическаго призрака, столь противуположнаго дѣйствительности, надо же было, чтобы онъ заключился милостивымъ рескриптомъ и важною наградою (шифръ на эполеты), въ ту самую минуту, когда героя его удаляли отъ мѣста за признанною неспособностію.

II.

Власть въ провинціи[1]).

Еще за два года до прибытія покойнаго государя Николая Павловича въ Казань (въ 1836 году) было извѣстно, что онъ намѣренъ посѣтить этотъ городъ. И городъ, и губернія стали приготовляться къ пріему. Все зашевелилось. Народъ былъ въ радостномъ настроеніи, власти же нѣсколько трусили. А какъ будетъ ревизія? Какъ бы не обнаружилось что-нибудь? За нѣсколько лѣтъ до этого два сенатора, графъ Санти и Кушниковъ, ревизовали Казанскую губернію, и всѣ чиновники были отданы подъ судъ. Дѣло тянулось въ теченіе восьми лѣтъ, и чиновники получали половинное жалованье; но когда невинность ихъ была обнаружена, то за всѣ восемь лѣтъ выдана была имъ остальная половина.

Губернаторомъ въ Казани былъ въ то время генералъ-лейтенантъ Стрекаловъ — администраторъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, не злой, но нельзя сказать, чтобы и особенно добрый. Это былъ сибаритъ, старавшійся пожить въ свое удовольствіе. Положеніе его было блестящее. Начальникъ губерніи, человѣкъ со связями, съ обезпеченнымъ состояніемъ, да еще получающій, кромѣ того, огромное, по тому времени, жалованье. Какого еще житья надо? Скажутъ: заботы огромныя—цѣлая губернія на плечахъ, надобно имѣть гигантскія умственныя силы, чтобъ нести это бремя. Ни чуть не бывало. Начальнику губерніи не для чего было не только работать, но даже и думать. Административная машина того времени была такъ отлично налажена, что управляющему краемъ было чрезвычайно легко. Петербургъ поважнѣе Казани, да и то въ старые годы градоправители его не находили никакихъ затрудненій въ исполненіи своихъ многосложныхъ обязанностей.

— Это кто ко мнѣ пишетъ? — спроситъ, бывало, петербургскій губернаторъ Эссенъ, когда правитель канцеляріи подастъ ему бумагу.

[1]) «Казанская старина» (изъ воспоминаній И. И. Михайлова). *Рус. Стар.* 1899, октябрь.

— Это вы пишете.

— А, это я пишу. О чемъ?

Узнавъ, о чемъ онъ пишетъ, государственный мужъ подписываетъ бумагу.

Бывали администраторы болѣе безпокойные, какъ, напр., эриванскій губернаторъ князь Андрониковъ. Этотъ все сомнѣвался, не обманываетъ ли его правитель канцеляріи, и придумалъ способъ, посредствомъ котораго удостовѣрялся, что его не обманываютъ.

— Скажи правду, это вѣрно?—спрашивалъ онъ правителя канцеляріи, подносившаго ему бумаги къ подписанію.

— Вѣрно, ваше превосходительство.

— Взгляни на образъ, побожись!

Тотъ взглянетъ на образъ, побожится; князь Андрониковъ перекрестится и подпишетъ.

Главная задача губернатора состояла въ томъ, чтобы бумаги, присылаемыя изъ министерства, не лежали долго безъ отвѣта. Такой политики строго держался знаменитый казанскій губернаторъ Скарятинъ, столь счастливо воевавшій съ татарами въ послѣднее время. Эта манера практиковалась весьма многими дѣятелями, были бы бумаги скоро исполнены, а до людей и подвластныхъ имъ—дѣла нѣтъ.

Подписать болѣе ста бумагъ въ день, хотя и не особенно трудно, но все-таки человѣкъ утомляется, надобно отдохнуть.

Чѣмъ заняться?—Женщинами.

Стрекаловъ неуклонно держался этого правила. Будучи уже старъ и лысъ, онъ старался нравиться женщинамъ: румянился, носилъ парикъ, устроенный съ такимъ искусствомъ, что трудно было отличить его отъ настоящихъ волосъ; но въ особенности его молодилъ блескъ власти; онъ замѣнялъ ему румянецъ юности. Его побѣды обходились ему дешево. Родственниковъ женщинъ, удостоившихся его благоволенія, онъ награждалъ тепленькими мѣстечками исправниковъ. По дѣламъ онъ, правда, взятокъ не бралъ, но съ откупщиковъ получалъ ежегодную дань. Это считали въ то время доходомъ безгрѣшнымъ. За нѣсколько десятковъ тысячъ рублей Стрекаловъ предоставлялъ откупщикамъ,—а ихъ въ губерніи было нѣсколько,—грабить обывателей, какъ имъ хотѣлось. Разъ, въ самомъ губернскомъ городѣ Казани, откупщику вздумалось дѣлать въ каждомъ домѣ осмотръ погребовъ, не приготовляетъ ли кто пива для домашняго употребленія, и не только за найденное пиво, но даже за густой квасъ откупъ взыскивалъ штрафъ съ хозяина дома. Слишкомъ густой квасъ доказываетъ намѣреніе приготовить пиво. Штрафъ взимался за вредныя мысли противъ откупа. Въ теченіе съ лишкомъ двухъ мѣсяцевъ производился, при содѣйствіи полицейскихъ властей, осмотръ кладовыхъ и погребовъ жителей Казани, по преимуществу купцовъ, мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ и духовныхъ лицъ. Измѣннически преданный откупщику городъ заплатилъ страшную контрибуцію питейному баскаку. Ропотъ былъ страшный, но на это

не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Грабежъ прекратился неожиданно по особенному случаю. Повѣренный откупа, въ сопровожденіи квартальнаго надзирателя, явился, между прочимъ, къ священнику Варламіевскаго прихода: «такъ и такъ,—говоритъ,—позвольте осмотрѣть вашъ погребъ». Священникъ повелъ ихъ въ погребъ и, когда они вошли внутрь, онъ заперъ ихъ тамъ и отправился доложить объ этомъ бывшему въ то время архіепископу Владиміру. Продѣлка священника надъ служителями откупа показалась владыкѣ очень остроумной. Онъ успокоилъ священника, но велѣлъ ихъ выпустить изъ заключенія. На другой день невинные узники явились къ преосвященному съ жалобою, но владыка принялъ ихъ сурово.

— Какъ смѣли вы придти въ домъ священника,—спрашивалъ преосвященный;—вы грабите народъ, вы отнимаете у бѣдняка послѣднее удовольствіе; вонъ, негодяи!

Послѣ такого мужественнаго отпора откупъ долженъ былъ отступить, и не только духовныя лица, но и прочіе жители оставлены были въ покоѣ.

А что дѣлалось въ губерніи? Она походила на озеро, въ глубинѣ котораго крупныя рыбы поѣдали мелкихъ; на поверхности уже его было тихо, и оно блистало, гладкое, какъ зеркало.

Хотя обличители являлись и въ то время, но имъ крайне не везло. Одинъ изъ такихъ обличителей въ Казани былъ чиновникъ Кудрявцевъ. Онъ имѣлъ порядочное состояніе, былъ уже въ отставкѣ и писалъ разныя жалобы на управленіе, въ полной увѣренности, что онъ неуязвимъ. Стрекаловъ его предупреждалъ.

— Эй!—говорилъ онъ Кудрявцеву, — перестань ябедничать — худо будетъ.

Въ то время каждая, хотя и справедливая, жалоба считалась ябедой.

Но тотъ не унимался. И вотъ, въ одно утро Стрекаловъ призываетъ Кудрявцева къ себѣ. Тотъ является.

— А я, братъ, тебѣ пріятную вѣсточку скажу,—говоритъ ему Стрекаловъ.

— Какую, ваше превосходительство?—заинтересовался Кудрявцевъ.

— А тебѣ предстоитъ веселая поѣздка въ Уфу, и какъ ты славно прокатишься! погода такая отличная.

— Зачѣмъ?

— Да чтобъ тебѣ спокойнѣе тамъ было. Ты все недоволенъ, то не такъ, да это не по тебѣ. Тамъ тебѣ ужъ не на что жаловаться будетъ. Все еще, я вижу, не понялъ? Тамъ ябедничать не посмѣешь, тамъ ты будешь подъ надзоромъ полиціи.

Пять лѣтъ пробылъ Кудрявцевъ въ Уфѣ и, наконецъ, взмолился Стрекалову. Тотъ, усмотрѣвъ нравственное исправленіе Кудрявцева, смиловался и выхлопоталъ ему возвращеніе на родину.

Съ тѣхъ поръ Кудрявцевъ сталъ шелковый; объ обличеніи не смѣлъ и думать.

Были и другіе вольнодумцы: Аноровъ и Перовъ, но Перову выпала такая же доля, какъ и Кудрявцеву. Аноровъ тоже скоро замолчалъ. Этотъ писалъ довольно колкія статейки въ казанскій журналъ «Заволжскій муравей». Хотя фамилій онъ не выставлялъ, но нѣкоторые себя узнавали и жаловались Стрекалову на печатную обиду.

Ссылка подъ надзоръ полиціи за произнесеніе правды въ то время практиковалась очень часто. И не такъ давно, одинъ могущественный администраторъ, недовольный мѣстной газетой, осмѣлившейся имѣть независимый взглядъ, призвалъ къ себѣ ея редактора и произнесъ ему слѣдующую рѣчь:

— Послушайте, я не имѣю права закрыть вашу газету, но я могу сослать васъ подъ надзоръ полиціи; выбирайте любое: или закройте вашу газету, или отправляйтесь въ отдаленный край на жительство.

Разумѣется, изданіе прекратилось.

Да и что могли сдѣлать въ то время мелкія частныя лица, безъ связей, безъ значенія, противъ цѣлаго корпуса взяточниковъ, правда, пустыхъ, ничтожныхъ, необразованныхъ людей, но сильныхъ единствомъ, одушевленныхъ однимъ общимъ стремленіемъ къ грабежу, крѣпко сплотившихся для защиты другъ друга. Былъ въ то время въ Казани человѣкъ посильнѣе этихъ крошечныхъ обличителей и занимавшій важный постъ въ губерніи, по долгу службы обязанный вести борьбу съ врагами закона, который онъ поставленъ былъ охранять. По своимъ дарованіямъ и знанію дѣла, онъ неизмѣримо былъ выше всѣхъ губернскихъ сановниковъ, рѣзко выдѣляясь изъ всей казанской чиновной шушеры. Это былъ казанскій прокуроръ Солнцевъ.

До назначенія въ должность прокурора, Солнцевъ былъ ректоромъ казанскаго университета и профессоромъ юридическаго факультета, но за либеральныя мнѣнія былъ вытѣсненъ бывшимъ попечителемъ Магницкимъ. Между юридическими профессорами того времени онъ былъ свѣтиломъ.

...Сколько несправедливостей, сколько злодѣйствъ совершалось на его глазахъ, и онъ былъ безгласенъ. Повальное ограбленіе жителей Казани мѣстнымъ откупщикомъ, о которомъ я выше уже говорилъ, совершилось при немъ. При немъ полиціймейстеръ Поль свирѣпствовалъ въ Казани въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Много я на своемъ вѣку видалъ чиновныхъ изверговъ, но равнаго Полю не встрѣчалъ. Не говорю уже объ алчности его къ деньгамъ. Это была общая всѣмъ слабость въ ту пору. Поль дѣлалъ зло изъ одного удовольствія дѣлать его, не имѣя отъ этого никакой выгоды. Законъ и право для этого человѣка не существовали. Казанскій Поль былъ едва ли не почище римскаго Катилины, только въ другомъ родѣ. Оставляю въ сторонѣ его злоупотребленія по должности. У него была неудержимая страсть къ тѣлеснымъ наказаніямъ, и онъ истязалъ людей совершенно невинныхъ. Полицейскимъ чинамъ стоило взять совершенно непричастнаго ни къ какому проступку человѣка и донести на другой день полиціймейстеру, что взятый былъ задержанъ за пьянство и буйство, Поль, безъ всякой повѣрки доне-

сенія, тотчасъ же приказывалъ его при себѣ растянуть и высѣчь. Этой участи подвергались не только простолюдины, но даже и мелкіе чиновники. Жалобы были безполезны, на слѣдствіи ни одинъ полицейскій, конечно, не осмѣлился бы дать показанія противъ полиціймейстера. Разъ Поль едва было не засѣкъ одного портного по жалобѣ его хозяина за то, что тотъ отказывался просиживать за работой ночи напролетъ, тогда какъ и безъ того работалъ усердно въ день часовъ по 15-ти. Солнцевъ не могъ не знать объ этихъ злодѣйствахъ, когда весь городъ зналъ о нихъ. Но мѣстный Цицеронъ безмолвствовалъ. Онъ былъ одинъ, а Катилинъ было много. Борьба съ ними кончилась бы для него лишеніемъ мѣста, а онъ былъ человѣкъ безъ состоянія.

Въ Казани народъ ждалъ государя съ ранняго утра. Помню, это было въ августѣ мѣсяцѣ. Погода стояла превосходная. Огромная толпа наполняла Воскресенскую улицу, на которой находилась квартира для государя въ губернаторскомъ домѣ. Я стоялъ у самаго подъѣзда. Вдругъ подъѣзжаетъ къ дому коляска, и въ ней сидитъ какой-то красавецъ генералъ рядомъ съ губернаторомъ. Никто въ толпѣ и не думалъ, чтобъ это былъ самъ государь. На видъ ему казалось не болѣе 35 лѣтъ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ звучнымъ голосомъ, вышелъ изъ коляски и быстрыми шагами прошелъ во внутренность дома.

Тутъ только догадался народъ и радостно хлынулъ за государемъ къ крыльцу. Но толпу остановилъ высокій, толстый офицеръ съ сѣдыми усами.

— Стой! кто осмѣлится дальше ступить, тотъ въ Сибирь пойдетъ,— сказалъ онъ, впрочемъ, негромкимъ сиплымъ голосомъ, съ ядовитою усмѣшкой.

Пожалуй, трудно повѣрить, чтобъ кто-нибудь осмѣлился сказать такую дерзость въ глаза народу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ самого государя, но, клянусь, ясно слышалъ эти слова; я стоялъ вмѣстѣ съ толпой у самаго крыльца, возлѣ этого блестящаго оратора. Офицеръ, сказавшій эту знаменитую рѣчь, былъ маіоръ Германъ, полякъ, состоявшій при губернаторѣ Стрекаловѣ чиновникомъ особыхъ порученій, маленькій Конрадъ Валленродъ, извѣстный пьяница и буянъ. На него часто поступали жалобы; онъ находилъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ платить за работу портнымъ, сапожникамъ, часовщикамъ и выпроваживалъ ихъ чубукомъ, когда они являлись къ нему за деньгами. Стрекаловъ не обращалъ на эти жалобы вниманія и держалъ Германа за то, что онъ былъ свѣтскій человѣкъ и говорилъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, какъ на своемъ родномъ.

Черезъ нѣсколько времени явились къ государю всѣ губернскія власти, въ томъ числѣ и прокуроръ Солнцевъ и мѣстное дворянство.

Когда представленъ былъ ему Солнцевъ, государь сказалъ:

— Вотъ, что, Солнцевъ, я слышалъ, что ты пьешь, а, между тѣмъ, ты человѣкъ способный и знающій. Поэтому я даю тебѣ полгода на исправленіе. Если же въ теченіе этого времени ты не исправишься, то ты не можешь быть болѣе на службѣ.

III.

Губернаторъ Николаевскаго времени[1]).

Панчулидзевъ былъ въ Пензѣ губернаторомъ 28 лѣтъ и воспиталъ цѣлое поколѣніе чиновниковъ, которые считали его чуть не Богомъ—не честности, конечно, но власти и силы. Этимъ онъ обязанъ былъ умѣнію держать себя необыкновенно высоко, такъ что одному изъ исправниковъ, пріѣхавшему изъ уѣзда, встрѣтившему его гдѣ-то въ домѣ и сказавшему ему:

— Я имѣлъ удовольствіе быть у вашего превосходительства,—онъ строго замѣтилъ:

— Не удовольствіе, а честь!

Что̀ дѣлалось въ Пензенской губерніи во время его губернаторства—это разсказать трудно, пожалуй, даже невѣроятно. Ежели исправникъ платилъ исправно подать, наложенную на него, совѣтнику губернскаго правленія А... (фактотуму губернатора), онъ могъ дѣлать, что̀ хотѣлъ—въ полномъ значеніи этого слова. Сколько бы на него ни жаловались, это рѣшительно не повело бы ни къ чему, развѣ только къ вящшему посрамленію жалующагося. Довольно вамъ сказать, что чиновникомъ особыхъ порученій, по народной молвѣ, былъ у него умершій, т.-е. господинъ, спасенный отъ какого-то уголовнаго преслѣдованія тѣмъ, что показанъ умершимъ, и вслѣдствіе этого процвѣтавшій подъ сѣнью Панчулидзева для производства слѣдствій, требовавшихъ особой деликатности или особаго умѣнія и ловкости. На такія же слѣдствія, съ которыми особенно церемониться не было надобности, былъ посылаемъ совѣтникъ губернскаго правленія NN., который не затруднялся разсказывать даже и того, сколько онъ съ кого взялъ, разумѣется, когда это было въ интимной бесѣдѣ.

Однажды въ Саранскѣ убили сидѣльца суконной лавки; NN. засадилъ въ острогъ цѣлые десятки татаръ, не только Пензенской, но даже Тамбовской губерніи, Темниковскаго уѣзда, и выпускалъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они вносили за себя выкупъ, кто 1,000, а кто и 2,000 рублей, сообразно состоянію.

Это правда, что татары эти, ежели не участвовали въ убійствѣ сидѣльца и ограбленіи его лавки, то во многихъ другихъ случаяхъ—и убійствъ, и грабежей—были не неповинны. По словамъ NN., въ одномъ изъ большихъ татарскихъ селеній Темниковскаго уѣзда, онъ нашелъ большой сарай, наполненный всевозможными вещами, начиная съ шелковыхъ матерій и кончая сукнами, сахаромъ и чаемъ включительно. Все это было произведеніе кражъ и грабежей, и хранилось до перваго раздѣла, бывавшаго одинъ или два раза въ годъ.

Что̀ дѣлалось въ то время (1830—1840 гг.), теперь этому трудно повѣрить. Становые пристава, исправники были просто на жалованьѣ у воровъ, особенно конокрадовъ. Поэтому я былъ совершенно правъ, говоря

---

[1]) Изъ записокъ И. В. Селиванова, *Русск. Стар.* 1880, іюнь.

въ одной изъ статей моихъ «Конокрадство въ Россіи», что для уничтоженія или уменьшенія конокрадства надо прежде всего уничтожить комиссаровъ, учрежденныхъ собственно для уничтоженія конокрадства, также точно какъ надо или уничтожить, или значительно уменьшить лѣсныхъ чиновниковъ, созданныхъ для сбереженія лѣсовъ, ежели дѣйствительно хотѣли сберечь эти лѣса. Можно ли, напримѣръ, повѣрить, что одинъ становой приставъ (пристава тогда производили слѣдствія), разыскивая украденныхъ лошадей, началъ ихъ искать въ сундукѣ у попа и нашелъ—не лошадей, конечно, но 800 рублей, которые и конфисковалъ, разумѣется, въ свою пользу.

Чтобъ возвратиться къ Панчулидзеву, устроившему чиновничье управленіе губерніи на свой ладъ, надо сказать, что тамъ шло все какъ по маслу, то-есть все было шито и крыто, такъ что въ Петербургѣ знали только то, что губернатору хотѣлось, чтобъ знали. И за то тѣмъ, которые не подчинялись этому порядку безусловно, плохо было.

Чего ни дѣлалъ онъ, чтобъ уничтожить *Тучкова* (старшаго брата бывшаго московскаго генералъ-губернатора), бывшаго уѣзднымъ предводителемъ, и ежели меня не стеръ тогда, то единственно потому, что у *Пашковыхъ* въ Москвѣ ему обо мнѣ говорилъ московскій почтъ-директоръ *Булгаковъ*, бывшій пріятель моего тестя. Панчулидзевъ боялся, чтобъ чрезъ меня не дошло до Петербурга что-нибудь изъ его продѣлокъ. Онъ, однако, досталъ меня потомъ, какъ читатели это увидятъ впослѣдствіи, когда страхъ этотъ миновался. Я былъ судьею, какъ сказано выше, и очень часто правилъ должность предводителя, потому что настоящій предводитель, Андрей Андреевичъ Н...въ, былъ страшный трусишка, и всякій разъ, когда полученная имъ откуда-нибудь бумага требовала или затруднительнаго, или энергическаго отвѣта или дѣйствія, какъ по должности предводителя, такъ и по предсѣдательству въ опекѣ, онъ всегда сказывался больнымъ и сдавалъ должность мнѣ.

Получивши однажды письмо, прямо отъ министра, съ просьбою увѣдомленія объ урожаѣ (надо думать, что свѣдѣніямъ отъ губернаторовъ перестали уже вѣрить), онъ, конечно, тотчасъ сказался больнымъ и сдалъ должность мнѣ. Надо вамъ сказать, что урожай въ томъ году (1841-мъ, кажется) былъ баснословный. Напримѣръ, у меня съ одной сороковой десятины намолочено было 42 четверти (въ 9 мѣръ) ячменя. Чтобъ отвѣчать министру en connaissance de cause, я написалъ четыре письма къ болѣе смышленнымъ помѣщикамъ въ разныхъ углахъ уѣзда и поѣхалъ къ себѣ въ деревню за такими же свѣдѣніями. Когда отвѣты отъ этихъ господъ были получены, я прибавилъ собственныя свѣдѣнія, вывелъ изъ нихъ среднюю цифру и донесъ министру. Это правда, что цифра вышла довольно большая, что-то кругомъ по 20-ти или 25-ти четвертей овса съ десятины. Не прошло четырехъ или пяти дней послѣ отправленія письма моего къ министру, я получилъ отъ чиновника особыхъ порученій (мертваго) NN... письмо, въ которомъ, по порученію губернатора, онъ меня спрашивалъ, что

я думаю отвѣчать министру. Я отвѣчалъ, что послалъ министру требуемое свѣдѣніе, и приложилъ копію съ моего отношенія къ нему. Губернаторъ взбѣсился, какъ я осмѣлился отвѣчать министру, не спросившись у него, что́ надо отвѣчать. Разсказывали, но я не отвѣчаю за справедливость этого, что Панчулидзеву хотѣлось отвѣчать, что въ губерніи неурожай, а вслѣдствіе этого и просить пособія. А что это пособіе или все, или, по крайней мѣрѣ, большая часть, осталось бы у него въ карманѣ—это несомнѣнно. Что я говорю это не наобумъ,—это я могу подтвердить тѣмъ, что, напримѣръ, деньги изъ приказа общественнаго призрѣнія были имъ выбраны до того, что помѣщики, заложившіе свои имѣнія въ приказъ, по нѣскольку лѣтъ не получали ссуды за неимѣніемъ денегъ. Что денегъ не было, этому было можно охотно повѣрить, но гдѣ онѣ были—это вопросъ другой, отвѣтъ на который хорошо знали только Панчулидзевъ да нѣкто NN...въ, непремѣнный членъ приказа. Ловкій господинъ былъ этотъ Панчулидзевъ. Онъ былъ любитель музыки и у него былъ доморощенный оркестръ изъ своихъ крѣпостныхъ людей; оркестръ, надо сказать, очень хорошій и большой,—человѣкъ въ тридцать, ежели не больше. Капельмейстеровъ выписывалъ онъ прямо изъ-за границы. Такъ выписанъ имъ былъ извѣстный *Іоганнисъ*, впослѣдствіи капельмейстеръ московскаго театра, даже женившійся впослѣдствіи на сестрѣ Панчулидзева. Оркестръ этотъ, какъ говорили, ничего ему не стоилъ, потому что жалованья музыкантамъ не производилось; они должны были питаться отъ чиновниковъ, знающихъ губернаторскую власть и понимающихъ, что не надо было возбуждать ее противъ себя. По всѣмъ вѣроятіямъ, это лучше всего знали исправники и становые, какъ прямо подчиненные губернаторской власти; надо думать, что знали и предводители дворянства, потому что самъ-то я узналъ объ этомъ—когда пріѣхалъ однажды въ Пензу по должности предводителя. Вотъ этотъ случай.

Судился въ уголовной палатѣ какой-то дворянинъ. Уголовная палата предоставила его поступокъ сужденію предводителей и депутатовъ, почему они и вызваны были всѣ въ Пензу. Мой старикъ Н....въ, по обыкновенію, заболѣлъ, и я долженъ былъ отправиться за него. Это было зимой. Помню, что въ Пензу я пріѣхалъ часовъ около пяти пополудни; начало смеркаться. Не успѣлъ еще я разобраться съ чемоданомъ, ко мнѣ въ номеръ ввалилась цѣлая толпа людей, объявившихъ мнѣ, что они губернаторскіе музыканты. Конечно, чрезвычайно удивленный этимъ неожиданнымъ визитомъ, такъ какъ я самъ не играю ни на какомъ инструментѣ, хоть и страстно люблю музыку, чего они, конечно, знать не могли, такъ какъ я въ Пензѣ былъ пришелецъ и очень недавній, я спросилъ ихъ, чего имъ нужно? Они отвѣчали: «Поздравляемъ съ пріѣздомъ». Я замѣтилъ имъ, что я вовсе не такое важное лицо, чтобъ требовалось поздравлять меня съ пріѣздомъ, и думалъ этимъ отдѣлаться. Тогда одинъ изъ нихъ объявилъ мнѣ, что они содержанія отъ губернатора, кромѣ квартиры, никакого не получаютъ и должны содержать сами себя, почему и просили пожертвовать имъ что-нибудь. Я

далъ имъ три рубля серебромъ, чѣмъ они, какъ замѣтно, остались недовольны, привыкнувъ, вѣроятно, получать болѣе крупныя приношенія.

Въ доказательство того, что Панчулидзевъ не церемонился съ чужими деньгами, только бы онѣ попали ему въ карманъ, я могу разсказать два случая: одинъ, который я видѣлъ самъ,—другой, который слышалъ.

Былъ я однажды въ Пензѣ, не помню по какому случаю. Конечно, день, какъ служащій, я обязанъ былъ явиться къ губернатору, почему, облекшись въ мундиръ, поѣхалъ къ нему. Губернаторскій домъ въ Пензѣ состоитъ изъ трехъ этажей,—въ нижнемъ помѣщалась канцелярія, въ среднемъ этажѣ были парадныя комнаты; наверху—жилыя и губернаторскій кабинетъ. Въ него велъ особый ходъ прямо изъ прихожей, по большой лѣстницѣ. Когда пріѣзжалъ кто-нибудь для свиданія съ губернаторомъ, всѣхъ провожали въ залъ, и тамъ должны были они дожидаться до тѣхъ поръ, пока губернаторъ или самъ сойдетъ внизъ, или потребуетъ къ себѣ наверхъ. Войдя въ залъ, я увидѣлъ тамъ только одного молодого человѣка въ черномъ фракѣ. Мы разговорились, и онъ мнѣ сказалъ, что онъ сынъ откупщика въ Чембарскомъ уѣздѣ, кажется, *Ненюковъ* по фамиліи; на вопросъ мой—зачѣмъ онъ пріѣхалъ къ губернатору? онъ отвѣчалъ, что губернаторъ вытребовалъ его, вѣроятно, потому, что они не доплатили ему оброка. Тутъ онъ мнѣ повѣдалъ, что всѣ откупщики въ губерніи (12) платятъ губернатору по двѣ тысячи рублей въ годъ каждый, что тысячу рублей они внесли, а остальную тысячу рублей позамѣшкались внести, потому что денегъ въ сборѣ мало, и что онъ хочетъ просить отсрочки, ежели вызванъ для этого. Черезъ нѣсколько времени его позвали къ кабинетъ, наверхъ. Не прошло четверти часа, какъ онъ сбѣжалъ ко мнѣ внизъ, въ залъ, съ криками: «Это не губернаторъ, а . . . . . !» при чемъ волосы у него были растрепаны, платье все въ безпорядкѣ, рубашка выбилась изъ жилета; онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ разсказалъ мнѣ, что когда на требованіе денегъ онъ отвѣчалъ Панчулидзеву, что денегъ въ сборѣ нѣтъ, и просилъ его подождать,—произошла сцена, которую хотя Ненюковъ и передалъ мнѣ подробно, но я ее здѣсь опускаю... Я едва его успокоилъ.... Возвратилъ ли онъ—не знаю; знаю только, что лѣтъ черезъ десять послѣ того, ѣхавши изъ Москвы въ Петербургъ, я имѣлъ сосѣдомъ въ почтовой каретѣ (желѣзной дороги еще не было) одного господина. Узнавши его фамилію, я вспомнилъ, что той же самой фамиліи былъ и чембарскій откупщикъ, и разсказалъ ему видѣнный мною случай. Оказалось, что онъ и есть то самое лицо, съ которымъ я тогда встрѣтился у Панчулидзева; ни я не узналъ его, ни онъ меня. Я спросилъ его, все ли такъ было, какъ я ему разсказалъ, и онъ подтвердилъ, что все было точно такъ, какъ я разсказываю теперь.

Другой случай:

Видно, до Петербурга дошли, наконецъ, слухи о томъ, что творится въ Пензенской губерніи, и туда назначена была ревизія въ лицѣ сенатора *Сафонова*. Сафоновъ пріѣхалъ туда вечеромъ нежданно, и когда стемнѣло,

вышелъ изъ гостиницы, сѣлъ на извозчика и велѣлъ себя везти на набережную.

— На какую набережную?—спросилъ извозчикъ.

— Какъ на какую!—отвѣчалъ Сафоновъ.—Развѣ у васъ ихъ много? Вѣдь одна только и есть!

— Да никакой нѣтъ!—воскликнулъ извозчикъ.

Оказалось, что, на бумагѣ, набережная строилась уже два года, и что на нее истрачено было нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, а ее и не начинали. Повторяю опять, я разсказываю здѣсь слышанное, но за справедливость этого разсказа не ручаюсь. Знаю только положительно, что вслѣдствіе сафоновской ревизіи Панчулидзевъ былъ удаленъ отъ должности и распубликованъ сенатомъ по всей Россіи.

ГЛАВА IV.

Судъ и казни.

I.

Правосудіе при Николаѣ [1]).

Дѣла уголовныя и гражданскія, по преимуществу, начинались въ полиціи, зависѣвшей вполнѣ отъ губернскаго начальства, а потомъ, въ безобразномъ, неполномъ видѣ, передавались въ судъ, для постановленія рѣшенія. Поступленіе дѣлъ прямо въ судъ, какъ бы слѣдовало, обусловливалось весьма немногими случаями. Самаго доклада или сужденія въ судѣ не было. Исключенія изъ сего были рѣдки. Все зиждилось на секретарѣ, онъ и былъ вершителемъ дѣла, онъ писалъ журналы, а прочіе члены, если и являлись въ судъ, то только для подписи оныхъ. Заурядъ, журналы для подписи посылались на домъ къ членамъ, которые иногда даже и не жили въ городахъ, гдѣ были суды, а въ уѣздахъ. Журналы, смотря по обстоятельствамъ, впредь до того, пока не были подписаны составляемые на основаніи оныхъ протоколы, измѣнялись нѣсколько разъ. Сегодня, по журналу, дѣло рѣшалось такъ, а завтра иначе, смотря по тому, куда вѣтеръ дулъ, или чья сторона брала верхъ, или кто изъ членовъ превозмогалъ другихъ. Самое приготовленіе дѣлъ къ докладу, котораго въ дѣйствительности, какъ выше сказано, не было, обставлено было формами, ни къ чему не ведущими и не имѣющими разумнаго смысла. Я гововю о составленіи докладныхъ записокъ, о вызовахъ къ такъ называемому рукоприкладству и къ выслушанію рѣшенія, чрезъ публичныя вѣдомости, съ назначеніемъ на все это весьма продолжительныхъ сроковъ. Упомянутыя записки составлялись безъ всякаго толку. Онѣ почти заключали въ себѣ дословныя копіи съ бумагъ, имѣющихся въ

[1]) Изъ воспоминаній Н. М. Колмакова, *Русск. Стар.* 1886, декабрь.

дѣлѣ, т.-е. прошеній, отзывовъ, объясненій и документовъ. Записокъ этихъ никто, впрочемъ, и не читалъ. Тотъ, кто хотѣлъ изучить дѣло, могъ, какъ дѣлается теперь, читать подлинные бумаги и документы.

Дѣла длились въ судахъ по многу лѣтъ, дополнялись почасту ненужными справками, на которыя даже не ссылались и не указывали тяжущіяся стороны, и все это дѣлалось чрезъ полицію. Сія послѣдняя просто завалена была и своими дѣлами, и требованіями судовъ до невозможности.

О незамедлительномъ исполненіи указовъ суда полиція получала многократныя понужденія, подтвержденія со строгими выговорами, какъ прямо отъ суда, такъ и отъ губернскаго начальства, посылаемыя часто особыми эстафетами и на счетъ виновныхъ; но отъ этого дѣло не двигалось. Не забудемъ, что на полиціи, кромѣ того, лежали: разборъ дѣла по маловажнымъ проступкамъ и производство формальныхъ слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ.

Губернаторскіе чиновники особыхъ порученій вихремъ летали по городамъ для понужденій то полиціи, то суда, подымались и губернаторы, производя строгія ревизіи уѣздныхъ мѣстъ, наводя неописанный страхъ на всѣхъ служащихъ въ оныхъ. Дѣла подновлялись новыми подтвержденіями, а болѣе запущенныя прятались отъ взоровъ то въ столахъ, шкафахъ, то въ архивахъ въ числѣ рѣшенныхъ, а, наконецъ, были и такіе случаи, какъ, напр., въ Курскѣ при ревизіи сенатора *Дурасова* въ 1850 г., дѣла одного судебнаго мѣста оказались потопленными въ рѣкѣ. Самъ сенаторъ, съ подлежащими властями въ лодкахъ, представляя собою цѣлую побѣдную флотилію, наблюдалъ за извлеченіемъ дѣлъ изъ царства Нептуна.

Для устраненія всѣхъ сихъ безпорядковъ принимались разныя мѣры; главныя изъ нихъ состояли въ требованіи ежемѣсячныхъ то перечневыхъ, то именныхъ вѣдомостей о состояніи и положеніи дѣлъ. Вѣдомости сіи, обременяя судъ громаднымъ новымъ трудомъ какъ въ составленіи, такъ и въ перепискѣ ихъ набѣло,—ничего не помогали.

Смотря по отмѣткамъ въ движеніи по симъ вѣдомостямъ дѣлъ, власти, не исключая и министерства юстиціи, громили строгими подтвержденіями и понужденіями, но оказалось на опытѣ, что затрудненіе въ ходѣ дѣлъ было еще болѣе замѣтно послѣ сихъ вѣдомостей.

Само собою разумѣется, что въ выговорахъ, удаленіи отъ должности и преданіи суду лицъ, служащихъ въ низшихъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и судебныхъ, не было недостатка, это было обыкновенное и заурядное явленіе послѣ каждой ревизіи, дѣлаемой въ губерніи то совѣтникомъ губернскаго правленія, то вице-губернаторомъ, то самимъ губернаторомъ, то, наконецъ, сенаторомъ.

Но все это не измѣняло положенія вещей; безпорядки въ уѣздныхъ судахъ, не исключая и губернскихъ мѣстъ, до того укоренились, что считались нормальнымъ положеніемъ ихъ.

Магистраты въ городахъ и ратуши въ мѣстечкахъ были еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ суды.

Допущеніе въ составъ сихъ судовъ засѣдателей изъ казенныхъ крестьянъ, кои всѣ поголовно были безграмотны и невѣжественны, дѣлало въ глазахъ многихъ судъ посмѣшищемъ.

Графъ *В. Н. Панинъ*, бывши министромъ юстиціи, зайдя въ судъ въ Петербургѣ, встрѣтилъ тамъ одного человѣка въ исподнемъ платьѣ, съ метлой или щеткой въ рукахъ.

На вопросъ министра — гдѣ судья, онъ отвѣчалъ, что судьи нѣтъ, а на вопросъ: гдѣ засѣдатель, отвѣчалъ: я засѣдатель.

Графъ, взглянувъ на него, произнесъ «вы... ты...», и ушелъ, не сказавъ ни слова. Дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, лица сіи отправляли при судахъ должности сторожей, истопниковъ и проч., не соотвѣтствующія вовсе обязанностямъ судей.

Палаты уголовныя и гражданскія, несмотря на то, что представляли собою вторую инстанцію, при сословныхъ выборахъ, не отличались благоустройствомъ. Надзоръ со стороны стряпчихъ въ уѣздахъ и прокуроровъ въ губерніяхъ также не представлялъ собою обезпеченія.

Заботы ихъ исключительно ограничивались наблюденіями за ходомъ арестантскихъ дѣлъ.

Все это указывало на необходимость въ коренномъ преобразованіи судебныхъ мѣстъ и судопроизводства. Но мысль о семъ не вдругъ явилась; слѣдовало пройти много другихъ стадій, чтобы достигнуть до убѣжденія о необходимости реформы. Повторяю, что все это не сразу пришло въ голову. Нужно было время!

Думали сначала, чтобы водворить правосудіе въ государствѣ и порядокъ въ ономъ, стоитъ только *сократить переписку* и преобразовать полицію по отношенію къ судебнымъ мѣстамъ. Первымъ дѣломъ, по особому высочайшему повелѣнію, занялось министерство юстиціи, а вторымъ—министерство внутреннихъ дѣлъ.

Съ цѣлію имѣть матеріалы для перваго предмета, министерство юстиціи затребовало подробныя свѣдѣнія и соображенія отъ всѣхъ прокуроровъ, предсѣдателей палатъ и товарищей ихъ, а равно и другихъ лицъ о томъ, въ чемъ именно нужно сократить переписку и по какимъ предметамъ.

Циркуляръ министра юстиціи съ такимъ предписаніемъ полетѣлъ по всѣмъ мѣстамъ Россіи. Засимъ въ министерство начали отъ этихъ лицъ поступать болѣе или менѣе подробныя соображенія по этому предмету. Дѣло разрослось до громадныхъ размѣровъ. Въ министерствѣ юстиціи цѣлые шкафы заняты были бумагами по сему дѣлу; о движеніи его показывалось, между прочимъ, и въ вѣдомостяхъ, представляемыхъ ежемѣсячно государю императору.

О судьбѣ этого дѣла разскажу кратко:

Императоръ Николай Павловичъ, въ началѣ 1850 годовъ, не видя конца дѣла о сокращеніи переписки, поручилъ князю *П. П. Гагарину* написать, безъ замедленія, какія именно нужно сдѣлать сокращенія, чтобы ума-

лить вообще переписку по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, не исключая и Сената.

Во исполненіе сего князь П. П. Гагаринъ, не обративъ никакого вниманія на означенное дѣло и заключающіяся въ немъ болѣе или менѣе дѣловыя указанія въ необходимости измѣненія и судоустройства и судопроизводства, составилъ весьма быстро разныя краткія правила относительно только предложенія сокращенія переписки и не болѣе того.

Правила сіи въ началѣ 1850 годовъ были обнародованы.

На основаніи ихъ, дѣйствительно, сокращены разныя вѣдомости и донесенія, представляемыя то туда, то сюда, изъ низшихъ мѣстъ въ высшія, уничтожены нѣкоторые реэстры и книги, кои, безъ существенной пользы, велись въ сихъ мѣстахъ и Сенатѣ, и сдѣланы разныя указанія въ порядкѣ отписки—но болѣе ничего.

Въ результатѣ оказалось, что судопроизводство отъ сего сокращенія ни мало не измѣнилось: бывшее запустѣніе и безтолочь въ судахъ остались прежнія.

Улучшеніе штатовъ, о коихъ выше сказано, было предметомъ особыхъ заботъ министерства юстиціи. Оно много лѣтъ переписывалось съ министерствомъ финансовъ, вносило записки въ Государственный Совѣтъ и, наконецъ, достигло того, что штаты его, впрочемъ, въ весьма скромныхъ размѣрахъ, были дѣйствительно увеличены и введены. Но эта мѣра, съ тѣми сокращеніями, кои придуманы были княземъ П. П. Гагаринымъ, не измѣнила положенія вещей,—все оставалось попрежнему.

Ясно, что нужны были особыя обстоятельства и новая какая-либо свѣжая струя, которая могла бы дать новый оборотъ дѣлу усовершенствованія нашего судоустройства и судопроизводства.

Полиція также по своимъ уставамъ, безъ избавленія ея отъ производства слѣдствій и устраненія ея отъ разбора дѣлъ по маловажнымъ проступкамъ, не измѣнила своего положенія. Она была безобразна до-нельзя. Однимъ словомъ, судъ и полиція шли параллельно, блистая, если можно такъ выразиться, своимъ неустройствомъ.

О разныхъ курьезахъ по судейскимъ дѣламъ мы разскажемъ еще впослѣдствіи, а теперь объяснимъ, что всѣ упомянутыя мысли не суть слова пишущаго эти строки, напротивъ того, онѣ были выражены самимъ приснопамятнымъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ по слѣдующему случаю.

Въ 1849 году признано было необходимымъ произвести сенаторскую ревизію Калужской губерніи, для каковой цѣли назначенъ былъ сенаторъ князь *Давыдовъ*, а при немъ, въ качествѣ старшаго чиновника, опредѣленъ былъ я, пишущій эти строки. Въ числѣ чиновниковъ, прикомандированныхъ къ сенатору, находился и графъ Алексѣй Константиновичъ *Толстой*, извѣстный по своимъ сочиненіямъ, и А. К. *Жизневскій*, нынѣшній предсѣдатель тверской казенной палаты—юристъ по воспитанію и археологъ по душѣ.

Ревизія эта вызвана была особымъ случаемъ. Сынъ генералъ-лейтенанта *Ершова*, Иванъ, жаловался государю на то, что будто бы его отецъ,

подъ вліяніемъ калужскаго губернатора *Смирнова,* совершилъ дарственную запись въ пользу своей незаконной дочери Софіи, бывшей замужемъ за *Россетомъ*, братомъ жены Смирнова, Александры Іосифовны, и тѣмъ самымъ лишилъ его отцовскаго наслѣдства. Вотъ по этому случаю сенатору князю Давыдову велѣно было произвести слѣдствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать и ревизію всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ губерніи.

Предъ отъѣздомъ въ Калугу князь Давыдовъ представлялся императору Николаю Павловичу.

— «Поѣзжай», сказалъ ему государь, «знаю наперед, что хорошаго ты тамъ мало найдешь. Суды въ безпорядкѣ. Полиція не лучше. Проекты о ней въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не двигаются впередъ. Дворянскія опеки не охраняютъ сиротскія имѣнія, а разоряютъ. О нихъ я тщетно стараюсь много лѣтъ. Но главное», продолжалъ государь, «обрати ты вниманіе на то, почему въ Калужской губерніи, гдѣ нѣкогда, какъ мнѣ извѣстно, процвѣтали полотняные заводы, снабжавшіе своими издѣліями даже Америку, пали. Какъ объяснить это, и нельзя ли это поправить?»

Слова сіи, по окончаніи аудіенціи, записаны были сенаторомъ и переданы имъ потомъ мнѣ.

Желаніе государя было исполнено и обстоятельныя донесенія представлены, по окончаніи ревизіи, куда слѣдуетъ.

Скажемъ при этомъ, что жалоба Ершова не подтвердилась, и за клевету онъ былъ преданъ суду.

Въ отношеніи неудовлетворительнаго состоянія судебныхъ мѣстъ, полиціи и дворянскихъ опекъ, слова государя по ревизіи вполнѣ подтвердились.

...Въ Калугѣ, при ревизіи сенатора князя Давыдова, во время дворянскихъ выборовъ, обнаружился слѣдующій курьезъ. Нужно было избрать предсѣдателя гражданской палаты, которая, по своему положенію и накопленію въ ней дѣлъ, требовала болѣе или менѣе опытнаго человѣка. Многіе благомыслящіе дворяне, а равно губернаторъ и сенаторъ, указывали на двухъ лицъ, именно *Унковскаго* и князя *Оболенскаго.* Открылась баллотировка, и что же вышло? два эти лица забаллотированы были громаднымъ большинствомъ. Въ это время, какъ бы въ шутку, кто-то сказалъ: «а не попросить ли намъ баллотироваться Ивана Сидоровича *Толмачева* въ предсѣдатели?» Лицо это было извѣстно въ Калугѣ своею простотою, доходившею до невозможности, а объ образованіи и знаніи судебнаго дѣла и говорить было нечего. Началась баллотировка, и нашъ Иванъ Сидоровичъ Толмачевъ, ко вреду святого дѣла правосудія, избранъ былъ громаднымъ большинствомъ. Нѣкоторые объяснили это нерасположеніемъ дворянъ къ губернатору, желавшему провести въ предсѣдатели князя Оболенскаго, какъ своего родственника. Такъ или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, фактъ этотъ свидѣтельствуетъ, что дворяне выборомъ лицъ въ судейскія должности не дорожили и не придавали этому никакой важности.

Сенаторъ князь Давыдовъ счелъ своимъ долгомъ черезъ министра юстиціи довести о семъ до свѣдѣнія государя, объяснивъ, что Толмачевъ,

какъ малосвѣдущій, положительно не можетъ быть утвержденъ въ должности предсѣдателя калужской гражданской палаты. Но государь Николай Павловичъ взглянулъ на это дѣло совсѣмъ иначе: смыслъ его взгляда былъ таковъ, что если дворяне не хотятъ сознавать важности предоставленныхъ имъ правъ, то въ видахъ наказанія ихъ—повелѣлъ утвердить Толмачева въ должности предсѣдателя.

Въ параллель сему случаю разскажу еще одинъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ дворяне-предсѣдатели смотрѣли на дѣло отправленія правосудія. Въ одной уголовной палатѣ замѣчена была страшная медленность въ ходѣ арестантскихъ дѣлъ. Предписаніе за предписаніемъ слѣдовали одно за другимъ изъ министерства въ палату о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ. Спустя нѣсколько времени, послѣ чего, предсѣдатель палаты пріѣзжаетъ въ Петербургъ и съ ликующимъ лицомъ является къ министру юстиціи, докладывая, что всѣ дѣла въ его палатѣ рѣшены.

«Какъ же вы это сдѣлали?» спросилъ министръ.

«Я, ваше сіятельство,—отвѣчалъ предсѣдатель-дворянинъ,—воспользовался особымъ случаемъ. Въ нашемъ губернскомъ острогѣ содержится нѣсколько весьма *опытныхъ чиновниковъ:* вотъ я и роздалъ имъ дѣла,—они мнѣ живо написали все, что нужно».

Министръ, графъ Панинъ, услыхавъ это, всплеснулъ руками и удалился изъ пріемной комнаты, не найдя ничего сказать.

Были ли такія и подобныя явленія общны и повсемѣстны? Нѣтъ, скажу я. Были и такія палаты и въ особенности тѣ, гдѣ предсѣдатели по назначенію отъ правительства, при помощи дѣльныхъ товарищей, вели дѣла быстро и рѣшали ихъ правильно. Но это были исключенія. Главное, что препятствовало отправленію дѣлъ въ гражданскихъ палатахъ—такъ это бывшее при нихъ, въ прежнее время, учрежденіе крѣпостной части, что нынѣ возложено на нотаріусовъ.

Возьмите любой губернскій городъ, въ немъ, вѣроятно, вы найдете не менѣе пяти нотаріусовъ. Въ пространныхъ ихъ конторахъ вы увидите много разнаго рода люда, пришедшаго совершить или явить то довѣренность, то условіе, то купчую, то закладную и т. д. Вотъ этотъ весь народъ, со всего города и изъ губерніи, шелъ когда-то въ гражданскую палату для изъясненной надобности и рѣшительно наполнялъ все помѣщеніе палаты, требуя неотступно совершить какъ можно скорѣе представленный актъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что при крѣпостной части въ палатѣ состоялъ одинъ только надсмотрщикъ съ нѣсколькими писцами. Въ виду отстраненія медленности оказывалось неизбѣжнымъ, чтобы надсмотрщики содержали на свой счетъ нѣсколько вольныхъ писцовъ. Но всѣ они при тѣхъ формахъ, коими въ прежнее время обставлена была крѣпостная часть,—не могли быстро справляться, а потому являлась медленность въ совершеніи актовъ, а главное, развились подачки или взяточничество. Брали писцы, вольнонаемные при крѣпостной части, получалъ взятку надсмотрщикъ, но все безславіе падало почасту на всю неповинную палату. Впро-

чемъ, обычай благодарить надсмотрщика, кажется, съ давняго времени пустилъ глубокіе корни.

Надсмотрщиковъ благодарили всѣ, кто только совершалъ какой-либо актъ. Это было какъ-будто въ обычаѣ. Такъ, бывшій министръ юстиціи, совершая въ с.-петербургской палатѣ рядную запись въ пользу своей дочери, велѣлъ, какъ мнѣ положительно извѣстно, дать надсмотрщику сто рублей. Исполненіе сего возложено было на директора департамента министерства юстиціи, Михаила Ивановича *Топильскаго*. Какъ исполнить это щекотливое порученіе, т.-е. дать взятку отъ министра юстиціи надсмотрщику? Михаилъ Ивановичъ ухитрился: самымъ непримѣтнымъ образомъ онъ сунулъ въ портфель надсмотрщика сто рублей.

Другой случай былъ таковъ: надсмотрщикъ кіевской палаты привезъ бывшему генералъ-губернатору *Безаку* засвидѣтельствованную для него довѣренность. Безакъ, доставъ изъ стола три рубля, началъ давать ихъ надсмотрщику, но тотъ, отказавшись, быстро удалился. Безакъ, какъ оказывается, не любилъ комедіи, крайне разсердился и велѣлъ тотчасъ догнать надсмотрщика и сунуть ему *за шиворотъ* деньги.

Такъ выразился Безакъ.

Читая все это, нельзя не подивиться, какъ въ настоящее время измѣнились взгляды. Спросите теперь любого нотаріуса, что стоитъ засвидѣтельствованіе довѣренности?—Одинъ рубль,—отвѣтитъ онъ, и вовсе не церемонясь, съ любезностью и улыбкой, не считая свой трудъ безвозмезднымъ, беретъ отъ васъ эти деньги и велитъ записать по книгамъ.

А прежде это, по понятіямъ незрѣлаго общества, была взятка. Да, взятка, подвергавшая нареканію всѣхъ лицъ, служащихъ въ палатѣ.

Казалось бы, чего легче, какъ въ свое время отдѣлить крѣпостную часть отъ палаты, о чемъ много было писано. Нѣтъ, часть сія, къ крайнему прискорбію многихъ предсѣдателей, оставалась, по день открытія реформы, въ вѣдѣніи этихъ палатъ.

...Въ прежнее время, какъ извѣстно, гражданскія дѣла раздѣлялись на безспорныя и спорныя, первыя подчинялись полиціи, а послѣднія разбору судовъ.

Уголовныя же дѣла, всѣ безъ исключенія, начинались въ полиціи, которая и производила по нимъ слѣдствія и только по окончаніи отсылала оныя въ судъ.

На практикѣ выходило такъ, что полиція и по гражданскимъ дѣламъ, подъ видомъ безспорности, принимала къ своему производству всѣ дѣла. Исключеніе изъ сего допускалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція не благоволила къ истцу или отвѣтчику, смотря по обстоятельствамъ и по отношенію ея къ заинтересованнымъ лицамъ.

По отношенію признанія дѣла спорнымъ или безспорнымъ, она хотя и подчинялась суду, но вмѣстѣ съ тѣмъ она зависѣла и отъ губернскаго начальства.

Однимъ словомъ, происходило какое-то *смѣшеніе* властей, судебной и

Литографія 1827 г.)

Императоръ НИКОЛАЙ I съ Великими Князьями и свитой.

исполнительной, и изъ этого возникала нерѣдко многосложная *перекрестная* и совершенно безполезная переписка.

Но такъ какъ полиція могла дѣйствовать на лицо, подпавшее ея разбору, сама, безъ всякаго посредства, а судъ не имѣлъ исполнительнаго органа, то полиція или вообще исполнительная власть въ понятіи общества стояла какъ-то *выше суда.*

Верховенство полиціи надъ судомъ въ особенности выразилось въ С.-Петербургѣ и вообще въ столицахъ, гдѣ представителями полиція были: управы благочинія, оберъ-полиціймейстеры, генералъ-губернаторы, министерство внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, почасту и въ важныхъ случаяхъ— III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, т.-е. жандармское управленіе.

Притомъ министерство внутреннихъ дѣлъ и III отдѣленіе, по отношенію лицъ, бывшихъ во главѣ сихъ управленій, или по другимъ обстоятельствамъ, въ понятіи современниковъ стояли какъ-то ближе къ государю императору, чѣмъ министерство юстиціи. Это послѣднее всегда и во всѣхъ случаяхъ хотя указывало и держалось законнаго порядка, но, несмотря на это, и означенныя управленія, при неразграниченіи въ точности закономъ предметовъ вѣдомства суда отъ ихъ круга обязанности, считали себя въ правѣ прибѣгать то къ тѣмъ, то къ другимъ мѣрамъ и были правы по духу времени. Вотъ почему эти управленія, не стѣсняясь взглядами министерства юстиціи, почасту позволяли себѣ прибѣгать къ разнымъ исключеніямъ изъ общаго порядка дѣлъ судебныхъ.

Послѣдствіемъ сего было *вмѣшательство* въ дѣла суда, который потому и являлся какимъ-то слабымъ орудіемъ въ отправленіи правосудія, а потому въ глазахъ всѣхъ, да и на самомъ дѣлѣ, онъ былъ не *самостоятельнымъ.* Всѣмъ этимъ мы не хотимъ сказать, что въ прежнее время вмѣшательство администраціи и прочихъ властей въ дѣла суда имѣло какую-нибудь злонамѣренную или корыстную или вообще недостойную цѣль. Нѣтъ, мы говоримъ, что въ понятіи прежней администраціи и тѣхъ властей старый судъ, по своимъ формамъ и порядкамъ, не представлялъ собою обезпеченія, а потому, по ихъ мнѣнію, имъ самимъ и нужно было прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ.

Мѣры эти были многоразличны, онѣ состояли или въ учрежденіи разныхъ комиссій, на коихъ возлагали отправленіе разныхъ функцій суда, или въ назначеніи слѣдствій по дѣламъ судебнымъ, или въ командированіи лицъ не судебнаго вѣдомства для наблюденія за судебнымъ дѣломъ, или въ истребованіи объясненій отъ лицъ, служащихъ въ судѣ, помимо властей судебнаго вѣдомства, и т. д., и т. д. Всего не перечтешь.

... Въ подтвержденіе того, что въ прежнее время администрація считала себя превыше юстиціи, разскажу изъ многихъ еще одинъ случай.

Я, какъ чиновникъ, командированный отъ министерства юстиціи для занятій въ министерство внутреннихъ дѣлъ, представлялся бывшему тогда въ послѣднемъ министру Сергѣю Степановичу *Ланскому.*

Разговаривая со мною, Ланской спросилъ меня: «ну что вашъ графъ Викторъ Никитичъ? все судитъ, да рядитъ,—а мы все-таки будемъ ѣздить по-своему». При этомъ Ланской, раскрывъ два пальца правой руки и образовавъ изъ нихъ рогульку, положилъ ее на одинъ палецъ лѣвой руки, а потомъ, подымая и опуская ее нѣсколько разъ, дѣлалъ движенія наподобіе коннаго ѣздока. «Вотъ такъ, вотъ такъ», твердилъ, улыбаясь, добродушный министръ, «мы ѣздимъ на вашей юстиціи».

Анекдотъ самъ по себѣ пустой, но характеризующій, что такое въ прежнее время была юстиція и какъ на нее смотрѣла высшая администрація.

Съ своей стороны, III отдѣленіе, при шефѣ жандармовъ графѣ А. Х. Бенкендорфѣ, графѣ А. Ѳ. Орловѣ и другихъ, состоя подъ ближайшимъ управленіемъ генерала Леонтія Васильевича *Дубельта*, преслѣдовало, по своимъ понятіямъ, кажущееся зло и, стремясь къ добру, отправляло во многихъ случаяхъ, ничѣмъ не стѣсняясь, функціи судебныхъ мѣстъ.

Такъ, оно опредѣляло вины лицъ по дѣламъ не политическаго свойства, брало имущество ихъ подъ свою охрану, принимало по отношенію къ кредиторамъ на себя обязанности администраціи и входило нерѣдко въ разсмотрѣніе вопросовъ о томъ, кто и какъ нажилъ себѣ состояніе и какой кому и въ какомъ видѣ онъ сдѣлалъ ущербъ.

...Въ особенности III отдѣленіе въ прежнее время зорко слѣдило за дѣйствіями бывшихъ тогда повѣренныхъ, или адвокатовъ. Рѣдкій изъ нихъ не побывалъ въ III отдѣленіи для объясненій съ генераломъ Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ. Имя его у всѣхъ людей, не служившихъ и занимавшихся вольнымъ дѣломъ, было на языкѣ.

Малѣйшая жалоба со стороны кліента на недобросовѣстность адвоката или повѣреннаго, была ли она ложная или справедливая — все это было излюбленнымъ предметомъ генерала Дубельта. Нѣкоторые изъ нихъ подвергались высылкѣ изъ города, а другіе, подъ страхомъ подобныхъ наказаній, искали себѣ покровительства, записываясь для виду и счета на службу.

Впрочемъ, вообще званіе адвоката, какъ защитника по дѣламъ, въ прежнее время не пользовалось общественнымъ уваженіемъ. Оно не было чтимо и правительствомъ. Это послѣднее какъ-то считало, что всѣ граждане, силою закона и установленнымъ порядкомъ, достаточно ограждены.

Въ подтвержденіе сего разскажу весьма знаменательный случай:

Въ г. Москвѣ, въ царствованіе императора Николая Павловича былъ генералъ-губернаторомъ свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ *Голицынъ*.

Князь этотъ почасту пріѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ жила его мать, княгиня Наталія Петровна Голицына (moustache), сестры: графиня Софія Владиміровна Строганова, владѣтельница дома у Полицейскаго моста, и Екатерина Владиміровна Апраксина.

Вотъ въ одинъ изъ такихъ его пріѣздовъ къ сестрѣ, Софіи Владиміровнѣ,—въ домѣ и семействѣ которой я жилъ, я слышалъ отъ него слѣдующій разсказъ.

«Вскорѣ послѣ моего назначенія въ Москву», говорилъ князь, «ко мнѣ принесли массу протоколовъ тамошней уголовной палаты для утвержденія.

Въ этихъ протоколахъ опредѣлялась торговая казнь черезъ палачей на площадяхъ. Таковые протоколы, по существовавшимъ правиламъ, не прежде приводились въ исполненіе, какъ по утвержденіи оныхъ генералъ-губернаторомъ.

Выслушавъ объясненія докладчика объ этихъ протоколахъ», продолжалъ князь, «я спросилъ его, съ какой стати мнѣ, лицу, облеченному только высшею административною, а не судебною властію, безъ всякаго убѣжденія о томъ, правильны ли рѣшенія палаты или нѣтъ, приходится утверждать эти кровавые протоколы?

Само собою разумѣется, докладчикъ указывалъ на законы, но я», сказалъ князь, «остался при своемъ и протоколовъ не подписалъ.

Обстоятельство это дошло до свѣдѣнія государя, и вотъ, при одномъ моемъ представленіи ему, онъ меня спросилъ: «Что это значитъ?»

Я объяснилъ, что въ виду отсутствія защиты о винѣ подсудимаго, при моихъ обязанностяхъ, по званію генералъ-губернатора, мнѣ невозможно обсудить правильность рѣшенія палаты, а потому просилъ устранить меня отъ подписи и утвержденія тѣхъ протоколовъ.

— «У тебя есть прокуроры и стряпчіе», возразилъ государь, «чтобы судить о правильности рѣшенія».

«Нѣтъ, государь», позволилъ я себѣ сказать, «прокуроры и стряпчіе не защитники, а преслѣдователи,—тутъ нужны *адвокаты*».

Государь, при словѣ адвокаты, видимо нахмурился и сказалъ: «Да ты, я вижу, долго жилъ во Франціи и, кажется, еще во время революціи, а потому неудивительно, что ты усвоилъ себѣ тамошніе порядки. А кто,—продолжалъ государь говорить громко,—кто погубилъ Францію, какъ не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ и другіе?! Нѣтъ,—князь,—заключилъ государь,—пока я буду царствовать, Россіи не нужны адвокаты, безъ нихъ проживемъ. Дѣлай то, что отъ тебя требуетъ законъ, болѣе я ничего не желаю».

Чѣмъ кончилась участь протоколовъ московской уголовной палаты,—не знаемъ, но слова и разсказъ свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына у меня сохранились свѣжо въ памяти.

II.

Тѣлесныя наказанія.

(Изъ старыхъ дѣлъ ряжскаго уѣзднаго полицейскаго управленія)[1].

8 ноября 1849 г. за № 15847 начальникъ Рязанской губерніи гражданскій губернаторъ Кожинъ писалъ ряжскому городничему официальную бумагу слѣдующаго содержанія: «Вслѣдствіе отношенія Департамента Полиціи

[1]) *Былое*, 1907, октябрь.

исполнительной, предписываю Вашему высокоблагородію донести мнѣ немедленно, какимъ образомъ производится (въ Рязанской губерніи) наказаніе преступниковъ плетьми, вдоль или поперекъ спины, и по одной ли этой части тѣла или по другимъ». Отвѣтъ городничаго отъ 18 ноября за № 737: «Его Превосходительству Господину Рязанскому Гражданскому Губернатору и Кавалеру. Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 8 ноября за № 15847 донести честь имѣю, что наказаніе преступниковъ плетьми производилось вдоль спины и по обѣимъ нижнимъ частямъ тѣла, нынѣ же наказаніе плетьми черезъ полицейскихъ служителей отмѣнено и тѣ плети представлены въ Рязанское Губернское Правленіе». Въ тѣхъ же дѣлахъ имѣлись копіи указовъ Рязанскаго Губернскаго Правленія Ряжскому Земскому Суду, помѣченные февралемъ и декабремъ 1857 года. На этотъ разъ они касались какъ орудій наказаній, такъ и способа ихъ примѣненія. Первый указъ гласилъ слѣдующее: «Губернское Правленіе, слушая циркулярное предписаніе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 11 сего февраля за № 18, въ коемъ изъяснено: при циркулярахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 18 іюня и 30 сент. 1846 г. разосланы къ начальникамъ губерній и областей штемпеля для клейменія каторжныхъ и особый составъ для натиранія наложенныхъ знаковъ клеймъ, а также наставленіе объ употребленіи оныхъ [1]). Между тѣмъ, въ одной губерніи на нѣкоторыхъ преступникахъ клейма оказались неявственными, что произошло, по отзыву мѣстной врачебной управы, отъ небрежнаго намазыванія краскою мѣстъ клейменія; губернское правленіе признало виновными въ несоблюденіи за должнымъ клейменіемъ членовъ мѣстнаго земскаго суда, уѣзднаго стряпчаго и уѣзднаго врача, присутствовавшихъ при наказаніи. Посему возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли возобновлять на каторжныхъ неявственныя клейма, подобно тому, какъ разрѣшено ихъ возобновлять на бродягахъ, подвергая отвѣтственности виновныхъ въ упущеніяхъ по этому предмету. При разсмотрѣніи означеннаго вопроса, Правительствующій Сенатъ, принявъ на видъ, что наложеніе клеймъ на каторжныхъ не составляетъ мѣры предупрежденія отъ побѣговъ, но по силѣ 1-го прил. къ 19 ст. улож. 15 авг. 1845 г. относится къ числу наказаній тѣлесныхъ, которымъ подвергаются не всѣ сосланные въ каторжную работу преступники, а лишь подлежащіе тѣлесному наказанію мущины, не нашелъ основанія къ повторенію этого наказанія надъ тѣми преступниками, которые уже его понесли. Съ тѣмъ вмѣстѣ Правительствующій Сенатъ поручилъ его Высокопревосходительству подтвердить кому слѣдуетъ о точномъ исполненіи предписанныхъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ правилъ о постановленіи знаковъ клеймъ, подъ опасеніемъ въ противномъ

---

[1]) Въ XVII в. клейма налагались каленымъ желѣзомъ, а со времени Петра I—особыми штемпелями, на которыхъ были наложены стальныя иглы, образовавшія буквы; иглы эти вонзались въ тѣло и производили ранки, которыя до 1846 г. для неизгладимости затирались порохомъ, а съ этого времени—особо изобрѣтеннымъ средствомъ (смѣсь индиго и туши); клейменіе отмѣнено указомъ 17 апр. 1863 г. (*Бишитокъ*. «Матеріалы для ист. отмѣны тѣл. наказ. въ Россіи». «Юрид. Вѣстн.» 1892 г., № 7.

случаѣ строгой отвѣтственности по законамъ. Вслѣдствіе сего г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ проситъ г. Начальника здѣшней губерніи строжайше подтвердить всѣмъ чиновникамъ, обязаннымъ присутствовать при наказаніи преступниковъ, о непремѣнномъ наблюденіи съ ихъ стороны за точнымъ исполненіемъ упомянутыхъ правилъ о наложеніи на каторжныхъ клеймъ; виновнаго же въ упущеніяхъ подвергать строгой отвѣтственности по законамъ. *Приказали*: О содержаніи настоящаго предписанія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, давъ знать всѣмъ здѣшней губерніи Градскимъ и Земскимъ полиціямъ и уѣзднымъ стряпчимъ, строжайше подтвердить указами имѣть наблюденіе за явственнымъ наложеніемъ на каторжныхъ клеймъ при наказаніи ихъ подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности по законамъ, а Рязанской врачебной управѣ предписано вмѣнить всѣмъ подвѣдомственнымъ ей Городовымъ и Уѣзднымъ врачамъ о правильномъ наложеніи на каторжныхъ клеймъ».—И второй указъ: «Губернское правленіе, слушая переданное въ сіе правленіе циркулярное предписаніе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовавшее на имя г. Начальника Губерніи отъ 18 минувшаго октября за № 138, въ коемъ изъяснено: по Высочайше утвержденному 10 мая 1839 г. положенію Комитета гг. Министровъ, сообщенному къ исполненію Начальникамъ губерній въ секретномъ циркулярѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 20 генваря 1840 г. за № 21, заготовлены были Министерствомъ образцы орудій для тѣлеснаго наказанія преступниковъ, какъ-то: кнутъ, плеть, притяжные ремни и штемпеля, и разосланы тогда же во всѣ губерніи и области, съ тѣмъ, чтобы употреблявшіяся тамъ прежде орудія тѣлеснаго наказанія преступниковъ были уничтожены, а заготовлены новыя, по упомянутымъ образцамъ. Заготовленіе сіе, какъ тогда, такъ и впредь, на основаніи означеннаго Высочайше утвержденнаго положенія Комитета гг. Министровъ, предписано производить хозяйственнымъ образомъ, по распоряженіямъ губернскаго начальства и подъ непосредственнымъ ихъ наблюденіемъ, насчетъ экстраординарныхъ суммъ. Изъ числа установленныхъ орудій наказаній, кнутъ въ настоящее время уже отмѣненъ уголовнымъ уложеніемъ и штемпеля, измѣненные въ формѣ (вмѣсто буквъ В. О. Р. буквы К. А. Т. [1]) на основаніи циркулярныхъ предписаній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 18 іюня и 30 сент. 1846 г. изготовляются и разсылаются по распоряженію Министерства къ Начальникамъ губерній вслѣдствіе ихъ представленій; заготовленіе плетей и притяжныхъ ремней осталось попрежнему на обязанности губернскихъ начальствъ. Между тѣмъ о заготовленіи вновь плетей, на мѣсто приходящихъ въ негодность отъ употребленія, нѣкоторые начальники губерній входятъ съ представленіями въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Находя такія представленія несогласными съ упомянутымъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета гг. Министровъ, онъ, г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, проситъ Его Прево-

---

[1]) Т.-е. вмѣсто слова «воръ» установили слово («каторжникъ»). Эти буквы ставили такимъ образомъ, что К. приходилось на лбу, А—на правой щекѣ, Т—на лѣвой.

сходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы на будущее время заготовленіе плетей для наказанія преступниковъ, по силѣ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ, производимо было хозяйственнымъ образомъ, по распоряженію Губернскаго Правленія и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, не обременяя Министерство подобными требованіями. *Приказали*: О содержаніи настоящаго предписанія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ дать знать Градскимъ и Земскимъ полиціямъ Рязанской губерніи и передать копію въ 9 столъ сего правленія къ свѣдѣнію и руководству».

III.

Кнутъ и шпицрутены.

(Бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ, 1832 г.) [1])

Виновныхъ въ нашемъ округѣ оказалось около 300 человѣкъ. Въ связяхъ квартиры убитыхъ штабъ-офицеровъ, оберъ-офицеровъ, докторовъ и другихъ лицъ обращены были въ арестантскія тюрьмы, въ окна вставили желѣзныя рѣшетки. Въ эти временныя тюрьмы, въ деревянныхъ тяжелыхъ колодкахъ, были разсажены арестованные. Охраняли ихъ казаки и солдаты резервовъ, потомъ присланъ былъ еще баталіонъ солдатъ, кажется изъ Петербурга.

Обвиняемые, сколько помню про нашъ округъ, просидѣли въ тюрьмахъ до Великаго поста 1832 г., въ томительномъ ожиданіи окончательнаго рѣшенія своей участи. Наконецъ, участь эта была рѣшена: однихъ приговорили къ наказанію кнутомъ на такъ называемой кобылѣ, а другихъ — къ прогнанію шпицрутенами.

Я живо помню эти орудія казни. *Кобыла* это доска, длиннѣе человѣческаго роста, дюйма въ 3 толщины и въ полъ-аршина ширины; на одномъ концѣ доски вырѣзка для шеи, а по бокамъ—вырѣзки для рукъ, такъ что, когда преступника клали на кобылу, то онъ обхватывалъ ее руками, и уже на другой сторонѣ руки скручивались ремнемъ, шея притягивалась также ремнемъ, равно какъ и ноги. Другимъ концомъ доска крѣпко врывалась въ землю наискось, подъ угломъ.

Кнутъ состоялъ изъ довольно толстой и твердой рукоятки, къ которой прикрѣплялся плетеный кнутъ, длиною аршина полтора, а на кончикъ кнута навязывался 6-ти- или 8-мивершковый, въ карандашъ толщиной, четырехгранный сыромятный ремень.

Что же касается до шпицрутеновъ, то я вполнѣ ясно помню, что два экземпляра ихъ, для образца, были присланы (какъ я позже слышалъ) *Клейнмихелемъ* въ канцелярію округа изъ Петербурга. Эти образцовые шпицрутены были присланы, какъ потомъ мнѣ разсказывали, при бумагѣ, за красной печатью, при чемъ предписывалось изготовить по нимъ столько

---

[1]) Изъ воспоминаній Л. А. Сѣрякова, «*Рус. Стар.*» 1875, сентябрь.

тысячъ, сколько потребуется. Шпицрутенъ—это палка, въ діаметрѣ нѣсколько менѣе вершка, въ длину — сажень: это гибкій, гладкій лозовый прутъ. Такихъ прутьевъ для предстоящей казни бунтовщиковъ нарублено было безчисленное множество, многіе десятки возовъ.

Наступило время казни. Сколько помню, это было на первой или на второй недѣлѣ Великаго поста. Подстрекаемый дѣтскимъ любопытствомъ (мнѣ шелъ 9-й годъ), я бѣгалъ на плацъ, лежащій между штабомъ и церковью, каждый день, во все время казней. Морозы стояли въ тѣ дни самые лютые.

На плацу, какъ теперь вижу, была врыта *кобыла*, близъ нея прохаживались два палача, парни лѣтъ 25-ти, отлично сложенные, мускулистые, широкоплечіе, въ красныхъ рубахахъ, плисовыхъ шароварахъ и въ сапогахъ съ напускомъ. Кругомъ плаца разставлены были казаки и резервный баталіонъ, а за ними толпились родственники осужденныхъ.

Около 9-ти часовъ утра прибыли на мѣсто казни осужденные къ кнуту, которыхъ, помнится, въ первый день казни было 25 человѣкъ. Одни изъ нихъ приговорены были къ 101-му удару кнутомъ, другіе—къ 70-ти или къ 50-ти, а третьи—къ 25-ти ударамъ кнута. Приговоренныхъ клали на кобылу по очереди, такъ что въ то время, какъ одного наказывали, всѣ остальные стояли тутъ же и ждали своей очереди. Перваго положили изъ тѣхъ, которымъ было назначено 101 ударъ. Палачъ отошелъ шаговъ на 15 отъ кобылы, потомъ медленнымъ шагомъ сталъ приближаться къ наказываемому; кнутъ тащился между ногъ палача по снѣгу; когда палачъ подходилъ на близкое разстояніе отъ кобылы, то высоко взмахивалъ правою рукою кнутъ, раздавался въ воздухѣ свистъ и затѣмъ ударъ. Палачъ опять отходилъ на прежнюю дистанцію, опять начиналъ медленно приближаться и т. д.

Наивно-дѣтскими, любопытными глазами слѣдилъ я за взмахами кнута и взглядывалъ на спину казнимыхъ: первые удары дѣлались крестъ на крестъ, съ праваго плеча по ребрамъ, подъ лѣвый бокъ, и слѣва направо, а потомъ начинали бить вдоль и поперекъ спины. Мнѣ казалось, что палачъ съ перваго же раза весьма глубоко прорубалъ кожу, потому что послѣ каждаго удара онъ лѣвою рукою смахивалъ съ кнута полную горсть крови. При первыхъ ударахъ обыкновенно слышенъ былъ у казнимыхъ глухой стонъ, который умолкалъ скоро; затѣмъ уже ихъ рубили, какъ мясо. Во время самаго дѣла, отсчитавши, напримѣръ, ударовъ 20 или 30, палачъ подходилъ къ стоявшему тутъ же на снѣгу полуштофу, наливалъ стаканъ водки, выпивалъ и опять принимался за работу. Все это дѣлалось очень, очень медленно.

При казни присутствовали священникъ и докторъ. Когда наказываемый не издавалъ ни стона, никакого звука, не замѣчалось даже признаковъ жизни, тогда ему развязывали руки и докторъ давалъ нюхать спиртъ. Когда при этомъ находили, что человѣкъ еще живъ, его опять привязывали къ кобылѣ и продолжали наказывать.

Подъ кнутомъ, сколько помню, ни одинъ не умеръ (помирали на второй или третій день послѣ казни); между тѣмъ, каждый получилъ опредѣленное приговоромъ суда число ударовъ.

Но ударами кнута казнь не оканчивалась. Послѣ кнута наказаннаго снимали съ кобылы и сажали на барабанъ; на спину, которая походила на высоко вздутое рубленое мясо, накидывали какой-то тулупъ. Палачъ бралъ коробочку, вынималъ изъ нея рукоятку, на которой сдѣланы были буквы изъ стальныхъ шпилекъ въ $^1/_2$ дюйма длины; шпильки эти изображали, помнится, букву *К* и еще какія-то буквы. Палачъ, держа рукоятку въ лѣвой рукѣ, приставлялъ штемпель ко лбу несчастнаго, затѣмъ правой рукой со всего розмаху ударялъ по другому концу рукоятки; шпильки вонзались въ лобъ и, такимъ образомъ, получалось требуемое клеймо; такимъ же пріемомъ быстро *выстукались* буквы на обѣихъ щекахъ. Послѣ отнятія клейма, изъ ранокъ сочилась кровь; палачъ затиралъ кровавыя буквы какимъ-то порошкомъ, чуть ли ни порохомъ, такъ что въ каждой прорѣзи оставался черный слѣдъ. Такимъ образомъ получался знакъ, который впослѣдствіи, какъ я слышалъ, дѣлается совершенно бѣлымъ и не можетъ уничтожиться очень долго, во всю жизнь.

Казнь кнутомъ продолжалась до сумерокъ и во все это время били барабаны.

Наказаніе шпицрутенами происходило на другомъ плацу, за оврагомъ. На эту казнь я бѣгалъ по нѣскольку разъ въ теченіе двухъ недѣль; холодно, устану: сбѣгаю домой, отогрѣюсь и опять прибѣгу. Музыка, видите ли, играла тамъ цѣлый день—барабанъ да флейта—это и привлекало толпу ребятишекъ.

На этомъ плацу, за оврагомъ, два баталіона солдатъ, всего тысячи въ полторы, построены были въ два параллельныхъ другъ другу круга, шеренгами лицомъ къ лицу. Каждый изъ солдатъ держалъ въ лѣвой рукѣ ружье у ноги, а въ правой—шпицрутенъ. Начальство находилось посрединѣ и по списку выкликало—кому когда выходить и сколько пройти круговъ, или, что то же, получить ударовъ. Вызывали человѣкъ по 15 осужденныхъ, сначала тѣхъ, которымъ слѣдовало каждому по 2,000 ударовъ. Тотчасъ спускали у нихъ рубашки до пояса; голову оставляли открытою. Затѣмъ каждаго ставили одинъ за другимъ, гуськомъ, такимъ образомъ: руки преступника привязывали къ примкнутому штыку такъ, что штыкъ приходился противъ живота, при чемъ, очевидно, впередъ бѣжать было невозможно; нельзя также и остановиться или попятиться назадъ, потому что спереди тянутъ за прикладъ два унтеръ-офицера. Когда осужденныхъ устанавливали, то подъ звуки барабана и флейты они начинали двигаться другъ за другомъ. Каждый солдатъ дѣлалъ изъ шеренги правой ногой шагъ впередъ, наносилъ ударъ и опять становился на свое мѣсто. Наказываемый получалъ удары съ обѣихъ сторонъ, поэтому, каждый разъ голова его, судорожно откидываясь, поворачивалась въ ту сторону, съ которой слѣдовалъ ударъ. Во время шествія кругомъ, по *зеленой улицѣ*, слышны были

только крики несчастныхъ: «братцы! помилосердуйте, братцы, помилосердуйте!»

Если кто при обходѣ кругомъ падалъ и далѣе не могъ итти, то подъѣзжали сани-розвальни, которыя везли солдаты, клали на нихъ обезсиленнаго, помертвѣвшаго и везли вдоль шеренгъ; удары продолжали раздаваться до тѣхъ поръ, пока несчастный ни охнуть, ни дохнуть не могъ. Въ такомъ случаѣ подходилъ докторъ и давалъ нюхать спирту. Мертвыхъ выволакивали вонъ, за фронтъ.

Начальство зорко наблюдало за солдатами, чтобы изъ нихъ кто-нибудь не сжалился и не ударилъ бы легче, чѣмъ слѣдовало.

При этой казни, сколько помню, женщинамъ не позволялось присутствовать, а, по приказанію начальства, собраны были только мужчины, въ числѣ которыхъ находились отцы, братья и другіе родственники наказываемыхъ. Всѣмъ зрителямъ довелось пережить страшные, едва ли не болѣе мучительные часы, чѣмъ казнимымъ. Но мало того. Были случаи, что между осужденными и солдатами, ихъ наказывающими, существовали близкія родственныя связи; братъ бичевалъ брата, сынъ истязывалъ отца... Наказанныхъ развозили по домамъ обывателей на саняхъ, конвоируемыхъ нѣсколькими казаками. Надобно замѣтить, что такъ какъ всѣхъ 300-тъ человѣкъ, наказанныхъ въ одномъ только нашемъ округѣ, въ лазаретѣ помѣстить было нельзя, то для нихъ отведены были нѣкоторыя избы поселянъ. Сюда уже безпрепятственно ходили всѣ родные, приносили больнымъ съѣстные припасы и водку для обмыванія ранъ: водка предохраняла раны отъ гніенія.

Ни одному изъ наказанныхъ шпицрутенами не было назначено, какъ мнѣ потомъ разсказывали, менѣе 1,000 ударовъ; большею же частью—давали по 2, даже по 3 тысячи ударовъ; братьямъ *Ларичамъ*, какъ распространителямъ мятежа, дано по 4,000 ударовъ каждому; оба на другой день послѣ казни умерли. Перемерло, впрочемъ, много изъ казненныхъ; этому способствовало: недостатокъ докторовъ, отсутствіе медицинскихъ средствъ, неимѣніе хорошихъ помѣщеній, недостатокъ надлежащаго ухода за больными и проч.

Въ народѣ во все время казней и всѣхъ ихъ послѣдствій не замѣчалось никакого озлобленія, ни малѣйшаго ропота противъ начальства; говорили только: «Господь наказываетъ насъ за грѣхи».

IV.

Одна изъ резолюцій Николая I [1]).

Во время отсутствія графа Воронцова изъ Одессы въ 1827 году новороссійскими губерніями управлялъ тайный совѣтникъ графъ *Паленъ*. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 11-го октября 1827 г. графъ донесъ о тай-

[1]) *Рус. Стар.* 1883, декабрь.

номъ переходѣ двухъ евреевъ черезъ р. Прутъ, и присовокуплялъ, что одно только опредѣленіе смертной казни за карантинныя преступленія способно положить предѣлъ онымъ. Императоръ *Николай* на этомъ рапортѣ написалъ нижеслѣдующую собственноручную резолюцію:

„*Виновныхъ прогнать сквозь тысячу человѣкъ 12 разъ. Слава Богу, смертной казни у насъ не бывало и не мнѣ ее вводить*".

ГЛАВА V.

Крѣпостное право.

I.

Рѣчь Николая I въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 30 марта 1842 года [1]).

Наступило достопамятное 30-е марта. Членамъ не было разослано никакихъ особыхъ повѣстокъ и, при всемъ томъ, вслѣдствіе, конечно, разнесшагося слуха, даже самые неточные собрались заблаговременно. Въ 20 минутъ 12-го императоръ Николай, въ сопровожденіи одного только государя - наслѣдника и безъ всякой встрѣчи, быстро вошелъ въ залу собранія, окинувъ всѣхъ присутствовавшихъ взглядомъ и улыбкою привѣтствія, пожалъ руку князю Васильчикову и занялъ мѣсто предсѣдателя, не Совѣта, а Департамента Законовъ, графа Блудова, который отодвинулся нѣсколько лѣвѣе, такъ что государю пришлось сидѣть между нимъ и докладчикомъ, наискось отъ Васильчикова, оставшагося на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ. Собраніе состояло изъ 34-хъ членовъ [2]). Не было только еще князя Волконскаго и графа Киселева, которые вошли нѣсколькими минутами позже, и великаго князя Михаила Павловича, за которымъ немедленно послали нарочнаго. Государь былъ въ конногвардейскомъ мундирѣ, а члены, за неразсылкою офиціальнаго оповѣщенія, въ обыкновенной совѣтской формѣ, безъ лентъ. Когда всѣ сѣли, государь, сидя, произнесъ слѣдующую рѣчь [3]):

---

[1]) Сборн. И. Р. Истор. Общ., т. 98, стр. 114—7.

[2]) Не присутствовали изъ наличныхъ только: графъ Мордвиновъ, графъ Толь и Оленинъ, въ это время уже совершенно разслабленные; Перовскій и князь Меншиковъ по болѣзни; наконецъ, графъ Эссенъ, которому, по званію с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, назначено было явиться въ этотъ день во дворецъ со вновь выбранными отъ дворянства въ должности, но который, прождавъ тамъ государя до 4-хъ часовъ, былъ принятъ уже на другой день.

[3]) Не полагаясь на одну свою память, я посадилъ въ залѣ собранія двухъ чиновниковъ, чтобы записывать, сколько каждый успѣетъ, все, что будетъ говорить государь. Потомъ я привелъ ихъ набросанныя наскоро записки въ порядокъ и дополнилъ тѣмъ изъ сказаннаго, что ускользнуло отъ ихъ вниманія. Такимъ образомъ, написанное здѣсь

«Прежде слушанія дѣла, для котораго мы собрались, я считаю нужнымъ познакомить Совѣтъ съ моимъ образомъ мыслей по этому предмету и съ тѣми побужденіями, которыми я въ немъ руководился. Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право, въ нынѣшнемъ его положеніи у насъ, есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ нему *теперь* было бы дѣломъ еще болѣе гибельнымъ. Покойный императоръ Александръ въ началѣ своего царствованія имѣлъ намѣреніе дать крѣпостнымъ людямъ свободу, но потомъ самъ отклонился отъ своей мысли, какъ совершенно еще преждевременной и невозможной въ исполненіи. Я также никогда на это не рѣшусь, считая, что если время, когда можно будетъ приступить къ такой мѣрѣ, вообще очень еще далеко, то въ *настоящую* эпоху всякій помыселъ о томъ былъ бы не что иное, какъ преступное посягательство на общественное спокойствіе и на благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ доходить буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки въ такомъ родѣ до сихъ поръ всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь будетъ точно также предметомъ особенной и, съ помощью Божіей, успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что теперь мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынѣшнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда. Причины этой перемѣны мыслей и чаще повторяющихся въ послѣднее время безпокойствъ я не могу не отнести больше всего къ двумъ причинамъ: *во-первыхъ*, къ собственной неосторожности помѣщиковъ, которые даютъ своимъ крѣпостнымъ несвойственное состоянію послѣднихъ высшее воспитаніе, а черезъ то, развивая въ нихъ новый кругъ понятій, дѣлаютъ ихъ положеніе еще болѣе тягостнымъ; *во-вторыхъ*, къ тому, что нѣкоторые помѣщики—хотя, благодаря Богу, самое меньшее ихъ число—забывая благородный долгъ, употребляютъ свою власть во зло, а дворянскіе предводители, какъ многіе изъ нихъ сами мнѣ отзывались, къ пресѣченію такихъ злоупотребленій не находятъ средствъ въ законѣ, ничѣмъ почти не ограничивающемъ помѣщичьей власти. Но если нынѣшнее положеніе таково, что оно не можетъ продолжаться и если, вмѣстѣ съ тѣмъ, и рѣшительные къ прекращенію его способы также невозможны безъ общаго потрясенія, то необходимо, по крайней мѣрѣ, приготовить пути для *постепеннаго перехода* къ другому порядку вещей и, не устрашаясь передъ всякою перемѣною, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно проложить дорогу къ переходному состоянію, а съ нимъ связать ненарушимое охраненіе вотчинной собственности на землю. Я считаю это священною моею обязанностію и обязанностію тѣхъ, кто будетъ послѣ меня, а средства, по моему мнѣнію, вполнѣ представляются въ предложенномъ теперь Совѣту проектѣ

представляетъ не только собственныя *мысли* государя, но вездѣ и собственныя его *выраженія*, сколько сіе доступно было безъ помощи стенографіи. (Изъ современныхъ записокъ статсъ-секретаря барона Корфа).

указа. Онъ, во-1-хъ, не есть законъ *новый*, а только послѣдствіе и, такъ сказать, развитіе существующаго сорокъ лѣтъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ; во-2-хъ, устраняетъ, однако же, вредное начало этого закона—отчужденіе отъ помѣщиковъ поземельной собственности, которую, напротивъ, столько по всему желательно видѣть навсегда неприкосновенною въ рукахъ дворянства—мысль, отъ которой я никогда не отступлю; въ-3-хъ, выражаетъ прямо волю и убѣжденіе правительства, что земля есть собственность не крестьянъ, которые на ней поселены, а помѣщиковъ—предметъ такой же первостепенной важности для будущаго спокойствія; наконецъ, въ-4-хъ, безъ всякихъ крупныхъ переворотовъ, безъ всякаго даже вида нововведенія, даетъ каждому благонамѣренному владѣльцу способы улучшать положеніе его крестьянъ и, отнюдь не налагая ни на кого обязанности принужденій или стѣсняющей въ чемъ-нибудь право собственности, предоставляетъ все доброй волѣ каждаго и влеченію собственнаго его сердца. Съ другой стороны, проектъ оставляетъ крестьянъ крѣпкими той землѣ, на которой они записаны, и черезъ это избѣгаетъ неудобства положеній, дѣйствовавшихъ донынѣ въ остзейскихъ губерніяхъ—положеній, которыя довели крестьянъ до самаго жалкаго состоянія, обратили ихъ въ батраковъ и побудили тамошнее дворянство просить именно о томъ же, что теперь здѣсь предлагается. Между тѣмъ, я повторяю, что все должно итти постепенно и не можетъ и не должно быть сдѣлано разомъ или вдругъ. Проектъ содержитъ въ себѣ одни главныя начала и первыя указанія. Онъ открываетъ всякому, какъ я уже сказалъ, способъ слѣдовать, подъ защитою и при пособіи закона, сердечному своему влеченію. Въ огражденіи интереса помѣщиковъ ставится добрая ихъ воля и собственная заботливость, а интересъ крестьянъ будетъ огражденъ черезъ разсмотрѣніе каждый разъ условій, не только мѣстными властями, но и высшимъ правительствомъ, съ утвержденія власти самодержавной. Итти теперь далѣе и впередъ обнять всѣ прочія, можетъ статься очень обширныя и дробныя развитія этихъ главныхъ началъ—невозможно. Когда помѣщики, которые пожелаютъ воспользоваться дѣйствіемъ указа, представятъ проекты условій, основанные на мѣстностяхъ и на различныхъ родахъ сельскаго хозяйства, тогда соображеніе этихъ условій тѣмъ же порядкомъ, какъ теперь договоровъ съ свободными хлѣбопашцами, укажетъ, по практическимъ ихъ даннымъ, что̀ нужно и можно будетъ сдѣлать въ подробностяхъ и чего въ настоящее время о подобной теоріи, со всею осторожностью и прозорливостью, никакъ впередъ предусмотрѣть нельзя. Но отлагать начинаніе, котораго польза очевидна, и отлагать потому только, что нѣкоторые вопросы съ намѣреніемъ оставляются неразрѣшенными и на первый разъ предвидятся нѣкоторыя недоумѣнія—я не нахожу никакой причины. Невозможно ожидать, чтобы дѣло принялось вдругъ и повсемѣстно. Это даже не соотвѣтствовало бы и нашимъ видамъ. Между тѣмъ, при постепенномъ и, вѣроятно, довольно медленномъ развитіи его на разныхъ пунктахъ имперіи, опытъ всего лучше и надежнѣе придетъ здѣсь на помощь. Этимъ опы-

томъ, безъ сомнѣнія, развяжутся и такіе вопросы, которые теперь, безъ его пособія, кажутся затруднительными. Законъ долженъ вмѣщать въ себѣ одни главныя начала; частности разрѣшатся по мѣрѣ частныхъ случаевъ и впослѣдствіи совокупный сводъ такихъ случаевъ составитъ основу цѣлаго, положительнаго уже законодательства. Настоящимъ дѣломъ очень долго и подробно занимался особый комитетъ, которому оно было отъ меня поручено; но, не скрывая передъ собою всѣхъ его трудностей, я не рѣшился подписать указъ безъ новаго пересмотра въ Государственномъ Совѣтѣ. Я люблю всегда правду, господа, и, полагаясь на вашу опытность и вѣрноподданическое усердіе, приглашаю васъ теперь изъяснить ваши мысли со всею откровенностью, не стѣсняясь личнымъ моимъ убѣжденіемъ. Одно только не могу не поставить съ прискорбіемъ въ вину Совѣта—именно той публичной, естественно преувеличенной народной молвы, которой источники отношу къ неумѣстнымъ разглашеніямъ со стороны лицъ, облеченныхъ моимъ довѣріемъ и обязанныхъ, самымъ долгомъ ихъ присяги, хранить государственную тайну. Я принужденъ, по этому случаю, подтвердить передъ всѣмъ собраніемъ Совѣта, чтобы впредь присяжный долгъ исполняемъ былъ ненарушимо какъ членами, такъ и канцеляріею, и предваряю, что если бы, сверхъ ожиданія, опять дошло до моего свѣдѣнія о подобныхъ разглашеніяхъ, то я велю тотчасъ судить виноватыхъ по строгости законовъ, какъ за государственное преступленіе».

Вотъ очеркъ того, что сказалъ государь, но очеркъ слабый и безжизненный, потому что бумага— не живая рѣчь! Какъ передать перомъ выражавшееся въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи сознаніе внутренняго, высокаго достоинства; это царственное величіе, этотъ плавно текшій потокъ рѣчи, въ которомъ каждое слово представляло мысль; этотъ звонкій, могучій органъ, великолѣпную наружность, совершенное спокойствіе осанки, которыя такъ очаровали многочисленное собраніе! Государь давно уже кончилъ, а все кругомъ него еще безмолвствовало въ благоговѣйномъ удивленіи. И именно въ *это* засѣданіе, о которомъ такъ хотѣлось прокричать по цѣлой Россіи, онъ наложилъ на насъ обѣтъ и печать молчанія!..

За этой рѣчью я прочелъ Совѣту департаментскій журналъ и самый проектъ указа, что заняло около трехъ четвертей часа; послѣ чего государь повторилъ членамъ приглашеніе высказать свободно и откровенно ихъ мысли.

II.

Что сдѣлано было въ царствованіе императора Николая для ограниченія крѣпостного права[1]).

Мысль о необходимости уничтоженія рано или поздно крѣпостного права была не чужда Николаю Павловичу еще до вступленія его на престолъ, какъ потому, что ее проводилъ въ своихъ лекціяхъ академикъ

[1]) В. И. Семевскій. «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», т. II, стр. 529—535 и 568—9.

Шторхъ, преподававшій великому князю политическую экономію, такъ и потому, что она занимала его брата, императора Александра I, постоянно собиравшаго проекты по этому предмету. Впрочемъ, Николай Павловичъ пришелъ, по его собственному свидѣтельству, къ такому выводу, что если его братъ и намѣренъ былъ первоначально дать крѣпостнымъ свободу, то впослѣдствіи онъ «отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи». Однако, первые же дни царствованія императора Николая должны были его убѣдить, что лучшіе представители молодого поколѣнія иначе смотрятъ на этотъ вопросъ: изъ первыхъ допросовъ арестованныхъ декабристовъ присутствовавшій на нихъ государь узналъ, что одною изъ главныхъ причинъ общественнаго недовольства была инертность правительства въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, — молодые люди смѣло и откровенно высказывали свои мысли по этому предмету. Черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ императоръ Николай учредилъ, 6 декабря 1826 года, секретный комитетъ, которому было поручено разсмотрѣть предположенія относительно улучшенія различныхъ отраслей государственнаго устройства и управленія и, между прочимъ, относительно измѣненія быта крестьянъ, для чего комитету были переданы и проекты по этому вопросу, представленные правительству въ предшествовавшее царствованіе. Еще прежде, чѣмъ закончилъ свою дѣятельность комитетъ, 6-го декабря 1826 года, по Высочайшему повелѣнію былъ учрежденъ особый комитетъ для составленія закона о прекращеніи продажи людей безъ земли. При разногласіи въ государственномъ совѣтѣ относительно продажи крестьянъ на свозъ, возникшемъ при обсужденіи составленныхъ этими комитетами законопроектовъ, государь примкнулъ къ мнѣнію большинства, высказавшагося за запрещеніе безземельной продажи крѣпостныхъ безъ всякаго исключенія. Однако, проекты комитета 6-го декабря 1826 года, въ концѣ-концовъ, одобрены не были, вслѣдствіе протеста великаго князя Константина Павловича. Изъ разговора императора Николая съ Киселевымъ въ 1834 году мы видимъ, что съ самаго вступленія на престолъ государь собираетъ матеріалы по крестьянскому дѣлу и задумываетъ вести «процессъ» противъ «рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей Имперіи», но не встрѣчаетъ сочувствія не только со стороны министровъ, которые боязливо отступаютъ передъ этимъ вопросомъ, но и со стороны своихъ братьевъ, Константина и Михаила. Тѣмъ не менѣе, государь категорически высказалъ въ разговорѣ съ Киселевымъ убѣжденіе, что дѣло это онъ долженъ «передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи», т.-е. серьезно подготовить его окончательное рѣшеніе. Сознавая свою неопытность и неподготовленность въ этомъ отношеніи, императоръ Николай былъ крайне доволенъ, что нашелъ себѣ такого помощника, какъ Киселевъ, который при управленіи имъ Дунайскими княжествами занимался регулированіемъ положенія крестьянъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ. Въ слѣдующемъ, 1835 году, государь учредилъ новый секретный комитетъ, одною изъ задачъ котораго было принятіе мѣръ для улучшенія состоянія

помѣщичьихъ крестьянъ, но дѣятельность котораго не имѣла никакихъ практическихъ результатовъ для крѣпостного населенія Россіи.

Въ концѣ 1839 года императоръ Николай опять учреждаетъ секретный комитетъ, который долженъ былъ уже исключительно заняться вопросомъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Въ мартѣ 1840 года членъ этого комитета Киселевъ предложилъ государю слѣдующую программу мѣръ для ослабленія помѣщичьей власти и освобожденія крѣпостныхъ: 1) устройство быта дворовыхъ людей; 2) исполненіе помѣщичьими крестьянами рекрутской повинности на основаніи общихъ правилъ, установленныхъ относительно отбыванія ея прочихъ сословій; 3) назначеніе крестьянамъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ правъ собственности на движимое имущество; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство для крѣпостныхъ крестьянъ сельскаго управленія съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста наравнѣ съ свободными хлѣбопашцами. Государь нашелъ всѣ эти предположенія «весьма справедливыми и основательными» и разрѣшилъ внести ихъ въ комитетъ; но когда Киселевъ составилъ подробный проектъ, обнимающій лишь часть этихъ предположеній, именно опредѣленіе надѣловъ и повинностей крестьянъ, то государь повелѣлъ объявить комитету въ февралѣ 1841 г., что онъ не имѣлъ и не имѣетъ намѣренія дать предполагаемому измѣненію закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ силу обязательнаго постановленія и что увольненіе крестьянъ въ обязанные должно быть основано на собственномъ желаніи помѣщиковъ. Такое повелѣніе по своему общему смыслу, конечно, подкрѣпило мнѣніе членовъ комитета, протестовавшихъ противъ установленія какихъ бы то ни было обязательныхъ нормъ повинностей при обращеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные. Въ мартѣ 1842 года государь произнесъ въ Государственномъ Совѣтѣ предъ обсужденіемъ закона объ обязанныхъ крестьянахъ цѣлую рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что «никогда не рѣшится даровать свободу крѣпостнымъ людямъ», что время, когда къ этому можно будетъ приступить, еще весьма далеко и что теперь «всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства». Но если, по мнѣнію государя, и «не должно давать вольности» крѣпостнымъ, то зато «должно открыть путь къ другому переходному состоянію», на основаніи добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами. Всего важнѣе въ этой рѣчи было рѣшительное осужденіе обезземеленія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, а затѣмъ заявленіе, что настоящій законъ есть только первый шагъ на пути ограниченія крѣпостного права: воспользовавшись тѣми договорами, которые будутъ заключены на основаніи этого указа, и подробнымъ регулированіемъ въ нихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, государь предполагалъ издать впослѣдствіи обстоятельный законъ, который, какъ надо полагать на основаніи его упоминанія *о положительномъ* законодательствѣ, онъ имѣлъ въ виду сдѣлать уже обязательнымъ для владѣльцевъ населен-

ныхъ имѣній; въ настоящее же время онъ не желалъ оказывать на нихъ давленія. Когда въ томъ же засѣданіи кн. Голицынъ сдѣлалъ замѣчаніе, что если оставить договоры на волю дворянъ, то едва ли кто-нибудь станетъ ихъ заключать, и потому лучше прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями, взявъ за основаніе указъ императора Павла о трехдневной барщинѣ, то государь сказалъ: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключить договоры: это должно быть дѣломъ ихъ доброй воли, и только опытъ укажетъ, въ какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному». Но относительно Западной Россіи императоръ Николай держался иныхъ взглядовъ: въ мартѣ 1840 г. на постановленіи комитета западныхъ губерній онъ написалъ: «Полагаю, что можно рѣшительно велѣть ввести въ помѣщичьихъ владѣніяхъ тѣ инвентари, которыми само правительство довольствуется въ арендныхъ имѣніяхъ. Ежели отъ сего будетъ нѣкоторое стѣсненіе правъ помѣщиковъ, то оно касается прямо блага ихъ крѣпостныхъ людей и не должно отнюдь останавливать благой цѣли правительства»—и вскорѣ послѣ того предписалъ ввести инвентари въ четырехмѣсячный срокъ. Когда исполнить это повелѣніе такъ скоро не оказалось возможнымъ, то въ февралѣ 1841 года, за нѣсколько дней до объявленія комитету объ обязанныхъ крестьянахъ, что увольненіе крѣпостныхъ въ обязанные должно быть основано на собственномъ желаніи помѣщиковъ, императоръ Николай, на докладѣ комитета западныхъ губерній, заключающемъ предположеніе о введеніи въ этомъ краѣ обязательныхъ инвентарей, написалъ: «Дѣломъ симъ не медлить; я считаю его особенно важнымъ и ожидаю отъ сей мѣры большой пользы». Въ 1840 году императоръ Николай учредилъ секретный комитетъ для улучшенія быта дворовыхъ, имѣвшій всего три засѣданія, послѣ чего было повелѣно оставить это дѣло впредь до удобнаго времени. Въ 1843 г. государь поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ, Перовскому, представить свои соображенія по вопросу о дворовыхъ и, когда онъ исполнилъ это требованіе, учредилъ новый секретный комитетъ объ устройствѣ ихъ быта, въ которомъ принялъ самъ ближайшее участіе, онъ согласился на нѣкоторыя маловажныя мѣры, направленныя, главнымъ образомъ, къ уменьшенію числа дворовыхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявилъ, что «*прямого* воспрещенія помѣщикамъ брать изъ крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ избѣгать до послѣдней крайности». Тутъ же онъ сказалъ, что мысль объ измѣненіи у насъ крѣпостного состоянія никогда не оставляла его съ самаго вступленія на престолъ, и что, считая постепенность мѣръ первымъ условіемъ въ этомъ дѣлѣ, онъ рѣшился *начать* съ дворовыхъ людей; но затѣмъ опять повторилъ, что запрещеніе помѣщикамъ переводить крестьянъ во дворъ признаетъ «рѣшительно на долгое время невозможнымъ». Считая полезнымъ выдавать изъ казны ссуды дворовымъ, владѣльцы которыхъ будутъ отпускать ихъ на волю за опредѣленную плату, государь рѣшилъ ассигновать съ этой цѣлью на первый случай до 100,000 руб., но предположеніе это, сколько намъ из-

Бѣлинскій передъ смертью. Съ картины наумова.

вѣстно, исполнено не было. Законъ 1844 г. о выкупѣ дворовыхъ на волю, бывшій результатомъ дѣятельности этого комитета, не имѣлъ никакихъ существенныхъ послѣдствій. Въ 1846 г., для разсмотрѣнія записки министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго «Объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи» былъ опять учрежденъ секретный комитетъ, который призналъ своевременнымъ лишь принятіе мѣръ для огражденія движимаго имущества крѣпостныхъ крестьянъ отъ несправедливыхъ притязаній помѣщиковъ, что императоръ Николай и приказалъ исполнить. Но въ томъ же году, еще ранѣе, чѣмъ это повелѣніе государя осуществилось, комитетомъ министровъ былъ возбужденъ вопросъ о дарованіи крѣпостнымъ «права на собственность» относительно недвижимаго имущества, чѣмъ государь и повелѣлъ заняться немедленно, сказавъ по этому поводу Киселеву: «Пока человѣкъ есть вещь, другому принадлежащая, нельзя движимость его признавать собственностью; но при случаѣ и въ свою очередь и это сдѣлается». Однако, новыя предположенія привели въ мартѣ 1848 года къ ничтожному результату—къ дозволенію пріобрѣтать недвижимую собственность не иначе, какъ съ согласія помѣщика и, при томъ, съ запрещеніемъ начинать какіе бы то ни было споры относительно недвижимыхъ имуществъ, уже прежде купленныхъ крѣпостными на имя помѣщиковъ.

Когда баронъ Корфъ возбудилъ въ іюнѣ 1847 года вопросъ о распространеніи на всю Россію права грузинскихъ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ съ аукціона населенныхъ имѣній, государь съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ этому предположенію и, собирая для его обсужденія «келейный» комитетъ, заявилъ, что «пользу и главныя начала» этого дѣла онъ считаетъ уже рѣшенными [1]), и благодаря такой, едва ли не единственный разъ обнаруженной императоромъ Николаемъ рѣшительности относительно крестьянскаго вопроса въ собственной Россіи, не замедлилось изданіе указа по этому предмету (8 ноября 1847 года); но противъ этой правительственной мѣры началась усиленная агитація со стороны нашихъ крѣпостниковъ, и распускаемые ими неблагопріятные слухи и даже письменные протесты, присылаемые государю, пришлось разсматривать въ двухъ комитетахъ, изъ которыхъ первый былъ учрежденъ въ началѣ 1848 г. и очень быстро закончилъ свою дѣятельность, а второй въ концѣ года подготовилъ негласную отмѣну указа 8 ноября. Къ 1847 г. относится обращеніе императора Николая къ смоленскимъ дворянамъ съ выраженіемъ желанія, чтобъ они отозвались на призывъ правительства относительно обращенія крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, при чемъ въ рѣчи къ депутатамъ смоленскаго дворянства государь, между прочимъ, сказалъ, что «крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ состояніи почти не по праву, а обычаемъ, чрезъ долгое время, не можетъ считаться собственностію, а тѣмъ менѣе вещью». Но уже въ концѣ того же года одинъ помѣщикъ, пославшій

[1]) Государь высказался за то, чтобы дозволено было выкупаться не иначе, какъ цѣлымъ селеніями, и выразилъ желаніе, чтобы, въ случаѣ надобности, казна оказывала крестьянамъ пособіе для выкупа.

наслѣднику цесаревичу записку по крестьянскому вопросу, получилъ такой отвѣтъ: цесаревичу извѣстно, что государь «отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнять настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ къ ихъ владѣльцамъ»; вслѣдъ затѣмъ смоленскому дворянству (изъ среды котораго группа помѣщиковъ въ 13 человѣкъ отправила коллективный проектъ по крестьянскому дѣлу) было дано знать оффиціально, что государь «не желаетъ, чтобы производились частныя подписки, но что каждый имѣетъ руководиться указомъ 2-го апрѣля 1842 года отдѣльно [1]), и, наконецъ, въ началѣ 1849 года мнѣніе смоленскаго губернскаго предводителя дворянства князя Друцкаго-Соколинскаго, проникнутое самыми крѣпостническими тенденціями, заслужило одобреніе государя. Реакція, начавшаяся у насъ вслѣдъ за февральской революціей во Франціи, вызвала гоненіе даже и на весьма умѣренные протесты противъ крѣпостного права въ печати. Нѣкоторая рѣшительность была обнаружена государемъ лишь относительно Юго-западнаго края, для котораго инвентарныя правила были утверждены первоначально 26 мая 1847 года, а затѣмъ въ новой редакціи 29 декабря 1848 г., когда нечего было уже и думать о прогрессивномъ движеніи въ крестьянскомъ дѣлѣ въ собственной Россіи [2]).

Такимъ образомъ, императоръ Николай, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ въ крестьянскомъ вопросѣ, при ясномъ сознаніи необходимости уничтоженія крѣпостного права, если не при немъ, то, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующее царствованіе, и настоятельности серьезной подготовки этой мѣры, обнаружилъ такую нерѣшительность въ этомъ отношеніи, что дѣятельность 9 «секретныхъ», «келейныхъ» и «особыхъ» комитетовъ не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ изъ числа подготовленныхъ ими мѣръ двѣ, единственно возбуждавшія надежды: законъ объ обязанныхъ крестьянахъ и дозволеніи выкупаться на свободу при продажѣ съ аукціона—не принесли почти никакой пользы: первая—вслѣдствіе крайней инертности дворянства и равнодушія громаднаго большинства его къ крестьянскому вопросу, а вторая—вслѣдствіе ея скорой отмѣны; лишь дѣятельность десятаго комитета (о западныхъ губерніяхъ), при содѣйствіи энергическаго генералъ-губернатора Юго-западнаго края Д. Г. Бибикова,

---

[1]) Просьба тульскихъ дворянъ въ 1847 году объ учрежденіи въ губерніи оффиціальнаго комитета по крестьянскому дѣлу и подобное же предложеніе Кошелева относительно Рязанской губерніи были отвергнуты.

[2]) Въ «показаніяхъ генералъ-адъютанта А. Г. Тимашева» мы находимъ слѣдующее важное извѣстіе: «Всѣмъ извѣстно, что императоръ Александръ II, до своего воцаренія, былъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Перемѣна воззрѣнія на этотъ предметъ находитъ свое объясненіе лишь въ томъ, что произошло въ послѣднія минуты жизни императора Николая»... По разсказу, слышанному мною отъ одного изъ самыхъ приближенныхъ къ императору Николаю лицъ, а именно отъ графа П. Д. Киселева, «Государь Николай Павловичъ не за долго до кончины сказалъ наслѣднику престола: «Гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу». («Русскій Арх.» 1887 года, № 6, стр. 260). Извѣстіе это о словахъ императора Николая нуждается въ подтвержденіи (срав. ibid., стр. 262).

была не лишена полезныхъ до извѣстной степени результатовъ. Одною изъ главныхъ причинъ того, что дѣятельность цѣлаго ряда правительственныхъ комиссій осталась безплодною, была крайняя боязнь гласности, столь необходимой въ этомъ дѣлѣ, и неосновательная увѣренность, что такое сложное дѣло, какъ ограниченіе крѣпостного права, можетъ быть обсуждено и подготовлено исключительно бюрократическими средствами, безъ содѣйствія общества и печати; отсюда и нежеланіе допустить какую бы то ни было общественную самодѣятельность въ дворянствѣ и воспрещеніе представителямъ науки, литературы и журналистики оказать съ своей стороны содѣйствіе правительству въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое оно бралось такъ нерѣшительно. Мы видѣли, съ какимъ горячимъ сочувствіемъ относились къ намѣреніямъ правительства по крестьянскому дѣлу даже люди, считавшіеся столь крайними, какъ Бѣлинскій; понятно, какое могучее содѣйствіе могли бы оказать эти передовые дѣятели правительству, одни — прямымъ обсужденіемъ мѣръ, настоятельно необходимыхъ, другіе—гуманизированіемъ общества посредствомъ своихъ беллетристическихъ и иныхъ литературныхъ произведеній, посвященныхъ защитѣ интересовъ закрѣпощеннаго крестьянства. Но правительство съ величайшей нетерпимостью отвергло содѣйствіе этихъ людей, а среди высшей администраціи Чернышевы, Орловы, Перовскіе тормазили иниціативу Киселева, единственнаго болѣе другихъ энергическаго человѣка въ крестьянскомъ дѣлѣ, и сводили на нуль иногда благія начинанія, положенныя въ основу дѣятельности того или другого комитета. Если однако, благодаря этому противодѣйствію лицъ, непосредственно окружающихъ государя, его мечты о подготовкѣ паденія крѣпостного права и не привели ни къ какимъ строгимъ мѣрамъ, направленнымъ къ его ограниченію, то все-таки признаніе государя, что онъ обязанъ по мѣрѣ возможности дѣйствовать въ этомъ направленіи, вызвало цѣлый рядъ отдѣльныхъ хотя и не особенно важныхъ, но зато довольно многочисленныхъ узаконеній, кое въ чемъ ограничивавшихъ помѣщичью власть и распространеніе крѣпостного права.

Если мы сопоставимъ требованія, высказанныя разными комитетами, членами администраціи и частными лицами относительно ограниченія крѣпостного права, съ тѣмъ, что было дѣйствительно сдѣлано съ этою цѣлью въ царствованіе императора Николая, то мы увидимъ, что ограниченіе крѣпостного права за эту эпоху подвинулось впередъ весьма мало, не говоря уже, разумѣется, объ освобожденіи крѣпостныхъ, необходимость котораго стало все болѣе и болѣе сознавать наше общество, но о которомъ правительство боялось и подумать. Мы видѣли, до какой степени назрѣлъ вопросъ о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли, но полнаго ея запрещенія не послѣдовало, а только не позволено было разлучать при этомъ членовъ семейства, запрещено принимать крѣпостныхъ безъ земли въ обезпеченіе и удовлетвореніе частныхъ долговъ и покупать ихъ безъ земли иначе, какъ съ припискою къ населеннымъ имѣніямъ. Повинности крестьянъ

были точно опредѣлены только въ Юго-западномъ краѣ. Для устройства быта дворовыхъ не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, такъ какъ указы 1844 года въ счетъ итти не могутъ; относительно предоставленія крестьянамъ права собственности также ничего не было сдѣлано, такъ какъ указъ 3 марта 1848 г. былъ шагомъ не впередъ, а скорѣе назадъ. Размѣра выкупа, за который можно пріобрѣтать свободу, установлено не было. Распространеніе въ 1847 году на всю Россію права выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга было отмѣнено менѣе, чѣмъ черезъ два года. Указъ объ обязательныхъ крестьянахъ, какъ мѣра необязательная, не принесъ почти никакихъ плодовъ. Освободилось, вслѣдствіе покупки имѣній въ казну, также незначительное число душъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ частныхъ, неполныхъ мѣръ относительно продажи безъ земли и ограниченія повинностей лишь въ одной мѣстности Россіи, не было сдѣлано ничего серьезнаго; но очень важно то, что въ николаевскую эпоху въ правительственныхъ сферахъ выработалось убѣжденіе въ необходимости надѣленія крестьянъ землею при уничтоженіи крѣпостного права.

III.

Крестьянскіе бунты [1]).

Крестьяне Ярославской вотчины помѣщицы Щ—вой, хотя бунта и не произвели, но упорно отказывались платить оброкъ и высказали неуваженіе начальству, даже самому гражданскому губернатору. Комиссія приговорила: 5 человѣкъ главныхъ виновныхъ наказать кнутомъ и сослать въ Сибирь на поселеніе, одного, имѣющаго болѣе 70 лѣтъ, сослать же, не наказывая кнутомъ; остальныхъ 89 наказать плетьми и батогами и оставить въ вотчинѣ, при чемъ, какъ только крестьяне при производствѣ наказанія изъявятъ раскаяніе, то наказаніе пріостановить и объявить крестьянамъ всемилостивѣйшее прощеніе; всего въ вотчинѣ была 441 душа мужского пола. Комитетъ замѣнилъ наказаніе кнутомъ главнымъ пяти виновникамъ, опредѣливъ прогнать ихъ два раза сквозь строй черезъ 1.000 чел. Положеніе Комитета было утверждено. Крестьяне гродненскихъ помѣщиковъ Ю—въ за неповиновеніе приговорены были комиссіей: главные виновники къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, менѣе виновные—къ наказанію плетьми; Комитетъ положилъ замѣнить наказаніе плетьми прогнаніемъ сквозь строй чрезъ 500 человѣкъ по одному разу, что и было утверждено. Въ другой разъ комиссія приговорила 10 крестьянъ Ярославской вотчины З—ва лишить живота; губернаторъ смягчилъ приговоръ, опредѣливъ: троихъ болѣе виновныхъ наказать 30—40 ударами кнута и сослать въ Сибирь, а остальныхъ наказать плетьми и оставить въ вотчинѣ. Комитетъ не только согласился съ приговоромъ губернатора, но и

[1]) С. М. Середонинъ, «Историч. обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ», СПБ. 1902, т. II, ч. I, стр. 333—7 и 357—60.

положилъ сдѣлать строгій выговоръ членамъ комиссіи за ея приговоръ. Положеніе Комитета было утверждено. Въ 1845 г. крестьяне наслѣдниковъ Д—ва (Подольской губ.), недовольные управленіемъ иностранца Шмидта, которому была ввѣрена вотчина послѣ ночныхъ совѣщаній въ домѣ священника, не только оказали неповиновеніе, но и не позволяли работать тѣмъ крестьянамъ, которые не участвовали въ ихъ заговорѣ. Потребовалось вмѣшательство войскъ, крестьянъ въ вотчинѣ числилось 2700 душъ, и только послѣ наказанія 32 выдававшихся бунтарей населеніе успокоилось. При слѣдствіи нѣкоторые крестьяне оговаривали священника, будто онъ склонялъ ихъ домогаться установленія двухдневной барщины, но слѣдствіе обнаружило также и то, что экономія вотчины требовала съ крестьянъ работы сверхъ указанной трехдневной барщины. Комиссія военнаго суда приговорила: 1 крестьянина къ наказанію 30 ударами плетьми, клейменію и каторжнымъ работамъ на 4 года; 14 крестьянъ—къ наказанію 80 ударами розогъ и арестантскимъ ротамъ на 4 года; 29 человѣкъ—къ наказанію 50 ударами розогъ; мѣстнаго священника комиссія оставила въ сильномъ подозрѣніи, а управителя вотчины оштрафовала; одинъ членъ военно-судной комиссіи подалъ отдѣльное мнѣніе: по его мнѣнію, «возмущенія» не было ни до пріѣзда исправника, ни послѣ его прибытія; между тѣмъ 37 крестьянъ было захвачено и посажено въ тюрьму, и изъ нихъ 18 чел. умерло въ острогѣ; губернаторъ на послѣднее замѣчаніе объяснилъ, что столь значительная смертность произошла отъ того, что престарѣлые крестьяне въ изнурительномъ состояніи подверглись вдругъ перемѣнѣ воздуха и лишены были всякаго движенія. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ далъ такое заключеніе: волненіе между крестьянами было; они, внѣ сомнѣнія, обнаружили непозволительную дерзость, но, во-первыхъ, покорились власти скоро, а, во-вторыхъ, самое волненіе между ними возникло отъ того, что они терпѣли несправедливости, о которыхъ хотѣли спокойно объяснить сыну умершаго ихъ владѣльца, но послѣднему неугодно было выслушать ихъ, тогда крестьяне искали защиты у постороннихъ, поэтому участь ихъ заслуживаетъ облегченія. На основаніи такого заключенія министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ Комитету назначить такія наказанія крестьянамъ: одного главнаго виновнаго подвергнуть 80 ударамъ розогъ и сослать на поселеніе въ Сибирь, остальныхъ, наказавъ розгами, оставить на мѣстѣ въ вотчинѣ; Комитетъ согласился съ этимъ опредѣленіемъ, положивъ еще священника, подозрѣваемаго въ соучастіи съ крестьянами, перевести на другое мѣсто. Положеніе Комитета утверждено было *Государемъ*. Помѣщикъ Симбирской губерніи Гл—въ наказалъ крестьянина розгами; наказанный бѣжалъ изъ заключенія къ отцу, у котораго и умеръ на шестой день послѣ наказанія, по увѣренію помѣщика, отъ холеры. Помѣщикъ оправдывался тѣмъ, что распоряженіе о наказаніи сдѣлано было имъ въ самомъ разстроенномъ душевномъ состояніи отъ грубости крестьянина. Три сосѣднихъ помѣщика заявили, что они ничего кромѣ хорошаго о Гл—вѣ сказать не могутъ, что онъ одинъ изъ попечительнѣйшихъ и заботливыхъ владѣль-

цевъ; собраніе предводителей и депутатовъ дворянства рѣшило: такъ какъ Гл—въ никогда жестоко со своими крестьянами не обходился, то имѣніе его, согласно закону, не можетъ быть взято въ опеку, а слѣдуетъ ему сдѣлать замѣчаніе. Губернаторъ призналъ такое опредѣленіе слабымъ въ виду того, что наказанный находился въ заключеніи цѣлую недѣлю. Сенатъ согласился съ губернаторомъ: поступокъ помѣщика, по его опредѣленію, подлежитъ уголовному суду, а начальству губерніи слѣдуетъ удостовѣриться въ положеніи крестьянъ. Опредѣленіе Сената было принято Комитетомъ и утверждено *Государемъ*. Крестьянки имѣнія Д—каго (Тамбовской губ.) убили управляющаго и изуродовали его трупъ. Не отрицая факта, крестьяне показывали, что покойный управляющій необыкновенно жестоко наказывалъ ихъ, особенно женщинъ; слѣдствіе подтвердило показаніе крестьянъ; оказалось, что крестьяне и раньше жаловались и обращались съ просьбами о защитѣ, но за это были наказываемы: управляющій не отпускалъ ихъ даже къ исповѣди безъ того, чтобы отлучающіеся не представили вмѣсто себя другого работника. Сенатъ, постановивъ приговоръ, опредѣлилъ ходатайствовать о смягченіи участи преступницъ; Комитетъ положилъ: зачинщицу преступленія, наказавъ плетьми, сослать на каторгу на 18 лѣтъ, девять крестьянокъ—подвергнуть наказанію плетьми и сослать на каторгу отъ 6 до 12 лѣтъ и 11 чел. наказать розгами. Кромѣ того положено было Комитетомъ, что подлежатъ строгому взысканію—уѣздный предводитель дворянства, земская полиція и помѣщикъ Д—ой, державшій такого управляющаго. *Государь* написалъ: «*исполнить, но, кромѣ первой, прочихъ приговоренныхъ къ каторгѣ отослать на поселеніе*». Одинъ псковскій помѣщикъ Н. и его жена изоблечены были въ крайне жестокомъ обращеніи съ крестьянами и отягощеніи ихъ работами. Сенатъ при разборѣ дѣла потребовалъ отзыва отъ предводителя дворянства, но тотъ отозвался, что онъ не получалъ ни отъ кого жалобъ на этого помѣщика; Комитетъ положилъ: сдѣлать предводителю выговоръ, а помѣщика и жену его предать суду. Резолюція: «*справедливо, а ихъ судить арестованными*».

Крестьяне отставного ротмистра П—скаго принесли жалобу на владѣльца въ томъ, что онъ будто бы неправильно владѣетъ ими, такъ какъ онъ вовсе не племянникъ покойной ихъ владѣлицы Самариной, а сынъ кучера Дмитріева; крестьяне требовали, что они терпятъ большія притѣсненія и что крестьянинъ Никифоровъ, обнаружившій это самозванство, былъ лишенъ жизни. Потребованы были свѣдѣнія. Рязанскій губернаторъ Кожинъ отвѣчалъ, что онъ не могъ узнать ничего, что подтверждало бы жалобу крестьянъ; мѣстный жандармскій штабъ-офицеръ, напротивъ того, донесъ, что ходятъ слухи, будто крестьянинъ Никифоровъ долго содержался подъ арестомъ на скотномъ дворѣ и тамъ былъ отравленъ дворовымъ человѣкомъ Петровымъ и его женою. Тогда губернаторъ назначилъ формальное слѣдствіе, командировавъ въ вотчину чиновниковъ; крестьяне заволновались и отказали владѣльцу въ повиновеніи. Слѣдствіе обнаружило, что П—скій владѣетъ крестьянами не по праву наслѣдства, а по купчимъ 1840

и 1841 гг., что до сихъ поръ имъ были довольны всѣ крестьяне, что смерть Никифорова отъ яда вовсе не подтверждается, хотя Никифоровъ и долго содержался на скотномъ дворѣ подъ арестомъ, но посаженъ онъ былъ еще покойною владѣлицею Самариною за побѣгъ. О личности П—скаго слѣдствіе обнаружило слѣдующее: онъ былъ воспитанъ въ домѣ помѣщика Самарина, какъ сынъ дворянина П—скаго, поступилъ потомъ на военную службу въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ, и въ 1829 г. за болѣзнью уволенъ въ отставку, при чемъ прописанъ: «изъ орловскихъ дворянъ», но въ родословныхъ книгахъ губерніи Ипполитъ П—скій не значится. По свѣдѣніямъ отъ духовнаго начальства открылось только то, что у Дмитріева, дворовaго человѣка помѣщика Самарина, записанъ сынъ Ипполитъ. Волненіе крестьянъ продолжалось и даже замѣтны были опасные признаки въ окружающихъ вотчинахъ; поэтому управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предложилъ прекратить всякія разслѣдованія, такъ какъ П—скій имѣетъ полное право на владѣніе крестьянами и слѣдовательно розысканія не должны имѣть мѣста. Комитетъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Государь сначала приказалъ дѣло «*представить особо*», а потомъ министру государственныхъ имуществъ повелѣно было поступить съ имѣніемъ П—скаго, какъ въ 1845 году поступлено было съ имѣніемъ подполковника Татищева, купленнымъ двумя братьями Чулковыми. Случай этотъ былъ слѣдующій:

Дѣти Чулкова, дворовaго человѣка Татищева, получили дворянство и купили впослѣдствіи имѣніе Татищева, гдѣ нѣкогда отецъ ихъ былъ дворовымъ, и поселились въ немъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Крестьяне, опасаясь, какъ бы этотъ самый Чулковъ не сталъ ихъ фактическимъ владѣльцемъ, жаловались, и Государь рѣшилъ дѣло такъ: *Чулкова отца выслать изъ имѣнія, кое взять въ опеку, запретивъ и дворянамъ Чулковымъ жить впредь до рѣшенія дѣла. Все сіе, а равно и записку о дѣлѣ передать въ Комитетъ Министровъ съ тѣмъ, чтобы имѣніе сіе было немедленно оцѣнено и пріобрѣтено въ казну, о чемъ заготовить указъ.*

Во избѣжаніе огласки имѣніе Чулковыхъ было куплено на имя т. с. Небольсина.

Двое дворовыхъ, Григорій Антоновъ и Аѳанасій Дементьевъ, двоюродные братья, крѣпостные помѣщика Могилевской губерніи Л—скаго, убили въ одинъ день, но въ разныхъ мѣстахъ шесть и ранили восьмерыхъ человѣкъ дворянскаго сословія. По полученіи объ этомъ извѣстія въ Петербургѣ, государь приказалъ: «*послать немедленно фл.-ад. Баранова наистрожайше все дѣло изслѣдовать, непремѣнно убійцъ отыскать и по поимкѣ учредить въ имѣніи военный судъ какъ надъ ними, такъ и ихъ участниками и людьми, не препятствовавшими убійствамъ; судъ же кончить въ возможной скорости*». Скоро преступники были пойманы; они показали слѣдующее: 19 января 1846 г. нѣкоторые изъ дворовыхъ людей помѣщики Л—скаго ночью самовольно отлучились для гулянья и вернулись домой 20-го на разсвѣтѣ, за что одинъ изъ нихъ Ивка Янишевъ былъ наказанъ 20-ю

розгами; услыхавъ его крики, оба преступника сбѣгали за ножами и начали свою кровавую расправу въ имѣніи, убивъ нѣсколько родственниковъ помѣщика; самого помѣщика имъ убить не удалось; затѣмъ они захватили въ конюшнѣ двухъ лошадей и поскакали къ сосѣднему помѣщику П-му; не доѣзжая, привязали лошадей, вызвали господина чрезъ его лакея, и одинъ изъ преступниковъ, цѣлуя руку П—скаго, ранилъ его ножемъ въ животъ; на крикъ выбѣжала жена П—скаго,—несчастная подверглась той же участи; убійцы ворвались въ домъ, ранили гувернантку, которая стала было давать преступнику деньги, но они, со словами: «не нужны намъ твои деньги», вышли на дворъ, сѣли на лошадей, и, сказавъ людямъ П—скаго, чтобы не спасали своего господина, ибо участь эта предстоитъ не однимъ ихъ господамъ, но всѣмъ помѣщикамъ губерніи, что крестьяне за это отвѣчать не будутъ, а что, напротивъ, сзади ихъ скачутъ жандармы для провѣрки ихъ дѣйствій, бѣжали; изъ шести стоявшихъ дворовыхъ только одинъ сдѣлалъ попытку задержать убійцъ, но неудачно. Имъ удалось ранить смертельно и третьяго помѣщика К—скаго и его жену; бывшіе здѣсь дворовые пытались было ихъ схватить, но опять неудачно. Послѣ всѣхъ этихъ убійствъ братья вернулись домой, заѣхали къ мельнику, перемѣнили платье и скрылись, но не надолго, и 27 января были пойманы. По отзыву сосѣднихъ помѣщиковъ, управленіе во всѣхъ трехъ имѣніяхъ было хорошее, особенно у Л—скаго, которому принадлежали преступники и гдѣ они начали убійства. Сами убійцы—незаконнорожденные, болѣе работали на себя, чѣмъ на господина, имѣли нѣкоторое состояніе, первый братъ умѣлъ читать, а второй—читать и писать и по-русски и по-польски; оба домогались и прежде свободы, разглашая слухи объ освободительныхъ указахъ и инвентаряхъ, оба грозили и прежде бунтомъ. Преступники показали, что они совершили преступленіе безъ уговора, въ изступленіи; они схватили ножи, чтобы не допустить себя до тѣлеснаго наказанія. Комиссія военнаго суда приговорила обоихъ убійцъ прогнать сквозь строй чрезъ тысячу человѣкъ шесть разъ и затѣмъ отправить на каторгу; двоюроднаго брата ихъ чрезъ тысячу же два раза и заключить навсегда въ арестантскія роты; троихъ, обвиненныхъ въ соучастіи,—чрезъ тысячу по одному разу и заключить въ арестантскія роты на 4 года, а затѣмъ сослать въ Сибирь на поселеніе; слѣдующую категорію обвиненныхъ наказать 100—300 ударами розогъ и оставить на мѣстѣ жительства; одну дворянку, которая слышала разговоры о бунтѣ и не донесла о нихъ, комиссія присудила подвергнуть тюремному заключенію на два мѣсяца. Губернаторъ секретно донесъ Бѣлорусскому генералъ-губернатору слѣдующее: совершенное преступленіе служитъ предметомъ разнородныхъ нелѣпыхъ толковъ, которые всѣ сводятся на одну тему—ниспроверженіе помѣщичьей власти, и потому, чтобы положить предѣлъ безсмысленнымъ и крайне вреднымъ розсказнямъ дворовыхъ людей и крестьянъ и успокоить объятыхъ страхомъ помѣщиковъ, онъ, губернаторъ, предлагаетъ наказать убійцъ шпицрутенами безъ отдыха 9 тысячъ разъ; въ секретномъ донесеніи генералъ-губернатору губернаторъ по-

лагалъ еще: по наказаніи преступниковъ вывѣсить трупы ихъ на мѣстахъ преступленія и предписать, чтобы на мѣстѣ наказанія было по крайней мѣрѣ по двое крестьянъ изъ тѣхъ имѣній, гдѣ крестьяне были замѣчены въ неповиновеніи. Генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ, находя, что совершенныя преступленія выходятъ изъ круга обыкновенныхъ дѣлъ, такъ какъ преступники не только отыскивали личную свободу, но и стремились ниспровергнуть помѣщичью власть, предлагалъ: исполнивъ надъ преступниками обрядъ приготовленія къ смерти, наказывать шпицрутенами до 9 тысячъ разъ и усилить наказаніе другимъ осужденнымъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ Комитетѣ объяснилъ, что есть секретное Высочайшее повелѣніе, которымъ запрещено давать болѣе 3 тысячъ вмѣсто опредѣленныхъ въ законѣ 6 т. разъ шпицрутеновъ, но въ данномъ случаѣ примѣненіе негласнаго повелѣнія имѣло бы значеніе облегченія участи преступниковъ, чего они вовсе не заслуживаютъ; кромѣ того въ 1845 г. утверждено было положеніе Комитета, которымъ наказаны были убійцы купца Е. 6 тысячами шпицрутеновъ и такое же наказаніе положено всѣмъ умышленнымъ поджигателямъ; наказывать «*безъ отдыха*» нельзя, потому что дозволяется давать за разъ не болѣе того числа ударовъ, сколько можетъ выдержать наказуемый, а затѣмъ слѣдуетъ ожидать его выздоровленія. Принятіе предложенія гражданскаго губернатора можетъ принести скорѣе вредъ, чѣмъ пользу; въ общемъ изъ дѣла видно, что преступники дѣйствовали въ порывѣ внезапнаго ожесточенія и ярости, а не по уговору, хотя, конечно, нельзя отрицать явной ненависти ихъ къ помѣщичьей власти. На этихъ основаніяхъ гр. Перовскій предлагалъ: 1) убійцъ подвергнуть наказанію, согласно приговору комиссіи; 2) двоюроднаго ихъ брата Якимова наказать 100 ударами розогъ и сослать въ арестантскія роты на 6 лѣтъ; 3) крестьянъ и дворовыхъ, виновныхъ въ незадержаніи убійцъ, наказать 50—100 ударами розогъ и оставить въ имѣніяхъ; 4) этому наказанію не подвергать слабоумныхъ и дряхлыхъ изъ нихъ, вмѣнивъ имъ въ наказаніе содержаніе подъ стражей, и, наконецъ, не запрещать владѣльцамъ всѣхъ этихъ крестьянъ и дворовыхъ, если они не желаютъ имѣть ихъ у себя, отдать ихъ въ солдаты или сослать на поселеніе. Комитетъ Министровъ согласился вполнѣ съ заключеніемъ гр. Перовскаго; мнѣніе Комитета было утверждено *Государемъ*.

Въ Витебской губерніи тоже происходили весьма значительные безпорядки; для изслѣдованія причинъ безпорядковъ командированъ былъ туда фл.-ад. Опочининъ. Свидѣтельствуя о водвореніи спокойствія и о томъ, что крестьяне уже просили прощенія, Опочининъ прибавилъ, что, по его наблюденіямъ, крестьяне больше сожалѣютъ о своей необдуманности, съ которой они распродали скотъ свой и разстроили свои хозяйства, чѣмъ раскаиваются въ своей непокорности. Не только въ волновавшихся уѣздахъ, но и сосѣднихъ съ ними умы все еще въ броженіи, а мысли о свободѣ посѣяны вездѣ; народная толпа перетолковываетъ въ этомъ смыслѣ каждую правительственную мѣру, даже каждое дѣйствіе частныхъ лицъ; только одно продол-

жительное пребываніе войскъ можетъ, и то только на время, предупредить безпорядки. Нравственность крестьянъ, по мнѣнію Опочинина, совсѣмъ упала, главнымъ образомъ вслѣдствіе корчемства; помѣщики на опытѣ удостовѣрились въ ненависти къ нимъ иноплеменныхъ и иновѣрныхъ имъ крестьянъ и начинаютъ убѣждаться въ необходимости коренного измѣненія въ крѣпостномъ правѣ; но мнѣніе сіе, замѣчаетъ Опочининъ, принимается не единогласно; нѣкоторые изъ владѣльцевъ безвозвратно разорены и въ 1848 г. принуждены будутъ кормить крестьянъ, для чего у нихъ нѣтъ никакихъ средствъ; они не смѣютъ и не могутъ даже разсчитывать на монаршее милосердіе, столь облагодѣтельствовавшее ихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ; графъ Віельгорскій, напр., былъ бы готовъ отдать правительству свое имѣніе, но такое «отчаянное» желаніе не можетъ быть исполнено, ибо было бы опаснымъ осуществленіемъ крестьянскихъ надеждъ. Генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ по поводу этого донесенія представилъ свои объясненія нѣсколько болѣе успокоительнаго характера; броженіе крестьянскихъ умовъ нѣсколько успокоилось, но волненіе еще есть, и въ умахъ мысль о свободѣ держится крѣпко, хотя присутствіе войскъ оказываетъ свое вліяніе: вредное вліяніе, которое корчемство оказываетъ на нравственность крестьянъ, будетъ уничтожено послѣ введенія акцизной системы продажи питей, что уже предположено сдѣлать; иновѣрность и иноплеменность помѣщиковъ и крестьянъ дѣйствительно раздѣляютъ оба сословія, и первые мало обращаютъ вниманія на положеніе послѣднихъ, относятся къ нимъ строго, иногда жестоко, но введеніе инвентарей и предоставленіе министерству государственныхъ имуществъ права покупать неисправныя имѣнія можетъ улучшить положеніе крестьянъ.

IV.

Бунтъ удѣльныхъ крестьянъ [1]) (1838 г.).

Возвращаясь изъ Саратова въ Симбирскъ, я поѣхалъ по берегу Волги; это было въ концѣ Вербной недѣли. Проѣзжая Сызранскій уѣздъ, узнаю—бывшіе казенные, теперь удѣльные крестьяне бунтуютъ; по разсказамъ, уже тысячъ до восьми не повинуются. Такіе бунты развиваются, какъ пожаръ. Я къ губернатору *Хомутову*, оказалось, что онъ ничего не знаетъ. Я предложилъ и торопилъ Хомутова, чтобы онъ обдѣлалъ дѣло на Страстной, пока народъ весь трезвъ. *Хомутовъ* упросилъ меня ѣхать съ собою. Съ нимъ отправился правитель его канцеляріи, *Раевъ*.

Пріѣхали въ главную бунтующую деревню, названія не помню. Народу очень много. Ловкій мой жандармъ, чрезъ какого-то родню, отставного солдата, узналъ, что главный бунтовщикъ Ѳедька, и указалъ мнѣ его. Мужиченко небольшой, плотный, лѣтъ 35-ти, въ синемъ кафтанѣ, красный

---

[1]) Изъ воспоминаній Стогова, *Рус. Стар.*, 1878, декабрь.

кушакъ, сапоги съ напускомъ и новая шапка изъ мерлушекъ. Стоитъ козыремъ, около него кучка народа.

Рано утромъ, черезъ сотскихъ, я приказалъ собраться крестьянамъ, что имъ будетъ читать законъ губернаторъ. Послушались, собрались и стали въ родѣ фронта. Я сказалъ губернатору, что, проходя по ряду, противъ главнаго коновода Ѳедьки я кашляну, но совѣтую не трогать: при массѣ и бранить не должно, а всякое дѣйствіе опасно. Проходя—Ѳедька стоялъ въ срединѣ ряда—я только кашлянулъ, какъ губернаторъ остановился, вызвалъ Ѳедьку и молодцомъ крикнулъ:

«Кнутьевъ! Вотъ я покажу тебѣ какъ бунтовать! Раздѣть его!»

Только тронулись за Ѳедьку, какъ вся масса гаркнула и бросилась выручать Ѳедьку. Мой храбрый губернаторъ—бѣжать, *Раевъ* за нимъ. Толпа съ крикомъ гналась за ними и губернатора съ правителемъ выгнали за околицу. Я остался на мѣстѣ: крикъ, шумъ, я только указываю, чтобы не дотрогивались до меня, никто не дотронулся; напираютъ задніе, около меня падаютъ, смотрятъ на меня добро и смѣются. Разошлась толпа, я нашелъ губернатора въ постелѣ, боленъ, кровавая дизентерія.

Вижу, дѣло очень плохо; послалъ за солдатами съ боевыми патронами и приказалъ явиться 12-ти жандармамъ безъ коней. Цѣлую ночь придумывалъ, какую бы штуку выкинуть, а безъ штуки нельзя, потому что силы нѣтъ. У татаръ вывезли меня богатые торговцы, а тутъ нѣтъ богатыхъ и нѣтъ трехъ—четырехъ женъ у нихъ. Проклятые русопетки, преупорные и озлобленные, а что еще хуже, раскуражились побѣдою надъ губернаторомъ. На всякій случай приказалъ исправнику собрать [поболѣе понятыхъ и отставныхъ.

Противъ церкви стояли отдѣльно пять домовъ, по обыкновенію, рядомъ съ крытыми дворами, внутри разгороженными плетнемъ, плетни выломать и образовался одинъ крытый дворъ изъ пяти. Понятыхъ спрятать ночью во дворѣ. Заготовить веревокъ и розогъ.

Рано утромъ пріѣхали команды. Спиною къ домамъ, въ одну шеренгу, выстроилъ 40 солдатъ, между церковью и солдатами собралъ бунтовщиковъ, сказалъ имъ убѣдительную рѣчь и спросилъ: повинуются ли? Въ одинъ голосъ: нѣтъ, не повинуемся!—«Вы знаете, ребята, по закону я долженъ стрѣлять».—Стрѣляй, батюшка, пуля виноватаго найдетъ, кому что Богъ назначилъ.—«Слушайте, братцы»,—я снялъ шляпу и съ чувствомъ перекрестился на церковь,—«я такой же православный, какъ и вы, стрѣлять никогда не поздно, мы всѣ подъ Богомъ; можетъ, найдется невиновный, то, убивши его, дамъ строгій отвѣтъ Богу, пожалѣйте и меня, чтобы не было ошибки, я каждаго спрошу и кто не покорится, тотъ самъ будетъ виноватъ». Обратился къ первому:

— «Повинуешься ты закону?»

— Нѣтъ, не повинуюсь.

— «Законъ далъ государь, такъ ты не повинуешься и государю?»

— Нѣтъ, не повинуюсь.

— «Государь—помазанникъ Божій, такъ ты противишься Богу?»

— Супротивляюсь.

Крестьянина передалъ жандарму, съ словами: «ну, такъ ты не пеняй на меня!» Жандармъ передалъ другому; жандармы были разставлены такъ, что послѣдній передавалъ во дворъ, тамъ зажимали мужику ротъ, набивали паклей, кушакомъ вязали руки, а ноги веревкою и клали на землю.

Я имѣлъ терпѣніе каждому мужику сдѣлать одни и тѣ же вопросы, и отъ каждаго получилъ одинаковые отвѣты, и каждаго передалъ жандармамъ, и каждаго во дворѣ вязали и клали. Процедура эта продолжалась почти до вечеренъ. Послѣдніе десятка полтора мордвы и русскихъ покорились, ихъ отпустилъ домой. Ночь не спалъ, не пилъ, не ѣлъ, сильно усталъ, но въ такихъ дѣлахъ успѣхъ зависитъ отъ быстроты.

Пришелъ во дворъ, всѣ дворы устланы связанными бунтовщиками. «Розогъ! давайте перваго». Выводятъ старика лѣтъ 70-ти.—«Повинуешься?»—Нѣтъ!—«Сѣките его». Старикъ поднялъ голову и проситъ: батюшка, вели поскорѣй забить. Непріятно, да дѣлать нечего, первому прощать нельзя, можно погубить все дѣло. Наконецъ, старикъ умеръ, я приказалъ мертвому надѣть кандалы, одинъ за другимъ 13 человѣкъ засѣчены до смерти и на всѣхъ кандалы. 14-й вышелъ и говоритъ: я покоряюсь. «Ахъ, ты негодяй, почему ты прежде не покорился? Покорились бы и тѣ, которые мертвы,—розогъ! Дать ему 300 розогъ».

Это такъ подѣйствовало, что всѣ лежащіе заговорили: мы всѣ покоряемся, прости насъ.—«Не могу, ребята, простить, вы виноваты противъ Бога и государя»-—Да ты накажи, да помилуй.

Надобно знать русскаго человѣка: онъ тогда искренно покоренъ и спокоенъ, когда за вину наказанъ, а безъ наказанія обѣщаніе его ничего не стоитъ, онъ не тревожится, ожидаетъ, что еще съ нимъ будетъ, а въ головѣ у него—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, того и гляди, наглупитъ. Наказанный—боится быть виноватымъ вновь и успокаивается.

Приказалъ солдатамъ раздѣлиться на нѣсколько группъ и дать всѣмъ бунтовщикамъ по 100 розогъ, подъ надзоромъ исправника. Потомъ собралъ всѣхъ, составилъ нѣсколько каре и объявилъ: «я сдѣлалъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать по закону, простить ихъ можетъ только губернаторъ; онъ можетъ всѣхъ въ тюрьму, тамъ сгніете подъ судомъ».—Батюшка, будь отецъ родной, заступись; какъ Богъ, такъ и ты, перемѣни гнѣвъ на милость. Я поставилъ ихъ на колѣни, научилъ просить помилованія и дать слово, что буду ходатаемъ за нихъ, но губернаторъ очень сердитъ. Кричатъ: заступись, батюшка, выручи!

Прихожу къ губернатору, лежитъ, боленъ, не знаетъ, что я дѣлалъ. Мнѣ доложили, что засѣченные ожили, ихъ обливали водою, и я повеселѣлъ. Говорю губернатору: «пойдемте прощать».

Не вѣритъ.

— Только прошу, долѣе сердитесь, не прощайте, а простите только подъ моимъ ручательствомъ за нихъ.

Подходя къ фронту, губернатору, хотя и штатскому—«на караулъ!», барабанщикъ двѣ дроби, «здравія желаемъ вашему превосходительству!»—все для эффекта. Подходимъ къ группамъ, я снялъ шляпу и почтительно, низко кланяясь, представляю раскаявшихся. Виновные въ одинъ голосъ: помилуй, ваше превосходительство!—«Не могу, вы такъ виноваты, что васъ слѣдуетъ судить». А мужики, кланяясь въ землю, твердятъ: помилуй, ваше превосходительство, ни впредь, ни послѣ того не будетъ. А я-то униженно, безъ шляпы, кланяюсь и прошу помиловать. Губернаторъ гнѣвно сказалъ, что онъ бунтовщикамъ вѣрить не можетъ и согласится тогда, если кто за нихъ поручится.

Я обернулся къ мужикамъ: ручаться ли за нихъ?

Какъ заорутъ въ одинъ голосъ: ручайся, отецъ, небось, не выдадимъ, ручайся, батюшка.—«Ребята, смотри, чтобы мнѣ не быть въ отвѣтѣ за васъ».—Отецъ ты нашъ, вотъ-тѣ пресвятая! положимъ жизнь за тебя, ручайся!—Я поручился. Губернаторъ умилостивился, простилъ.

Я распустилъ всѣхъ по домамъ, приказалъ сотскимъ накормить солдатъ и жандармовъ. Откуда что взялось: снесли столы, зажгли лучины, явились десятками горшковъ щей, каши, кисели съ сытой, все постное, вѣроятно, было готово для мужей, но имъ не удалось поѣсть, съѣли солдаты. Въ тюрьму пошелъ только одинъ Ѳедька.

ГЛАВА VI.

Войско.

I.

Военное воспитаніе [1]).

Подъ вліяніемъ событій 14 декабря 1825 г., съ первыхъ же дней царствованія Николая Павловича, въ основаніе военнаго воспитанія были положены самая крайняя дисциплина и затѣмъ строгость, которая теперь способна привести въ ужасъ. Изъ числа нѣсколькихъ приказовъ, отданныхъ по кадетскимъ корпусамъ въ то время, когда поэтъ говорилъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Глядимъ впередъ мы безъ боязни...

приведу для примѣра только два. Несмотря на грубость поступковъ провинившихся воспитанниковъ дворянскаго полка, опредѣленныя имъ наказанія не могутъ не казаться жестокими. Вотъ эти приказы.

23 сентября 1826 года.

---

[1]) «Воспоминанія московскаго кадета, 1833—1834», *Рус. Арх.* 1880, т. I, стр. 466—9.

«Въ полученномъ сего числа отъ главнаго директора пажескаго и кадетскихъ корпусовъ приказѣ за № 19 значится: «Военный министръ г. генералъ отъ инфантеріи графъ Татищевъ отношеніями отъ 15 сего сентября за № 6966 и 6971 увѣдомилъ меня для надлежащаго исполненія, что Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: 1) дворянскаго полка дворянина Николая К—ва за сдѣланныя имъ противъ ротнаго командира своего штабсъ-капитана Жукова ослушаніе и дерзкій поступокъ, наказавъ передъ дворянскимъ полкомъ розгами, выписать, въ примѣръ другимъ, рядовымъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ съ выслугою, и 2) дворянскаго же полка дворянина Льва И—ва, ударившаго учителя французскаго языка Б—ва въ присутствіи всего класса по щекѣ, наказать передъ 2 кадетскимъ корпусомъ и дворянскимъ полкомъ розгами, давъ 200 ударовъ и потомъ выписать, въ примѣръ другимъ, въ 46 егерскій полкъ рядовымъ».

«Таковую Монаршую волю предписывается привести въ надлежащее исполненіе и предлагается: по учиненіи означеннымъ дворянамъ К. и И. повелѣннаго наказанія, исключить ихъ изъ списковъ и надлежащими свѣдѣніями установленнымъ порядкомъ отправить: перваго въ городъ Тавастгусъ къ начальнику 23 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Теглеву для опредѣленія на службу въ одинъ изъ полковъ сей дивизіи, а послѣдняго въ г. Або къ командиру 46 егерскаго полка для опредѣленія въ оный на службу».

3 октября 1826 года.

«Г. главный директоръ пажескаго и кадетскихъ корпусовъ отъ 28 сентября сего года за № 21 изволилъ отдать слѣдующій приказъ: военный министръ г. генералъ отъ инфантеріи графъ Татищевъ отношеніемъ отъ 23 сентября за № 7176 увѣдомилъ, что Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ; дворянскаго полка дворянъ: Николая Д—ва, Григорія С—ва и Ивана Б—ки, за лѣность, нерадѣніе ихъ къ службѣ и наукамъ и ослушаніе противъ начальства, наказать передъ дворянскимъ полкомъ розгами, давъ первымъ двумъ по 100 ударовъ каждому, а послѣднему 500 ударовъ и потомъ изъ нихъ Д. и С. выписать рядовыми въ полки отдѣльнаго Финляндскаго корпуса, а Б. за убійство и дерзкій поступокъ противъ батальоннаго командира полковника Б—на, коего намѣревался онъ ударить палкою, предать военному суду *съ тѣмъ*, чтобы онъ былъ лишенъ дворянства и посланъ въ арестантскія роты въ крѣпостную работу» и проч.

Такіе приказы (а ихъ въ дѣлахъ найдется не два) давали, такъ сказать, тонъ всей системѣ воспитанія, который, къ несчастію, не одинъ годъ держался въ кадетскихъ корпусахъ. Еще въ 1831 году императоръ Николай, принимая депутацію новгородскихъ дворянъ, говорилъ имъ: «Размыслите хорошенько о воспитаніи дѣтей вашихъ; надобно измѣнить систему. Я велѣлъ выстроить въ Медвѣдѣ корпусъ, и онъ уже строится, собственно для дѣтей вашихъ; у меня не избалуются они» [1]). Только благодаря уму и

[1]) Русск. Старина 1873 г. сентябрь, стр 413.

доброму сердцу великаго князя Михаила Павловича, тонъ этотъ началъ мало-по-малу смягчаться и исподволь принимать другое направленіе.

Въ 1832 г., послѣ смерти Демидова, главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Сухозанетъ. Ничего не могло быть неудачнѣе такого выбора. Вотъ какъ характеризовалъ Сухозанета командиръ гвардейскаго корпуса кн. Васильчиковъ въ письмѣ къ товарищу и сослуживцу своему кн. П. М. Волконскому: «Вы знаете, любезный другъ, Сухозанета. Онъ талантливъ, но не можетъ заставить себя любить. Я ему долженъ отдать справедливость, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ командуетъ артиллеріей, она очень много выиграла; но я всегда въ тревожномъ ожиданіи новыхъ исторій, потому что онъ не умѣетъ требовать, не задѣвая самолюбія, и заставляетъ себя ненавидѣть. Я ему при каждомъ случаѣ читаю нравоученіе объ этомъ, и ежели онъ будетъ продолжать затѣвать исторіи, я буду принужденъ просить разстаться съ нимъ». Это было сказано въ 1821 г., когда Сухозанетъ командовалъ артиллеріей гвардейскаго корпуса. Замѣчаніе кн. Васильчикова, что онъ «не можетъ заставить себя любить», а, напротивъ, «заставляетъ себя ненавидѣть», оказалось справедливымъ и вполнѣ подтвердилось, когда ввѣрили его руководству военно-учебныя заведенія. Вотъ нѣсколько приказовъ его, судите сами.

27 апрѣля 1834 г. № 38.

«За совершенное ниспроверженіе въ 1 кадетскомъ корпусѣ правилъ службы при отпускѣ воспитанниковъ со двора, бывшее причиною постыднаго безпорядка, предписываю командира 2 мушкетерской роты капитана П* устранить отъ командованія ротою впредь до приказанія и арестовать его на трое сутокъ при корпусѣ. Бывшаго дежурнымъ по корпусу капитана С* арестовать на двое сутокъ, тоже при корпусѣ. Дежурнаго по ротѣ поручика Г*, который, по существу дѣла, оказался болѣе всѣхъ виновнымъ, предписываю содержать при корпусѣ впредь до полученія разрѣшенія Его Императорскаго Высочества на представленіе мое о переводѣ его въ армію тѣмъ же чиномъ».

«Для сдѣланія извѣстнымъ по всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ подробностей сего происшествія будетъ сдѣлано, по минованіи праздниковъ, особое распоряженіе» [1]).

8 іюня 1834 г. № 59.

«По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ по службѣ, дѣлаемымъ гг. офицерами дворянскаго полка, предписано командиру онаго г. полковнику Пущину не послаблять никому ни малѣйшаго безпорядка подъ личною его за сіе отвѣтственностію. Чѣмъ званіе виновнаго выше, тѣмъ взысканіе должно быть строже. Опаздывающихъ къ должности или на ученье приказываю тотчасъ арестовывать при полку и, впредь до отмѣны сего моего распоряженія, каждый разъ мнѣ о семъ доносить, дабы я могъ, по своему усмо-

---

[1]) Въ чемъ состояло это происшествіе, совершенно *ниспроверглвшее правила службы*—осталось неизвѣстнымъ.

трѣнію, увеличить мѣру взысканія соотвѣтственно важности званія виновнаго, при чемъ я предваряю всѣхъ и каждаго, что подобные безпорядки, непростительные офицеру военно-учебныхъ заведеній, будутъ разсматриваемы мною не какъ случайныя упущенія, но какъ примѣръ неповиновенія и нарушенія субординаціи» и проч.

Іюля 31 дня 1834 г. № 84.

«Служительской роты 1 кадетскаго корпуса рядовой Степанъ Пономарцевъ, ставши на колѣни и остановивъ меня на улицѣ, осмѣлился принести жалобу на ближайшее свое начальство. По порученію моему генералъ-маіору барону Шлиппенбаху объ изслѣдованіи сего дѣла, оказалось, что принесенная рядовымъ Пономарцевымъ жалоба была преувеличена, и что не токмо въ настоящемъ случаѣ, но и прежде сего былъ неоднократно замѣченъ въ ослушаніи противъ начальства и въ нерадѣніи къ своей должности. А по сему, за столь дерзкій и буйный поступокъ рядового Пономарцева, осмѣлившагося принести жалобу непозволительнымъ для солдата образомъ, нарушающимъ основныя правила субординаціи, предписываю полковнику Слатвинскому лишить его нашивки, а исправляющему должность дежурнаго штабъ-офицера по отряду полковнику Святлову, при собраніи всѣхъ нижнихъ чиновъ отряда, наказать рядового Пономарцева 400 ударами розогъ (т.-е. тѣмъ числомъ, которое осмѣлился онъ неправильно показать въ принесенной имъ жалобѣ). О выписаніи сего рядового изъ служительской роты 1 кадетскаго корпуса будетъ отъ меня представлено Его Императорскому Высочеству».

7 сентября 1834 г. № 99.

«Изъ представленныхъ ко мнѣ за минувшій августъ мѣсяцъ списковъ о воспитанникахъ подвѣдомственныхъ мнѣ военно-учебныхъ заведеній, подвергшихся за учиненные ими проступки взысканіямъ, замѣчено мною, что,

1) 1 кадетскаго корпуса 3 мушкетерской роты кадетъ Я**, за то, что, будучи неопрятно одѣтымъ, съ разстегнутымъ воротникомъ у куртки, встрѣтясь съ дежурнымъ офицеромъ и не изъявивъ по приказанію его готовности тотчасъ оправиться, прошелъ мимо, былъ наказанъ 15 ударами розогъ и посаженъ въ уединенную комнату на три дня.

2) 2 кадетскаго корпуса кадеты роты Его Высочества (поименованы 8 человѣкъ) и 1 мушкетерской (4 человѣка) за то, что во время перехода отъ колоніи до деревни Автовой, неохотно выходили по приказанію батальоннаго командира пѣть пѣсни, не увольнять къ родственникамъ на 10 дней.

3) Прикомандированный къ дворянскому полку московскаго кадетскаго корпуса кадетъ С., за то, что не былъ отпущенъ штабсъ-капитаномъ Петерсономъ изъ перваго батальона во второй, при выходѣ его изъ каморы, осмѣлился сказать, что онъ уйдетъ, наказанъ 50 ударами розогъ.

«Хотя поступки сихъ воспитанниковъ я и отношу къ дѣтскимъ шалостямъ, могущимъ иногда быть принятыми въ снисхожденіе по уваженію къ неумышленности и молодости, но какъ вышеозначенные три случая за-

А. И. Герценъ.

Работы ГЕ.

ключаютъ неповиновеніе подчиненнаго къ начальнику, которое всегда должно быть наказываемо строго и всегда, сколь можно, гласно, то предписываю: кадета Я. наказать еще, при собраніи корпуса, 50 ударами; кадетовъ 2 кадетскаго корпуса, во 2 пунктѣ поименованныхъ, не отпускать со двора впредь до разрѣшенія моего, или, по случаю отъѣзда моего, имѣющаго исправлять мою должность; кадета С., какъ уже назначеннаго къ выпуску въ офицеры, отставить отъ онаго до будущаго представленія. Приказъ сей прочитать во всѣхъ ротахъ воспитанникамъ подвѣдомственныхъ мнѣ военно-учебныхъ заведеній».

II.

Полковой командиръ Николаевскаго времени [1]).

Первое понятіе о дѣйствительной, фронтовой службѣ я получилъ гораздо ранѣе поступленія въ полкъ. Первое впечатлѣніе было очень непріятное. Я былъ еще ребенкомъ, когда мнѣ пришлось увидѣть на практикѣ самую грубую, безотрадную форму тѣлеснаго наказанія въ войскахъ,—такъ называемую «зубочистку»,—по мягкому, офицерскому выраженію [2]). Воспоминаніе относится къ 1844 году, то-есть къ первой годинѣ моего воспитанія въ Пажескомъ корпусѣ. Въ одно изъ воскресеній разводъ съ церемоніею предстоялъ отъ Преображенскаго полка, и нашъ крохотный, пажескій караульчикъ привели въ манежъ на репетицію развода. Лѣвый флангъ преображенцевъ стоялъ отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ, и къ этому-то лѣвому флангу, въ концѣ репетиціи, подлетѣлъ тогдашній преображенскій отецъ-командиръ, генералъ-маіоръ *Жерковъ*. Кулакъ у него былъ огромный, и дѣйствовалъ онъ этимъ кулакомъ очень оригинально: «костяшками» (т.-е. костистыми выступами основаній пальцевъ) генералъ громилъ виновнаго по спинѣ, по шеѣ или по скулѣ, а иногда костяшки проѣзжали по цѣлой шеренгѣ и разбрасывали, подобно ядру, цѣлый полувзводъ, что и дѣйствительно случилось разъ, на двѣнадцати-рядномъ ученіи.

Генералъ-маіоръ Жерковъ наглядно представляетъ отжившій, но характерный типъ полковыхъ командировъ былого времени. Начнемъ съ него, потому что этотъ типъ—образцовый.

Генералъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Жерковъ выслужился изъ кантонистовъ и, безъ всякой протекціи, дослужился до званія командира образцоваго полка. Полкъ этотъ былъ въ то время разсадникомъ учителей для всей русской арміи, конечно, *фронтовыхъ* учителей, такъ какъ, кромѣ фронта, почти ничего не требовалось. Въ образцовый полкъ назначали самыхъ крѣпкихъ, сильныхъ, здоровыхъ людей изъ всѣхъ полковъ, доводили ихъ до фронтоваго совершенства и возвращали въ полки для обученія. По-

---

[1]) «Изъ записокъ стараго преображенца» (кн. Н. К. Имеретинскаго). *Русск. Стар.* 1893, февраль.

[2]) Солдаты говорили: «зуботычина». Это проще и прямѣе.

нятно, что командиръ такого полка, получивъ Преображенскій, послѣ Мунка, живо подобралъ поводья, распущенные предшественникомъ... Но, прежде всего, нарисую портретъ. Наружность Жеркова напоминала пословицу: «не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ». Онъ былъ высокаго роста, широкоплечій, нѣсколько сутуловатый. По лицу и фигурѣ онъ воплощалъ типъ службиста тогдашней эпохи. Сѣдые волосы были зачесаны по формѣ, впередъ и нѣсколько приподняты съ одной стороны хохолкомъ. Лицо широкое, скуластое; сѣрые глаза и густыя брови, почти черныя, безъ сѣдины, характерно его оттѣняли. Прибавьте къ этому два пучка подбритыхъ и нафабренныхъ усовъ и бакенбарды, тоже подбритыя по формѣ, то-есть въ уровень съ усами. Вотъ—Жерковъ! Впрочемъ, общее выраженіе лица его было симпатично. Въ немъ проглядывала добрая, широкая, истинно русская натура, которую формалистика держала въ оковахъ. Но природа вырывалась на волю, когда Жерковъ разражался громкимъ, басистымъ хохотомъ, и долго еще потомъ веселое выраженіе удерживалось въ его лицѣ, какъ будто нéхотя уступая мѣсто офиціальному. Жерковъ принялся за дѣло энергично. Солдатъ онъ началъ потчевать такими зубочистками, что они на всю жизнь сохранялись въ памяти не только получателей, но и тѣхъ, кому привелось смотрѣть на нихъ со стороны. Розогъ генералъ тоже не жалѣлъ, а по тогдашнимъ условіямъ полномочіе командира полка простиралось до права дать солдату 800 ударовъ. Если розогъ не было подъ рукою, Жерковъ нисколько не затруднялся. Мнѣ разсказывали, что, однажды, въ Славянкѣ (загородное расположеніе полка) онъ остановилъ на улицѣ роту, шедшую въ безпорядкѣ; вызвалъ фельдфебеля передъ фронтъ, и тутъ же, въ стоячемъ положеніи, велѣлъ дать ему нѣсколько десятковъ фухтелей, плашмя—тесаками. Если такъ расправлялись съ фельдфебелемъ, то что же могли ждать рядовые, и они это отлично понимали! И все-таки же, не розгами и не кулаками импонировалъ Жерковъ. Несправедливыя, безтолковыя наказанія даже и въ ту эпоху не пугали, а только ожесточали солдатъ. Но въ томъ-то и дѣло, что Жерковъ никогда не наказывалъ несправедливо или неосмотрительно. Его зоркіе, сѣрые глаза имѣли способность пронизывать и развернутый и густой строй. Никакая шеренга, никакой закоулокъ не могъ скрыть лѣнивца или разгильдяя-солдата. Жерковъ сейчасъ же распознавалъ и выкликалъ его по имени:

— Мануилъ Максакъ!.. Ты думаешь, что я тебя, бестію, не вижу?.. Виж-ж-ж-у, образина ты этакая, лѣнивая!..

Послѣднія слова гремѣли, какъ раскатъ грома; Жерковъ вкапывался въ третью шеренгу, откуда раздавался страшный для солдатъ звукъ «зубочистки». Такова была домашняя расправа; она, въ то время, производилась рѣшительно всѣми начальниками, съ весьма рѣдкими исключеніями, но, конечно, не выписывалась въ полковыхъ приказахъ. Вообще, перечитывая приказы того времени, *можно изумиться видимой умѣренности цифры штрафованныхъ*. Напримѣръ, въ полковыхъ приказахъ 1848 года, до 28 апрѣля, подписанныхъ еще Жерковымъ, встрѣчается въ теченіе цѣлаго мѣсяца не

болѣе трехъ или четырехъ случаевъ взысканій во всемъ полку. Главными, офиціальными проступками, были: самовольныя отлучки, кража, пьянство и буйство. Провинившихся въ гренадерскихъ ротахъ обыкновенно смѣщали въ фузелерныя, но въ приказѣ упоминалось только о смѣщеніи. Впрочемъ, если виновный гренадеръ, кромѣ перевода, наказывался еще розгами передъ фронтомъ, то взысканіе мотивировалось и въ приказѣ. Привожу образчикъ: «Роты Его Высочества (3-й гренадерской) рядового *Кононова*, за чрезмѣрное пьянство и намѣреніе продать съ себя новую, казенную шинель, предписываю наказать передъ батальономъ 300 ударами розогъ»...

За воровство Жерковъ охотнѣе всего *переводилъ въ армію* и въ приказахъ упоминалось только о переводѣ за дурное поведеніе, безъ дальнѣйшихъ упоминаній о взысканіяхъ и безъ всякихъ разъясненій. Наконецъ, подъ судъ нижніе чины отдавались, большею частью, за побѣги, за кражу значительныхъ суммъ и тому подобныя крупныя вины. По всему этому всякій, хотя нѣсколько знакомый съ гвардейскою службою того времени, будетъ крайне недовѣрчиво смотрѣть на умѣренность офиціальной цифры штрафованныхъ нижнихъ чиновъ. Почти безошибочно можно сказать, что 70% всѣхъ штрафовъ производились домашнимъ образомъ, и не трудно понять, почему: за каждый проступокъ рядового, дошедшій до свѣдѣнія высшаго начальства, подтягивался не одинъ виновный, но и всѣ его ближайшіе начальники. Я не говорю уже о томъ, какія бывали послѣдствія, если кто попадался самому государю. Наглядным примѣромъ можетъ служить слѣдующій, подлинный фактъ. Случилось, что императоръ Николай былъ въ Большомъ театрѣ. Шелъ какой-то балетъ, и неизвѣстный обожатель одной изъ танцовщицъ пришелъ въ такой восторгъ, что неловко брошенный имъ огромный букетъ зацѣпилъ царскую ложу. Государь разгнѣвался и тотчасъ же уѣхалъ. Проѣзжая мимо Конно-Гвардейскаго переулка, императоръ услышалъ пронзительный женскій крикъ: Караулъ!.. Разбой!.. Онъ приказалъ кучеру завернуть въ переулокъ и тамъ засталъ врасплохъ конно-гвардейскаго солдата, очень хмельного. Солдатъ билъ какую-то женщину и тащилъ у ней съ головы платокъ. Государь вышелъ изъ саней и прямо пошелъ къ мѣсту сцены, но солдатъ, увидѣвшій грозный и величественный образъ царя, шмыгнулъ въ ближайшій темный подъѣздъ и спрятался тамъ въ углу, но государь послѣдовалъ за нимъ, отыскалъ буяна, схватилъ его за погонъ, привелъ на ближайшій дворъ казармъ и крикнулъ: «дежурнаго!..»

Такъ звученъ и такъ могучъ былъ этотъ богатырскій крикъ, что не только дежурные, но и самъ командиръ полка, генералъ-маіоръ *Ланской*, выбѣжали на дворъ. Государь все еще держалъ за погонъ провинившагося солдата и, только при появленіи Ланского, оттолкнувъ его отъ себя, со словами: «вотъ тебѣ твоего полка безобразникъ! Возьми-ка, да полюбуйся на него!» Императоръ разсказалъ въ короткихъ словахъ всю исторію, сильно выговорилъ за нее Ланскому, велѣлъ разсадить всѣхъ дежурныхъ по гауптвахтамъ и уѣхалъ. Не говоря о примѣрномъ тѣлесномъ наказаніи виновнаго, его эскадронный и отдѣленный командиры отправлены подъ арестъ.

Командиру полка объявленъ строжайшій выговоръ, такъ же, какъ и бригадному, принцу Гессенъ-Дармштадскому, и даже начальнику дивизіи, генералу *Эссену*, было сдѣлано замѣчаніе.

Вотъ почему такъ сильно и единодушно было желаніе начальниковъ избѣгать офиціальной огласки. Солдаты сами предпочитали домашнюю расправу ненавистной имъ розыскной и судной системѣ, изъ-за которой, какъ они выражались: «служба пропадаетъ!» Жерковъ былъ такого же мнѣнія, и за это обожали его солдаты. Наконецъ, и какъ ни странно сказать, но къ утайкѣ преступленій побуждало отчасти желаніе пощеголять исправностью своей части въ нравственномъ отношеніи! Подтягивая солдатъ, Жерковъ также круто муштровалъ и господъ офицеровъ. Въ началѣ командованія полкомъ, его изустныя замѣчанія и выговоры были крайне жестки и грубы. Вотъ образчики: «Прапорщикъ, такой-то! Васъ каждая скотина унтеръ-офицеръ учитъ, такъ дайте же ему за это хоть цѣлковый!» Или: «Помилуйте, поручикъ, вы изъ устава и въ зубъ толкнуть не можете!.. Да приложите же руку ко лбу, когда начальникъ съ вами говоритъ!..» А то вотъ еще, въ такомъ родѣ: «Прапорщикамъ Ушакову и Молоствову—нуль за фронтъ!.. Вамъ хоть весь день толкуй, все повираете!.. Съ вами надо говорить... поѣвши!..» Какъ всѣ неразвитые люди, необузданные воспитаніемъ, Жерковъ нарывался на рѣзкую отповѣдь. Одинъ изъ офицеровъ, Б.....скій, на любимое замѣчаніе Жеркова, что унтеръ-офицеръ умнѣе его, Б.....скаго, смѣло отвѣтилъ,—«да у насъ, ваше превосходительство, всегда такъ! подчиненные несравненно умнѣе своихъ начальниковъ!» Кромѣ энергическихъ замѣчаній и внушеній, Жерковъ держалъ офицеровъ въ рукахъ болѣе ощутительными мѣрами, наряжая ихъ или «*приглашая*», какъ онъ говорилъ, на два или на три десятка лишнихъ дежурствъ. Разсказывали мнѣ, что онъ положительно выжилъ изъ полка одного изъ офицеровъ, Б..... на, именно—приглашеніемъ на 30 дежурствъ. Но офицерамъ, такъ же, какъ и солдатамъ, Жерковъ былъ страшенъ не взысканіями, а справедливостью и безпристрастіемъ. Онъ гналъ и преслѣдовалъ, безъ пощады, только такихъ офицеровъ, которые надѣвали мундиръ лишь для того, чтобы щеголять въ немъ и славиться блестящимъ положеніемъ въ обществѣ, а къ службѣ относились самымъ небрежнымъ и беззастѣнчивымъ образомъ. Да, впрочемъ, пусть засвидѣтельствуетъ офиціальный документъ о томъ, какого рода офицеровъ подтягивалъ и преслѣдовалъ Жерковъ. Въ приказѣ 25 апрѣля 1848 года было оповѣщено слѣдующее происшествіе. «Стоявшій, 23 числа сего апрѣля въ караулѣ, въ артиллерійской лабораторіи, прапорщикъ *Сухозанетъ*, въ 7 часовъ вечера, поручилъ караулъ бывшему въ ономъ за старшаго, 9-й роты унтеръ-офицеру, Трифону *Яковлеву*, самъ уѣхалъ въ Большой театръ и возвратился на свой постъ только по окончаніи спектакля. За такое отступленіе отъ порядка службы прапорщикъ Сухозанетъ арестовывается мною на гауптвахтѣ, впредь до окончанія надъ нимъ слѣдствія». Вообще, судя по приказамъ, офиціальныя взысканія дѣлались Жерковымъ преимущественно послѣ карауловъ, парадовъ и смотровъ, вообще

только въ случаяхъ, когда проступокъ получалъ такую огласку, что замять дѣло не было возможности. На домашнихъ же ученьяхъ исключительно преобладала патріархальная расправа, а на нее командиръ полка былъ великій мастеръ. Офицеры совершенно вѣрно говаривали, что на ученьѣ Жерковъ былъ умѣренъ *лишь до перваго пота*. Но какъ только его вгоняло въ испарину, онъ ожесточался, начиналъ колотить солдатъ и грубо кричалъ офицерамъ: «господъ прошу ногу держать!.. Равняться въ заслонку!.. [1]). Подпоручикъ Н.....въ!.. Куда вы смотрите?.. Воронъ считаете! Идите въ затылокъ!.. Прапорщикъ Т.....кій!.. перемѣните ногу... вѣдь вы во фронтѣ ходите, а не по Невскому шляетесь!..» И прочее,—все въ томъ же родѣ. Комплименты Жеркова были такъ же своеобразны, какъ и его распеканія. Одинъ разъ онъ сказалъ *Веловзору*, послѣ церемоніальнаго марша: «фу, какимъ вы *ананасомъ прокатили*!..»

...Въ концѣ концовъ могу повторить, что генералъ Жерковъ блистательно оправдалъ выборъ государя, не потому только, что поставилъ полкъ первымъ номеромъ по фронту, даже не потому, что онъ, при всемъ томъ, сберегъ и здоровье солдатъ, но, главное, потому, что превратить распущенный полкъ въ образцовый было чрезвычайно трудно, такъ какъ непрактичныя, неудобоисполнимыя условія тогдашняго фронтоваго обученія были одинаково тягостными для учителей и для учащихся. Солдатъ держалъ ружье не въ правой рукѣ и не наклонно, какъ теперь, а, напротивъ—отвѣсно и прямо въ лѣвой рукѣ, такъ что стволъ и штыкъ торчали вверхъ, перпендикулярно плечамъ. Извѣстно, что почти у каждаго человѣка лѣвая рука гораздо слабѣе правой. Поэтому у солдата, поднимавшаго, при тихомъ шагѣ, ногу на поларшина отъ земли, вся лѣвая сторона лишалась точки опоры, такъ что онъ инстинктивно кривился направо, чтобы не лишиться равновѣсія; когда же лѣвая нога вновь опускалась на землю, солдатъ опять-таки невольно прислонялся къ ружью и выгибалъ лѣвый бокъ вогнутою линіею. Такія искривленныя фигуры начальство называло «кренделями» и приказывало ихъ выправлять до отвѣснаго положенія. Но стойка—это вѣдь только начало премудрости. Надлежало обучить каждаго рядового ружейнымъ пріемамъ, а ихъ было 48; каждый пріемъ дробился на нѣсколько темповъ, а темпы—на подраздѣленія. Кромѣ того, слѣдовало обучить маршировкѣ тихимъ, скорымъ, вольнымъ и бѣглымъ шагомъ,—и это все еще не бѣда! Настоящая муштра начиналась съ того дня, когда приходила пора сводить и прямолинейныхъ, и «кренделей» въ ротный, батальонный и полковой строй. Тутъ уже задача усложнялась до крайности: надо было добиться, чтобы каждый солдатъ металъ ружьемъ и маршировалъ, какъ всѣ остальные, и, наоборотъ, чтобы вся масса манипулировала и двигалась, какъ одинъ человѣкъ! Между тѣмъ, въ полутемномъ манежѣ, а особенно на плацу, при

---

[1]) По всѣмъ четыремъ угламъ Михайловскаго манежа стоятъ желѣзныя печи. На домашнихъ репетиціяхъ развода, при маршѣ рядами, держали линію такъ, что передній офицеръ щелъ на заслонку печи, а остальные равнялись въ затылокъ.

солнечномъ освѣщеніи, правильность ружейныхъ пріемовъ, при большомъ протяженіи фронта, контролировать было неимовѣрно трудно. Несогласіе или неправильность темповъ выражались развѣ неровными переливами свѣта и тѣни отъ штыковъ и стволовъ или же шероховатымъ, нескладнымъ дребежжаніемъ шомполовъ и ружейныхъ ложъ. Да и недостаточно было подмѣтить неправильность, слѣдовало еще понять ея причины, то-есть — происходитъ ли она отъ невниманія, или же отъ неумѣлости и лишней суеты?

Вотъ тутъ-то преображенскій отецъ-командиръ являлся мастеромъ своего дѣла. Ястребиный глазъ Жеркова быстро подмѣчалъ подобныя явленія и, въ тотъ же мигъ, разпознавалъ ихъ причину. Онъ голосилъ громовымъ басомъ «от-ста-вить»!.. и сейчасъ же принимался читать мораль: «Седьмой взводъ, протоканальи!.. Спячка на васъ напала?.. Ну, смотри, какъ бы я васъ не разбудилъ!.. А во второмъ взводѣ горячку порятъ?.. Вѣдь сказано: выдерживай!.. Да что я, сто разъ вамъ буду повторять, что ли?!» Онъ даже не оставлялъ въ покоѣ замыкающихъ унтеръ-офицеровъ, то есть людей, запрятанныхъ за тремя шеренгами, у самой стѣны манежа. Жерковъ все видѣлъ и кричалъ: «Караськовъ! Караськовъ!.. Ты воображаешь, что я не вижу, какъ ты тамъ ружьемъ помахиваешь? Ну, помахай, помахай... Я-те галуны-то смахну!..»

Такая проницательность наводила страхъ и, когда командиръ полка повторялъ пріемъ, лѣнивенькіе подбирались, горяченькіе умѣряли свой пылъ, и тысяча ружей взлетали и сверкали вверхъ и внизъ, какъ одно ружье! Ученье становилось еще серьезнѣе, когда приходила очередь маршировкѣ развернутымъ и сомкнутымъ строемъ. Жерковъ понималъ, что это — изъ всѣхъ задачъ труднѣйшая, и становился на высоту своего положенія. Тутъ его пронималъ знаменитый «первый потъ». Онъ кипятился и гремѣлъ на весь манежъ: «Господъ прошу ногу держать!.. А унтеръ-офицерамъ—смотрѣть на господъ!.. А люди!.. внима-ні-е!..» Потомъ онъ командовалъ, колонна двигалась, но сначала движеніе не клеилось. Не только солдаты, но и господа-офицеры, съ перепуга, не сразу попадали въ тактъ; «кренделя» сбивались съ ноги и путали всю свою шеренгу, словомъ, дѣло выходило дрянь! Вотъ тогда-то, при малѣйшей затяжкѣ, колебаніи или учащеніи шага, Жерковъ неистово кричалъ: «Сто-о-о-й!» А потомъ вдругъ затихалъ и переходилъ въ разговорный тонъ, чего Боже упаси! Эти разговоры были страшнѣе крика и распеканья, потому что, въ подобныхъ случаяхъ, отецъ-командиръ велъ слѣдующій разговоръ: «Капитанъ Швенцовъ, у васъ тамъ, въ 3-мъ взводѣ, во 2-й шеренгѣ, какіе-то три подлеца все танцуютъ!» Несчастный капитанъ бѣгалъ по фронту, заглядывалъ, заглядывалъ и все-таки никакъ не могъ различить «трехъ подлецовъ». Но Жерковъ давно ихъ различилъ и спокойно говаривалъ: «Позвольте-ка, я вотъ сейчасъ до нихъ доберусь!..» Онъ втискивался въ глубину колонны и, среди мертвой тишины, слышалось, какъ командирскіе кулаки громыхали по всѣмъ по тремъ танцорамъ. Въ такія минуты душа солдатская уходила въ носки и въ пятки, зато, когда Жерковъ опять двигалъ колонну, всѣ эти носки и пятки, имъ

одушевленные, трамбовали манежъ съ такимъ изумительнымъ согласіемъ, что колонна двигалась, какъ одинъ человѣкъ! При подобномъ результатѣ Жерковъ молчалъ, а если онъ молчалъ,—значило, что дѣло шло на-ладъ, но въ этомъ случаѣ командиръ полка и не затягивалъ, а сейчасъ же кончалъ ученье.

III.

Солдатская служба [1]).

Учить и бить, бить и учить были тогда синонимами. Если говорили: поучи его хорошенько—это значило: задай ему хорошую трепку. Для ученія пускали въ ходъ кулаки, ножны, барабанныя палки и т. п. Сѣченіе розгами практиковалось сравнительно рѣже, ибо для этого требовалось болѣе времени и церемоній, тогда какъ кулакъ, барабанная палка и т. п. были всегда подъ руками. Били солдатъ прежде всего ихъ ближайшее начальство: унтеръ-офицеры и фельдфебеля, били также и офицеры. Капралы и фельдфебеля «дрались», такъ сказать, преемственно, по традиціи. Вѣдь ихъ тоже били несчетное число разъ, прежде чѣмъ они научились уму-разуму, и вотъ, когда наступила ихъ очередь учить другихъ, они практиковали надъ своими подчиненными пріемы той же суровой школы, которую прошли сами.

Большинство офицеровъ того времени тоже бывали биты дома и въ школѣ, а потому били солдатъ изъ принципа и по убѣжденію, что иначе нельзя и что того требуетъ порядокъ вещей и дисциплина.

Особенно сурово и безсердечно обращались съ своими подчиненными унтеръ-офицеры и фельдфебеля, предварительно прошедшіе курсъ ученья въ «палочной академіи», какъ тогда называли въ арміи учебные кантонистскіе батальоны.

Вдоль выстроенной во фронтъ роты проходитъ такой «академистъ-фельдфебель» и останавливается передъ молодымъ солдатомъ.

— Ты чего насупился? Сколько разъ учить васъ, что начальству слѣдуетъ весело смотрѣть въ глаза!—кричитъ фельдфебель, сопровождая слова свои увѣсистою пощечиною.

Получивъ такое внушеніе, молодой солдатъ какъ-то жалостно щуритъ глаза, но это вовсе не удовлетворяетъ грознаго учителя.

— Веселѣй смотри! Веселѣй смотри, тебѣ говорятъ, истуканъ ты этакій!—приказываетъ фельдфебель, продолжая наносить удары неумѣющему «смотрѣть весело». Поучаемый солдатикъ таращитъ глаза на свое сердитое начальство, и губы его складываются въ какую-то болѣзненную гримасу, долженствующую изображать улыбку.

Довольный своимъ «ученьемъ» фельдфебель удаляется, а старый ветеранъ, съ тремя нашивками на рукавѣ, въ утѣшеніе своему молодому товарищу и сосѣду, говоритъ:

---

[1]) «За много лѣтъ», воспоминанія неизвѣстнаго, *Рус. Стар.* 1894, іюль.

— Вотъ что значитъ, братъ, настоящая служба: бьютъ и плакать не даютъ!..

Такія сцены были тогда явленіемъ обыденнымъ въ нашихъ армейскихъ полкахъ.

Служака, скажу вамъ [1]), я былъ въ полку не послѣдній! Шагистику всю и фрунтовистику, какъ есть, поглотилъ цѣликомъ! Бывало, церемоніальнымъ маршемъ передъ начальствомъ проходишь, такъ всѣ до одной жилки въ тѣлѣ почтеніе ему выражаютъ; а о правильности темпа и шагѣ, о плавности поворота глазъ на-право, на-лѣво, о бодрости вида—и говорить нечего! Идешь это передъ ротою, точно одно туловище съ ногами впередъ идетъ, а глаза-то такъ отъ генерала и не отрываются! Самъ-то все впередъ идешь, а лицомъ-то все на него глядишь. Со стороны посмотрѣть, истинно думаю, должно было казаться, что голова на пружинѣ! Нѣтъ-нѣтъ, да лицомъ на затылокъ перевернется!

А нынче что? Ну кто нынче ухитрится ногу съ носкомъ въ прямую линію горизонтально такъ вытянуть, что носокъ такъ тебѣ и выражаетъ, что, вотъ молъ, до послѣдней капли крови готовъ за Царя и Отечество животъ положить!

А хоть служакой и былъ я хорошимъ (то-есть такимъ, что безъ хвастовства сказать, въ полку другого такого при мнѣ и не было); а какъ, бывало, подходитъ время къ инспекторскому смотру, такъ сердце не на мѣстѣ.

Оно не то, чтобы по хозяйству страшно было: вѣдь это только на бумагѣ писалось, что инспектированіе, дескать, должно удостовѣрять, что солдаты все, имъ отъ казны положенное, получаютъ; солдатъ почему знаетъ, что ему отъ казны положено? Да и не дуракъ солдатъ, чтобы сознаться, что, за недостаткомъ дровъ въ казармахъ, онъ у сосѣдей заборъ разорилъ, или что себѣ въ щи цѣлой ротой у огородника нѣсколько грядъ капусты или картофеля повыкопалъ; солдатъ всякій знаетъ, что «донощику первый кнутъ»; да и то ему вѣдомо, что грабить и съ голода не позволено. Къ тому же дѣло и начальству было не безъизвѣстное, что только съ дровъ, да съ припасовъ, да съ аммуниціи полковой командиръ доходъ и наверстаетъ; иначе и извернуться съ коммисаріатомъ было бы ему нечѣмъ.

Нѣтъ, на счетъ экономіи можно было быть совершенно покойнымъ: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! Попался, правда, разъ одинъ полковой командиръ на крагахъ;—уволили отъ полка, да ужъ больно хитрую штуку выдумалъ.

Вы, молодежь, небось нынче и не знаете, что это и за *краги* такія были? А это, видите ли, были голенища кожаныя, которыя надѣвались сверхъ брюкъ, съ застежками по бокамъ. За кожу на нихъ, да на шитье, да и

---

[1]) «Изъ очерковъ недавней старины». *Рус. Арх.*, 1871, стр. 1264—1270.

за пуговицы отпускались деньги, которыя, разумѣется, прямо отправлялись командирамъ въ карманъ; а солдатики, знай себѣ, старыя краги донашивали: ваксой натрутъ — за новыя идутъ. Только однажды инспекторскій смотръ: хвать, хвать! а на старыхъ-то крагахъ кожа до того перегорѣла, что пуговицы не держатся. Только голь хитра на выдумки: соорудили краги изъ сахарной бумаги, ваксой натерли — словно зеркало блестятъ! Такъ бы и сошло. Надобно же случиться бѣдѣ! Инспекторъ ли новый попался больно ретивый, измѣна ли какая случилась, только открылась вся штука! Командиру, разумѣется безъ огласки, велѣли выйти въ отставку, да вслѣдъ за тѣмъ (спасибо ему, доброму человѣку) и самыя краги отмѣнили. Хорошо, что отмѣнили, а то, бывало, краги застегивать — пребѣдовая комиссія.

Такъ вотъ, я говорилъ, по хозяйству инспекторскихъ смотровъ бояться было нечего: безъ слѣдствія всякому солдатскому заявленію не повѣрятъ же; а слѣдствіе зачнется тѣмъ, что заявителя-то засадятъ подъ часы, да на хлѣбъ-на-воду, да аудиторъ такъ засудитъ, что его же раба божьяго за ложный доносъ безъ выслуги запишутъ въ линейный какой-нибудь баталіонъ, а на дорогу еще всыплютъ нѣсколько сотенъ.

Страсть-то не въ этомъ, а въ *бодромъ видѣ* солдатъ, да въ пригонкѣ на нихъ аммуниціи. Бѣда это, бывало, съ ремешками, да съ репейками, да съ помпонами, да со всѣмъ инымъ прочимъ. Ну, куда за всѣмъ углядѣть! Всякая-то вещь отдѣльная — пустякъ! а за эти вотъ за самые пустяки, хорошо коли только гауптвахтой отдѣлаешься, а не то иной разъ и въ гарнизонъ угодишь.

Нашъ командиръ ужъ очень хорошо это понималъ, и меня, спасибо ему, по достоинству цѣня, многому-таки понаучилъ. Однимъ упрекнуть можно, педантъ былъ, все бывало твердитъ: «что солдату назначено, то ему и отпускай; взыскивай съ него должное, да и отпускай должное». На счетъ взысканія оно вѣрно, а на счетъ отпуска онъ ошибался: отпусти солдату, что положено, все онъ истратитъ; сколько хочешь не додай, будетъ на томъ доволенъ, отпусти лишнее — тоже ничего не оставитъ. Такая ужъ у него солдатская натура.

Да ужъ нечего говорить — чудакъ былъ командиръ! Другіе командиры только думали, какъ бы смотръ съ рукъ сбыть, а онъ, все время командованія нашимъ полкомъ, завелъ, чтобы каждый разъ передъ инспекторскимъ смотромъ *репетичка* была; смѣшно сказать, — самъ себя инспектировалъ! Жутко приходилось солдатамъ выстаивать эти репетички, да и намъ, офицерамъ, сокомъ онѣ доставались, — пожалуй, солонѣе самаго смотра приходилось, потому что на смотру инспектирующій генералъ обойдетъ ряды, иной разъ для приличія, то-есть больше для острастки, придерется къ какимъ-нибудь пустякамъ, опроситъ солдатиковъ: «Всѣмъ ли довольны?» «Всѣмъ довольны, ваше превосходительство!» «Все ли получаете?» «Все получаемъ, ваше превосходительство!» Случилось разъ — забавникъ попался инспекторъ, — спросилъ: «А сахарными пирогами командиры кормятъ?» «Кормятъ, ваше превосходительство!» — Потому что солдаты пріучены

были послѣднее генеральское слово дружно подхватывать. Пропуститъ потомъ церемоніальнымъ маршемъ пройти, да и вся недолга! Ну, разумѣется, коли на маршѣ пуговица у солдата отлетитъ, либо кутасы на киверахъ въ шеренгѣ не въ одинъ размѣръ шевелятся, либо какой помпонъ изъ общей линіи выскочитъ взадъ или впередъ, опустится ниже или поднимется выше, тогда виноватому, извѣстно, что слѣдуетъ ему назначатъ, да и отдѣленный, зачастую ротный, а иной разъ и баталіонный — гауптвахты не минуютъ. Да вѣдь это случай; ну, а за всякимъ случаемъ не угоняешься!

А ужъ на репетичкахъ случаевъ не бывало: тутъ все на чистоту открывалось. Выведутъ спозаранку назначенный на репетичку баталіонъ, соберетъ около себя командиръ всѣхъ офицеровъ, да и станетъ по одиночкѣ каждаго солдатика выкликать, да разсматривать—душу всю этимъ осмотромъ вытянетъ! Сперва оружіе осмотритъ, киверъ скинетъ и, Боже упаси, коли какая въ немъ лишняя дрянь, трубка что ли, или рожокъ съ табакомъ, запихана—не терпѣлъ онъ табаку, даже мы его за то раскольникомъ между собою прозвали; а тамъ за ранецъ примется; да ужъ въ конецъ концовъ мундиръ и брюки осматривать станетъ; да вѣдь какъ осматривалъ! пальцы между пуговицъ пропихиваетъ, между зобомъ и воротомъ суетъ, иной разъ велитъ разстегнуться, да показать, не грязна ли рубашка, и во все это время для нашей науки причитываетъ, что солдатъ долженъ заботиться о чистотѣ, что царемъ данное оружіе лелѣять слѣдуетъ, что военному человѣку отнюдь ненужно приставать къ такимъ привычкамъ, которымъ на походѣ удовлетворять нельзя, что онъ долженъ пріучаться и къ холоду, и къ голоду, и къ лишеніямъ, и къ терпѣнію; и все это приговариваетъ, не торопясь, тихо, съ разстановками.

А мы-то стоимъ, бывало, около него, да слушаемъ, да не дождемся: скоро ли кончитъ онъ вычитывать свои рацеи, да насъ портняжному искусству научать, да отпуститъ насъ водочки выпить и, чѣмъ Богъ послалъ, закусить.

Впрочемъ, намъ-то еще съ полгоря; а жалко, бывало, солдатиковъ. Еще хорошо, коли скомандуетъ: «ружья *къ ноги*!» «стоять *вольно*»; но иной разъ забудетъ что ли, а не то, пожалуй, и не безъ умысла, начнетъ онъ свой осмотръ послѣ команды «*на плечо*», да не скомандуетъ: «*къ ноги*»; такъ и выстаивай — сердечные солдатики — неподвижно, вытянувшись въ струнку, съ ружьями подъ прикладъ, часа два, не то три, а забывшись и больше, пока не отпустятъ наши души на покаяніе!

Вѣкъ буду жить, а въ вѣкъ не забуду, что на одной такой репетичкѣ смотра случилось. Скомандовалъ командиръ «*къ ноги*», да и началъ осмотръ: смотритъ часъ, смотритъ другой, вдругъ слышитъ (а командиръ страшно на ухо чутокъ былъ) въ задней шеренгѣ вздохнулъ солдатикъ очень глубоко, да вполголоса, должно быть въ забытьѣ, проговорилъ очень жалобно: «охъ! охъ! охъ!» Повернулся командиръ: «Кто тамъ вздохнулъ?—говоритъ,—выходи!» Вышелъ солдатикъ: «Что? спрашиваетъ тихимъ голосомъ, усталъ, братецъ?» А тотъ съ дуру-то и брякнулъ: «Виноватъ, ваше превосходитель-

ство,—усталъ!» «Отчего же ты, возразилъ командиръ, усталъ? А я, говоритъ, твой полковой командиръ, да и всѣ эти (на насъ показываетъ) господа офицеры, [твои командиры, не устали? Ты, говоритъ, въ полной формѣ, и мы также въ полной формѣ, да и я да и они всѣ въ полной формѣ (про ружье да про ранецъ не упомянулъ). Вѣдь и наше, говоритъ, дѣло не легкое: ты, вотъ, за себя одного отвѣчаешь, а мы за васъ, за всѣхъ, передъ Царемъ да передъ Отечествомъ отвѣчаемъ. Ты, говоритъ, знаешь ли долгъ свой? Отвѣчай—знаешь ли?» Ну гдѣ же солдату отвѣчать?—Извѣстное дѣло отвѣчаетъ: «Виноватъ, ваше превосходительство!» «Я знаю, что виноватъ; но въ чемъ виноватъ? Вотъ я тебѣ растолкую, въ чемъ ты виноватъ»... и пошелъ толковать ему (понимается больше намъ, офицерамъ, въ урокъ), что долгъ воина — повиновеніе, лишеніе, терпѣніе и все въ этомъ. Кончилось, разумѣется наказаніемъ; да наказаніе-то ужъ больно, видно, жестоко было; какъ наказали солдатика, такъ въ лазаретъ полковой снесли; полежалъ онъ тамъ много времени ничкомъ и какъ его ни лечили, а пришлось за неспособностью изъ службы выписать. Ходилъ у насъ въ полку слухъ, что командиръ самъ не разъ къ нему въ лазаретъ захаживалъ, а какъ на родину отпустили, такъ и пенсію ему по самую смерть опредѣлилъ. Кто тому вѣрилъ, кто не вѣрилъ, а иные говорили, что высшее начальство съ тѣмъ уговоромъ только командиру и взысканія никакого за наказаніе не сдѣлало. Да кто его знаетъ, онъ и самъ такой чудной былъ: можетъ-быть, просто отъ себя наградилъ за то, что солдатикъ не могъ больше службу продолжать. А, впрочемъ, и то — правду надобно сказать — солдатикъ-то самъ по себѣ ледащій былъ!

Съ тѣхъ поръ въ нашемъ полку никакого баловства въ строю больше не было: хоть сутки простоитъ солдатъ съ ружьемъ, подъ прикладъ ли, къ ногѣ ли, а ужъ не охнетъ! Да что и говорить—не случись турецкой кампаніи и оставайся бы у насъ прежній командиръ, первымъ бы въ войскѣ полкомъ по выправкѣ былъ. Ну, а объ войнѣ, извѣстное дѣло, тѣмъ, кто умнѣе меня, сказано, что «война солдатъ портитъ».

VI.

Интендантство [1]).

Едва ли какая кампанія представляетъ примѣры такой безурядицы въ продовольствіи арміи, какою отличалась Крымская кампанія. Баснословныя суммы отпускались въ войска, преимущественно на фуражное довольствіе лошадей, а между тѣмъ на глазахъ у всѣхъ лошади дохли отъ голода. Дошло наконецъ до того, что въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, когда справочныя цѣны возвышены были въ Севастополѣ и окрестностяхъ на сѣно до 1 р. 20 коп. за пудъ и на овесъ до 16-ти руб. за четверть, многія ло-

[1]) «Изъ походныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ», *Русск. Арх.* 1870, стр. 2047—2050.

шади въ полкахъ и артиллерійскихъ батареяхъ по цѣлымъ днямъ не видали ни клочка сѣна, ни зерна овса и поддерживали свое существованіе матросскими сухарями, да мелкимъ дубовымъ кустарникомъ, которымъ въ избыткѣ изобиловала мѣстность, занятая нашими войсками. Кормить лошадей вмѣсто сѣна *дубьемъ*, какъ рельефно выражались наши солдатики, считалось въ то время дѣломъ естественнымъ и хозяйственнымъ. Всѣ, начиная съ главнокомандующаго, это видѣли и всѣ молчали. Преслѣдовать это нельзя было, потому что это зло застраховано отъ всякой отвѣтственности сознаніемъ высшихъ властей своей полнѣйшей неспособности продовольствовать армію.

Такое ненормальное положеніе дѣлъ было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ прежнихъ распоряженій. До высадки непріятеля, распоряженій по продовольственной части, собственно говоря, никакихъ не было. Не было сдѣлано никакихъ заготовленій; о перевозочныхъ средствахъ никто не думалъ; о дорогахъ никто и не вспомянулъ, а объ осенней и зимней распутицѣ, какая бываетъ въ Крыму, вѣроятно, никто и не зналъ. Войска жили какъ въ мирное время на квартирахъ, получали отъ казны хорошія деньги на фуражъ и мясо и продовольствовались, кто какъ умѣлъ и кто какъ могъ, истощая и безъ того небогатыя средства края. Затрудненія въ продовольствіи обнаружились скоро послѣ высадки и, увеличиваясь по мѣрѣ прибытія новыхъ войскъ, съ наступленіемъ распутицы дошли до крайности: оказалось, что перевозочныя средства края почти всѣ потреблены войсками еще лѣтомъ, вслѣдствіе чего доставка фуража на позиціи къ Севастополю, гдѣ сосредоточивались главныя наши силы, становилась почти невозможною и обходилась баснословно дорого. Войска начали требовать, чтобъ интендантство арміи доставляло имъ фуражъ въ натурѣ; но интендантство, не имѣя ни запасовъ, ни перевозочныхъ средствъ, конечно, не могло и думать объ исполненіи этихъ требованій. Чтобъ вывести интендантство изъ крайняго положенія, въ какомъ оно находилось, главное начальство арміи сдѣлало новую капитальную ошибку. Вмѣсто того, чтобы принять энергическія мѣры къ сформированію запасовъ и перевозочныхъ средствъ, оно вздумало соблазнить командировъ отдѣльныхъ частей назначеніемъ высокихъ цѣнъ, съ тѣмъ, чтобы они не отказывались продовольствовать лошадей своимъ попеченіемъ и не требовали бы отъ интендантства фуража въ натурѣ. Мѣра удалась, но гибельныя ея послѣдствія не замедлили обнаружиться. Командиры догадались, что начальство арміи не можетъ доставлять фуража въ натурѣ, и вымогательствамъ ихъ нельзя уже было положить никакихъ предѣловъ. При каждомъ удобномъ случаѣ они грозили отказаться отъ продовольствія лошадей своимъ попеченіемъ и, чтобъ ихъ задобрить, растерявшееся начальство опять должно было прибѣгать къ прежней гибельной мѣрѣ — возвышенію цѣнъ. Такимъ образомъ, между начальствомъ и войсками установился невысказанный, но всѣми понятый, договоръ; не требовать отъ интендантства фуража въ натурѣ, и за это пользоваться выгодами отъ ненормально возвышаемыхъ цѣнъ, кто какъ умѣетъ и у кого насколько хватитъ совѣсти. Но и эта палліативная мѣра принесла только

зло и никакой пользы. Командиры дѣйствительно не требовали болѣе отъ интендантства фуража въ натурѣ: но за то и лошадей почти вовсе перестали кормить. Дѣло въ томъ, что непомѣрное возвышеніе цѣнъ потребовало на довольствіе войскъ, въ 5-ть или 6-ть разъ по численности увеличившихся, такія громады милліоновъ, которыхъ никогда въ достаточномъ количествѣ армія не имѣла. Такимъ образомъ, только часть арміи могла получать деньги на продовольствіе своевременно, тогда какъ остальная часть получала ихъ по истеченіи мѣсяца, а иногда и позже. Весьма естественно, что командиры тѣхъ частей, которымъ интендантство не отпускало ни фуража, ни денегъ, могли уже совершенно безнаказанно держать лошадей на самой строжайшей діетѣ и получать потомъ десятки тысячъ, высчитанныя аккуратнѣйшимъ образомъ по справочнымъ цѣнамъ на овесъ и сѣно.

ГЛАВА VII.

Печать и школа.

I.

Цензура[1]).

10-го іюня 1826 г. былъ Высочайше утвержденъ новый цензурный уставъ.

Уставъ этотъ отличался необыкновенною строгостью; вмѣстѣ съ тѣмъ несмотря на значительный объемъ, на свои 230 параграфовъ, онъ предоставлялъ широкое поле для всякихъ произвольныхъ толкованій. Организація цензурнаго вѣдомства была совершенно измѣнена. Во главѣ поставленъ верховный цензурный комитетъ. Цензурѣ поручаются три главнѣйшія попеченія: а) о наукахъ и воспитаніи юношества, б) о нравахъ и внутренней безопасности и в) о направленіи общественнаго мнѣнія согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства. Поэтому верховный цензурный комитетъ состоитъ изъ министровъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Верховному комитету подчинены три цензурныхъ комитета, состоящихъ въ вѣдомствѣ просвѣщенія. Цензура совершенно отдѣлена отъ университетовъ, выдѣлена въ особое вѣдомство. Уставъ подробно говоритъ о запретномъ въ области политическихъ вопросовъ.

«§ 166. Запрещается всякое произведеніе словесности не только возмутительное противъ правительства и постановленныхъ отъ него властей,

---

[1]) В. Е. Якушкинъ, «Изъ исторіи русской цензуры», въ книгѣ «Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ», статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М. 1905, стр. 47—72.

но и ослабляющее должное къ нимъ почтеніе. § 167. А потому цензоры, при разсматриваніи всякаго рода произведеній, обязаны всевозможное обращать вниманіе, чтобы въ нихъ отнюдь не вкрадывалось ничего могущаго ослабить чувства преданности, вѣрности и добровольнаго повиновенія постановленіямъ Высочайшей власти и законамъ отечественнымъ. § 169. Запрещаются къ печатанію всякія частныхъ людей предположенія о преобразованіи какихъ-либо частей государственнаго управленія или измѣненіи правъ и преимуществъ, Высочайше дарованныхъ разнымъ состояніямъ и сословіямъ государственнымъ, если предположенія сіи не одобрены еще правительствомъ».

Такія рамки отводятся для обсужденія внутреннихъ вопросовъ: нельзя говорить не только о правительствѣ, но даже о «властяхъ», т.-е. обо всей администраціи, чтобы не ослаблять «должное къ нимъ почтеніе», не ослаблять «чувства преданности, вѣрности и добровольнаго повиновенія»; нельзя говорить ни о какомъ преобразованіи въ управленіи или въ устройствѣ, пока правительство само не предприметъ этого преобразованія. И ни о чемъ подобномъ нельзя говорить не только «прямо», но и «косвенно». Къ такимъ ограниченіямъ въ обсужденіи внутренней жизни присоединялись запрещенія, касавшіяся внѣшней политики: не дозволялось говорить ничего обиднаго для иностранныхъ державъ, особенно для членовъ Священнаго Союза (§ 170), воспрещалось безъ должнаго уваженія говорить объ иностранныхъ государяхъ, правительствахъ и властяхъ, предлагать имъ неумѣстные совѣты и наставленія (§ 171). Въ уставѣ 1804 г., какъ припомнятъ читатели, заключалась общая оговорка, въ силу которой «скромное и благоразумное изслѣдованіе *всякой истины... пользуется совершенною свободою*»; въ уставѣ 1826 г. тоже сдѣлана оговорка, но лишь относительно иностранныхъ государствъ и притомъ въ такой формѣ: «само собою разумѣется, что скромнаго и пристойнаго разсужденія о предметахъ управленія иностранныхъ государствъ *воспрещать не слѣдуетъ*» (§ 172).

Очень поучительно отношеніе новаго устава къ философіи: «кромѣ учебныхъ логическихъ и философическихъ книгъ, необходимыхъ для юношества, прочія сочиненія сего рода, наполненныя безплодными и пагубными мудрованіями новѣйшихъ временъ, *вовсе печатаемы быть не должны*» (§ 186). Въ историческихъ, статистическихъ и географическихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ обращать вниманіе на цѣль и духъ ихъ, чтобы они не заключали ничего неблагопріятнаго монархическому правленію, никакихъ произвольныхъ умствованій (§ 177—181); запрещаются всѣ умозрительныя сочиненія о правахъ и законахъ, основанныя на теоріи объ естественномъ состояніи, о договорѣ, о происхожденіи власти не отъ Бога и т. д. (§ 190). Въ уставѣ 1804 г. мы видѣли предписаніе цензору сомнительныя мѣста истолковывать выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ; новый уставъ, напротивъ, говоритъ: «не позволяется пропускать къ напечатанію мѣста..., имѣющія двоякій смыслъ, если одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ» (§ 151). Въ полномъ противорѣчіи съ уставомъ 1804 г. стоитъ но-

вое предписаніе, чтобы цензура вновь разсматривала книги, предназначенныя для второго и вообще повторительнаго тисненія (§ 156). Не дозволяются къ печатанію сочиненія, нарушающія правила и чистоту русскаго языка, исполненныя грамматическихъ погрѣшностей (§ 154). При разсматриваніи книжныхъ каталоговъ и объявленій цензура должна наблюдать, чтобы приписываемыя книгамъ похвалы не противорѣчили справедливости, дабы любители чтенія не были побуждаемы пріобрѣтать книги, не заслуживающія вниманія (§ 157). Недавнее распоряженіе Шишкова по цензурѣ возведено въ законъ: запрещено ставить точки или другіе знаки вмѣсто пропущенныхъ цензурою мѣстъ (§ 152); точно также сдѣлано общимъ правиломъ: «статьи, касающіяся до государственнаго управленія, не могутъ быть напечатаны безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается (§ 141); этимъ постановленіемъ совершенно стѣснено всякое обсужденіе внутреннихъ дѣлъ. Духовная цензура, еще со времени регламента Петра Великаго, оставалась въ рукахъ духовной власти, но уставъ 1826 г. ввелъ, кромѣ того, еще нѣсколько спеціальныхъ цензуръ: для книгъ, касающихся религіи католической (§§ 118 и 119), уніатской (§ 120), протестантской (§§ 121—123), для книгъ медицинскихъ (§ 124), для учебниковъ (§ 125).

...Первое время по выходѣ устава 1826 г. издавались новыя къ нему дополненія, еще болѣе стѣснявшія печать. Такъ, по уставу статьи о Польшѣ и о Финляндіи могли быть только заимствуемы изъ офиціальныхъ варшавской и гельсингфорской газетъ (§ 148), а затѣмъ въ 1826 г. дано общее предписаніе: «принять за правило и строго наблюдать, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ Его Величества, допуская тѣ только изъ сего рода, кои заимствуются изъ с.-петербургскихъ академическихъ газетъ или изъ *Journal de S.-Pétersbourg*».

Новыя правила примѣнялись строго, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя цензурныя дѣла этого времени; шишковскій уставъ легъ тяжелымъ гнетомъ на литературу; къ счастью, онъ просуществовалъ недолго. Съ одной стороны, явился случайный поводъ—пересмотръ правилъ объ иностранной цензурѣ, съ другой стороны въ правительственныхъ сферахъ восторжествовало мнѣніе, что невозможно, опасно брать всю литературу подъ безусловную опеку правительства. Адмиралъ Шишковъ былъ замѣненъ кн. Ливеномъ. Въ 1827 г. было приступлено уже къ составленію новаго общаго цензурнаго устава, который и былъ утвержденъ 22-го апрѣля 1828 г.

Уставъ 1828 г. значительно отличается отъ устава предшествовавшаго. Цѣлью цензуры поставлено только наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было вредныхъ изданій, но цензура не должна заботиться о направленіи литературы, о руководствѣ ею, а тѣмъ болѣе не должна исправлять ошибокъ или слога писателей. При министерствѣ, взамѣнъ верховнаго цензурнаго комитета создается главное цензурное управленіе изъ представителей разныхъ вѣдомствъ: ему подчинены цензурные комитеты при учебныхъ округахъ.

Мы находимъ въ уставѣ нѣкоторыя смягченія. Такъ, цензурѣ вмѣнено въ обязанность обращать вниманіе на духъ книги, принимая за основаніе ясный смыслъ рѣчи, не дозволяя произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону (§ 6), не дѣлая привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ (§ 7), отличая благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, различая также сочиненія ученыя, спеціальныя отъ популярныхъ (§ 8). Цензура должна отличать безвредныя шутки отъ злонамѣренныхъ искаженій (§ 13), не входя въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, не разсуждая о полезности и безполезности изданія, если оно только не вредно, не исправляя слога и литературныхъ ошибокъ автора (§ 15).

Всѣ эти правила, сравнительно съ уставомъ 1826 г., представляютъ улучшенія; но новый уставъ страдалъ по-прежнему неопредѣленностью въ основныхъ положеніяхъ, давалъ просторъ для всякихъ толкованій. Дальнѣйшая цензурная практика основывалась, съ одной стороны, на толкованіи статей устава въ неблагопріятномъ для литературы смыслѣ, съ другой—на новыхъ дополненіяхъ цензурныхъ правилъ, на распоряженіяхъ администраціи; она вполнѣ отражала на себѣ характеръ времени, все усиливавшуюся реакцію. Другою характерною чертою въ исторіи нашей цензуры за николаевское время является постоянное вмѣшательство въ цензуру посторонних ъ вѣдомствъ, отчасти прямо въ силу закона, отчасти въ силу господствовавшихъ административныхъ нравовъ. Николаевская цензура была не самостоятельна какъ по своему основному характеру, такъ и по фактическому своему положенію.

Въ первое время, при министерствѣ кн. Ливена, положеніе литературы было значительно легче, чѣмъ при Шишковѣ и кн. Голицынѣ. Министръ нерѣдко рѣшалъ въ пользу писателей сомнѣнія, возникавшія въ цензурномъ вѣдомствѣ; онъ заботился, насколько могъ, о соблюденіи новаго устава, старался о самостоятельности цензуры. Но европейскія событія 1830 г. вызвали усиленіе у насъ цензурныхъ строгостей. Положеніе цензуры еще ухудшилось, когда въ 1833 г. кн. Ливена замѣнилъ С. С. Уваровъ. Выше я уже упоминалъ о заслугахъ Уварова въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія; но положеніе нашей печати сдѣлалось при немъ гораздо тяжелѣе. Думая отстоять самостоятельность цензурнаго вѣдомства, Уваровъ старался всячески усугубить строгости общей цензуры, чтобы избѣгнуть посторонняго вмѣшательства. Онъ не достигъ своей цѣли: строгости его гибельно отзывались на печати, а между тѣмъ постороннія притязанія и вмѣшательство въ цензурное дѣло все усиливались. Вскорѣ рядъ отдѣльныхъ распоряженій лишили цензурное вѣдомство всякой самостоятельности, создали множество отдѣльныхъ и равно-обязательныхъ цензуръ. Все касавшееся военнаго дѣла и военной исторіи было подчинено цензурѣ военнаго министерства; критическія статьи объ учебникахъ, изданныхъ для военныхъ училищъ, подлежали цензурѣ военноучебнаго вѣдомства; такъ были еще установлены по разнымъ случаямъ и по разнымъ вопросамъ цен-

зуры въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ почтовомъ вѣдомствѣ, министерствѣ просвѣщенія и въ академіи наукъ, въ управленіи московскаго попечителя учебнаго округа, въ вѣдомствѣ путей сообщенія, въ комиссіи о построеніи Исаакіевскаго собора, въ комиссіи о пріютахъ, въ Человѣколюбивомъ Обществѣ, въ управленіи Кавказа, въ III отдѣленіи, во II отдѣленіи, въ военно-топографическомъ депо, въ археологической комиссіи, въ государственномъ коннозаводствѣ, въ особомъ учебномъ комитетѣ, при министерствѣ двора, при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. «Если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдующихъ цензурою,—говоритъ А. В. Никитенко,—ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года». Какое-нибудь изданіе, съ содержаніемъ разнообразнымъ, могло проходить послѣдовательно черезъ нѣсколько цензуръ. И надо прибавить, что всѣ эти спеціальныя цензуры ни мало не избавляли отъ общей цензуры. Понятно, какъ все это было стѣснительно для печати. Почти всякая отрасль управленія заявляла свои права на особую цензуру и получала ее. Поводы для этого бывали самые незначительные. Такъ, въ 1831 г. академикъ Кеппенъ напечаталъ совершенно невинную статью подъ заглавіемъ «Почтовыя сообщенія». Князь А. Н. Голицынъ, главнокомандующій почтовымъ департаментомъ (бывшій министръ народнаго просвѣщенія), писалъ Уварову: «Авторъ этой статьи критикуетъ распоряженія почтоваго начальства, предлагаетъ новыя взамѣнъ существующихъ, указываетъ на какія-то злоупотребленія и даже порицаетъ систему страховаго сбора, утвержденнаго Государемъ Императоромъ...» Это попытка того либеральнаго духа Западной Европы, который стремится подвергать дѣйствія правительствъ контролю свободнаго книгопечатанія... Кеппенъ и теперь уже возглашаетъ: „*наступаетъ и для насъ время развитія силъ народныхъ!*“ Дѣло кончилось тѣмъ, что министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ академику Кеппену офиціальный выговоръ, и было издано распоряженіе, чтобы всѣ статьи о почтовой части до напечатанія были представляемы на предварительное разсмотрѣніе главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ. Такъ, когда въ 1845 г. въ газетахъ появилась статья о Николаевской желѣзной дорогѣ, гр. Клейнмихель, нисколько не порицая ея содержаніе, испросилъ, однако, Высочайшее повелѣніе, чтобы ничего не печаталось объ этомъ предметѣ безъ его одобренія и т. д. За то же время нѣсколько разъ повторялось запрещеніе всѣмъ служащимъ, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ, что-либо печатать безъ разрѣшенія своего начальства. При столь сильной боязни гласности насъ нисколько не удивляетъ такое запрещеніе: въ періодическихъ изданіяхъ нельзя перепечатывать изъ журнала министерства народнаго просвѣщенія распоряженія по этому министерству и т. п.

Такими законодательными повелѣніями и административными распоряженіями былъ дополненъ цензурный уставъ 1828 г. Въ сущности, при этихъ дополненіяхъ, онъ мало чѣмъ отличался отъ устава 1826 года, и въ цензурной практикѣ дѣйствовали тѣ начала, тѣ взгляды, которые были офиціально осуждены въ 1828 г. въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи

цензурнаго устава. Для русской литературы, для молодой русской печати настала тяжелая пора.

...Какъ извѣстно, въ 1826 г. Пушкинъ былъ вызванъ изъ своей деревенской ссылки въ Москву, обласканъ Государемъ, который взялъ его подъ свое покровительство и затѣмъ черезъ Бенкендорфа объщалъ, что «самъ будетъ первымъ цѣнителемъ произведеній (Пушкина) и цензоромъ».

«Съ какою цѣлью сдѣлалъ это императоръ Николай Павловичъ?—спрашиваетъ акад. Сухомлиновъ.—Желалъ ли онъ выразить свое уваженіе и довѣріе знаменитому писателю? Но въ такомъ случаѣ всего проще было бы освободить его отъ всякой цензуры. Или, быть можетъ, имѣлось въ виду совершенно другое—устранить всякую попытку напечатать что-либо такое, что могло бы проскользнуть отъ недосмотра или снисходительности обыкновенной цензуры?»

Пушкинъ въ ноябрѣ 1826 г. писалъ Языкову: «Царь *освободилъ меня отъ цензуры*. Онъ самъ—мой цензоръ. *Выгода*, конечно, *неоцѣнная*. Такимъ образомъ *Годунова* тиснемъ». Опытъ скоро показалъ поэту, что такая выгода имѣетъ и свои неудобства, и что поэтъ вовсе не избавленъ отъ цензуры. Напротивъ, онъ попалъ подъ двойную цензуру.

Въ концѣ того же ноября Пушкинъ получилъ строгій выговоръ отъ Бенкендорфа за то, что читалъ въ Москвѣ въ литературныхъ кругахъ «Бориса Годунова», еще не представленнаго Государю. Въ то же время оказалось, что Пушкинъ лишенъ права печатать что-либо безъ разрѣшенія высшаго начальства, съ дозволенія одной обыкновенной цензуры. Понятно, какъ это было стѣснительно для поэта и какъ это его обижало. «Я не лишенъ правъ гражданства,—писалъ онъ Погодину,—и могу быть цензурованъ нашею цензурою, если хочу,—а съ каждымъ нравоучительнымъ четверостишіемъ я къ высшему начальству не полѣзу,—скажите это имъ». Но, какъ ни сердился Пушкинъ, ему приходилось покоряться... Этого еще было мало: высшей цензуры Государя было еще недостаточно: съ поэта полиція взяла подписку, что онъ ничего не будетъ печатать «безъ разрѣшенія обычной цензуры». Это была, собственно говоря, курьезная несообразность: полиція и цензура требовали разсмотрѣнія того, что только-что было разсмотрѣно въ III отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи, что было разрѣшено самимъ Государемъ; выходило такъ, что общая цензура должна была контролировать цензуру Государя. Но и съ этимъ Пушкину приходилось мириться. Иногда ему удавалось напечатать мелкія стихотворенія подъ одною общею цензурою, безъ представленія Государю, ему удавалось нерѣдко отдѣлаться отъ притязанія общей цензуры, печатать крупныя произведенія «съ дозволенія правительства»; но случалось, что все это навлекало ему большія непріятности, и подобныя требованія и притязанія возобновлялись. Въ концѣ концовъ Пушкинъ все-таки очутился подъ двойною цензурой.

Произведенія Пушкина представлялись императору Николаю черезъ III отдѣленіе, которое, собственно говоря, и цензурово ихъ: оно подно-

сило ихъ Государю вмѣстѣ со своимъ разборомъ, со своими замѣчаніями. Эта высшая цензура была и строга и медленна. Мы видѣли, что еще въ 1826 году Пушкинъ надѣялся издать «Бориса Годунова»; но, несмотря на всѣ хлопоты, изданіе было разрѣшено только въ концѣ 1830 г., при чемъ поэту пришлось сдѣлать значительныя цензурныя измѣненія, да выслушать отзывъ (основанный на докладѣ III отдѣленія), что ему слѣдовало бы «съ нужнымъ очищеніемъ передѣлать комедію свою въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтера Скотта». Изъ другихъ отзывовъ III отдѣленія о произведеніяхъ Пушкина приведу здѣсь еще только одинъ, относящійся къ стихотворенію «19-го октября 1825 г.»: «*19-е октября*,—для публики, можетъ быть, будетъ и незначущею пьесою, но... вовсе не нужно говорить о своей *опалѣ*, *о несчастіяхъ*, когда авторъ не былъ въ ономъ, но былъ милостиво и отечески оштрафованъ за такіе поступки, за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и жестокому наказанію».

Не менѣе Пушкина страдали отъ цензуры Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ; страдали отъ нея и другіе, не столь извѣстные писатели, постоянно терпѣла вся текущая печать. Такъ, напр., романъ Загоскина «Аскольдова могила» былъ переданъ на разсмотрѣніе духовной цензуры; такъ, В. И. Даль подвергся строгому выговору и запрещенію писать за то, что въ одномъ изъ его разсказовъ полиція не можетъ поймать воровку; такъ, И. С. Аксаковъ принужденъ былъ оставить службу за то, что не хотѣлъ отказаться отъ поэзіи; и подобныхъ примѣровъ можно бы указать множество. Приведу изъ интересныхъ записокъ А. В. Никитенко, долго бывшаго цензоромъ и всячески старавшагося защищать права литературы, разсказъ о томъ, какъ онъ пострадалъ изъ-за сущихъ пустяковъ. Графъ Клейнмихель пожаловался Государю на слѣдующія мѣста въ одной повѣсти, напечатанной въ *Сынѣ Отечества*.

«Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъегеря, съ блестящимъ, совсѣмъ новымъ эксельбантомъ? Считая себя военнымъ и, что еще лучше, кавалеристомъ, господинъ фельдъ-егерь имѣетъ полное право думать, что онъ интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами и крутитъ усы, намазанные фиксатуаромъ, котораго розовый запахъ обдаетъ и его самого и танцующую съ нимъ даму»... «Затѣмъ прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще высшимъ галстукомъ»...

Цензоръ за пропуски этихъ мѣстъ былъ посаженъ на гауптвахту, такъ какъ «неприлично нападать на лица, принадлежащія ко двору, и на офицеровъ».

Если тяжело было положеніе литературы вообще при такомъ характерѣ цензуры, то особенно трудно приходилось періодической печати. Правительство обращало усиленное вниманіе на журналы и газеты.

Насколько строго относилось тогда правительство къ періодической печати, видно, напр., изъ печальной судьбы *Европейца*. Этотъ журналъ

сталъ издавать въ Москвѣ въ 1831 г. И. В. Кирѣевскій; первая же книжка вызвала рѣшительное осужденіе; особенно признана вредной статья самого издателя — «Девятнадцатый вѣкъ». На эту статью обратилъ особое вниманіе самъ Государь, и шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія кн. Ливену: «Его Величество изволилъ найти, что всякая статья сія есть не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобъ видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное, что подъ словомъ «просвѣщеніе» онъ понимаетъ «свободу», что «дѣятельность разума» означаетъ у него «революцію», а «искусно отысканная средина» не что иное, какъ «конституція»... Оная статья, не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ»... *Европеецъ* былъ запрещенъ и въ то же время состоялось Высочайшее повелѣніе о недозволеніи никакого новаго журнала безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія.

Не мало цензурныхъ строгостей было вызвано прямо журналами; иногда эти новыя распоряженія дѣлались въ такой неопредѣленной формѣ, что, конечно, еще усиливали возможность произвола. Такъ, въ 1836 г. министръ распорядился: «цензура должна имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы въ повременныхъ изданіяхъ не возобновлялась литературная полемика въ томъ видѣ, въ какомъ она въ прежніе годы владѣла было журналами обѣихъ столицъ».

Всякія мелочи обращали на себя вниманіе. Вотъ примѣры этого. По поводу жалобы одной газетной статьи на дороговизну извозчиковъ, которые берутъ, что хотятъ, съ пассажировъ, пріѣзжающихъ съ ночными поѣздами,—что было принято за порицаніе полиціи, —повелѣно: «сдѣлать общее по цензурѣ распоряженіе, дабы впредь не было допускаемо въ печати никакихъ, хотя бы и косвенныхъ, порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали». Въ 1847 году было «обращено особенное вниманіе на журнальныя и другія статьи объ отечественной исторіи, для предотвращенія въ оныхъ разсужденій о вопросахъ государственныхъ и политическихъ, которыхъ изложеніе должно быть допускаемо съ особенною осторожностью и только въ предѣлахъ самой строгой умѣренности»... Или еще: «поставить цензорамъ въ непремѣнную обязанность не пропускать въ печать выраженій, заключающихъ въ себѣ намеки на строгость цензуры; пояснить, что запрещеніе цензурою впускать въ Россію нѣкоторыя иностранныя книги заключаетъ въ себѣ и запрещеніе говорить объ ихъ содержаніи въ журналахъ, и тѣмъ болѣе печатать отрывки изъ нихъ въ подлинникѣ или въ переводѣ» [1]).

---

[1]) Въ своемъ разсказѣ я совершенно умалчиваю объ иностранной цензурѣ; сообщу здѣсь только кстати слѣдующее любопытное обстоятельство. Иныя иностранныя книги

При такомъ отношеніи правительства къ періодической печати, новыя изданія разрѣшались очень неохотно, съ большими затрудненіями. Въ 1836 году на ходатайствѣ о разрѣшеніи новаго журнала императоръ Николай надписалъ: «И безъ того много»; послѣ этого прямо было сдѣлано распоряженіе: «представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время воспрещаются».

Пушкину много приходилось имѣть хлопотъ съ цензурою изъ-за желанія издавать журналъ или газету. Многократно въ теченіе ряда лѣтъ дѣлалъ онъ попытки стать редакторомъ періодическаго изданія; ему это долго не удавалось; разъ самъ Государь разрѣшилъ было ему газету, но затѣмъ дозволеніе было взято назадъ. Только подъ конецъ жизни Пушкинъ получилъ разрѣшеніе издавать *Современникъ*, по 4 книжки въ годъ,—скорѣе сборникъ, чѣмъ журналъ; но и тутъ онъ былъ стѣсненъ и программою изданія и цензурными строгостями, такъ что ему приходилось только любоваться на «благородныя раны», наносимыя красными чернилами цензора статьямъ *Современника*. Отношеніе Пушкина къ періодической печати, т. е., его публицистическія статьи и его попытки сдѣлаться редакторомъ-издателемъ, представляется весьма интереснымъ эпизодомъ въ исторіи нашей прессы, и дѣятельность Пушкина-журналиста недостаточно еще оцѣнена.

Въ 1844 г. Грановскій послѣ публичнаго курса, который такъ возвысилъ его популярность и авторитетъ, рѣшилъ со своими друзьями издавать журналъ. Былъ составленъ капиталъ на паяхъ, подали заявленіе о разрѣшеніи имъ *Ежемѣсячнаго Обозрѣнія*. Грановскій много ждалъ отъ будущаго журнала, который, по его убѣжденію, могъ принести значительную пользу,—«болѣе, чѣмъ цѣлая библіотека ученыхъ сочиненій, которыхъ никто читать не станетъ». Но на просьбу Грановскаго долго не было отвѣта; наконецъ, отвѣтъ пришелъ, и очень короткій: «не нужно».

Если редакторамъ трудно было ладить съ цензурными требованіями, если трудно было получить разрѣшеніе на изданіе журнала или газеты, то, напротивъ, легко было подвергнуться взысканіямъ, подпасть запрещенію. За разсматриваемый періодъ были запрещены журналы: *Литературная Газета*—Дельвига, *Европеецъ*—Кирѣевскаго, *Московскій Телеграфъ*—Полевого, *Телескопъ*—Надеждина и др. Какъ извѣстно, *Телескопъ* былъ запрещенъ за статьи Чаадаева,—авторъ ихъ былъ признанъ сумасшедшимъ, а редакторъ Надеждинъ былъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ. Эти запрещенія изданій, которыя всѣ были подцензурными, очень любопытны. Съ одной стороны, наказанія, которымъ иногда подвергались при этомъ авторы и издатели, стояли въ логическомъ и юридическомъ противорѣчіи съ самымъ принципомъ предварительной цензуры, какъ на это основательно указы-

---

дозволялись съ исключеніемъ извѣстныхъ мѣстъ. Объ этомъ сообщалось губернаторамъ для наблюденія; одинъ изъ нихъ помѣщалъ эти сообщенія цензурнаго вѣдомства въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», пропечатывая цѣликомъ и всѣ исключенныя мѣста, такъ что подписчики этой официальной газеты могли знакомиться съ запрещенными мѣстами, не знакомясь съ самой книгой.

валъ еще Радищевъ; съ другой стороны, нерѣдкіе случаи, когда направленіе и содержаніе подцензурныхъ изданій признавалось вреднымъ, должны были убѣждать правительство въ томъ, что предварительная цензура не достигаетъ своей цѣли.

Выше было уже сказано, что министръ Уваровъ старался усиленіемъ цензурныхъ строгостей добиться большей независимости и самостоятельности цензуры. Кромѣ отдѣльныхъ распоряженій въ этомъ смыслѣ, онъ въ 1846 г. даже задумывалъ общій пересмотръ устава. Всѣ эти мѣры строгости, гибельно отзываясь на литературѣ, не доставили, однако, желательной независимости цензурному вѣдомству. И подъ конецъ самъ гр. Уваровъ долженъ былъ съ очевидностью убѣдиться въ этомъ.

Какъ европейскія событія 1830 г. отозвались у насъ усиленіемъ, между прочимъ, и цензурныхъ строгостей, такъ еще болѣе печальное вліяніе на внутреннюю жизнь Россіи имѣли событія 1848 г. Это отразилось опять и на цензурѣ. 2-го апрѣля 1848 г. учрежденъ особый негласный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина,—комитету этому былъ порученъ высшій надзоръ въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ книгопечатанія. «Комитетъ 2-го апрѣля 1848 г.» сдѣлался высшимъ цензурнымъ учрежденіемъ, которое объявляло министру Высочайшую волю по цензурнымъ дѣламъ и само давало ему свои указанія, дѣлало отъ себя замѣчанія. Исчезла послѣдняя тѣнь независимости цензуры. Уваровъ, послѣ попытки противостать Бутурлинскому комитету, оставилъ министерство.

Негласный комитетъ 2-го апрѣля 1848 г. просуществовалъ до конца 1855 г.; это время—съ 1848 г. по 1855 г.—представляетъ самое полное господство цензурной опеки, и офиціальный историкъ нашей цензуры признаетъ справедливымъ наименованіе этихъ лѣтъ «эпохою цензурнаго террора».

Европейскія событія 1848 г. окончательно опредѣлили направленіе русской политики въ концѣ Николаевскаго царствованія; это сейчасъ же и непосредственно отозвалось на цензурномъ вѣдомствѣ. Мы видѣли, какою цензурною строгостью отличалось время съ 1830 г.; но правительству казалось, что цензура еще слишкомъ снисходительна, что печать наша слишкомъ свободна. Въ началѣ 1848 г. былъ учрежденъ негласный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Бутурлина для надзора за цензурой и за печатью [1]). Бутурлинскій комитетъ просуществовалъ до 6-го декабря 1855 г. Періодъ этотъ былъ наиболѣе тягостнымъ для русской печати.

Исторія возникновенія Бутурлинскаго комитета недавно разсказана была Шильдеромъ. Въ основѣ этого дѣла лежала записка барона М. А. Корфа, желавшаго возбудить недовѣріе къ министру Уварову, чтобы самому

---

[1]) Нѣсколько раньше былъ учрежденъ подобный комитетъ подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова съ менѣе широкими задачами; затѣмъ онъ уступилъ вскорѣ мѣсто Бутурлинскому комитету.

занять его мѣсто. Когда вмѣсто смѣны Уварова дѣло кончилось учрежденіемъ комитета, съ назначеніемъ Корфа членомъ его, Корфъ не могъ быть доволенъ. «Встрѣтивъ барона Корфа въ государственномъ совѣтѣ, князь Меншиковъ нашелъ его блѣднымъ, желчнымъ и разстроеннымъ: негласнымъ доносомъ ударъ былъ направленъ противъ гр. Уварова, и Корфъ надѣялся быть министромъ народнаго просвѣщенія, а вмѣсто того назначенъ былъ въ «цензурнофискальный комитетъ», т. е, уже не скрытымъ, а явнымъ доносчикомъ». Позднѣе самъ Корфъ называлъ Бутурлинскій комитетъ—«наростомъ на администраціи», а своимъ близкимъ говорилъ, что дѣйствія Бутурлинскаго комитета приводятъ его въ омерзеніе...

Шильдеръ слѣдующими словами характеризуетъ дѣятельность Бутурлинскаго комитета: «Такимъ образомъ образовалась у насъ двойная цензура въ 1848 г., предварительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая *до печати*, и взыскательная или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное и привлекавшая, съ утвержденія и именемъ Государя, къ отвѣтственности какъ цензоровъ, такъ и авторовъ за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства. Спрашивается: какимъ образомъ могла существовать при такихъ условіяхъ какая бы то ни было печать? Кончилось тѣмъ, что даже Государь получилъ, по невѣдѣнію комитета, такъ сказать, выговоръ отъ этого учрежденія». Шильдеръ здѣсь разумѣетъ одинъ случай, когда газетная замѣтка объ уличномъ происшествіи была предварительно одобрена императоромъ, а комитетъ призналъ ее недопустимой.

Посмотримъ общія распоряженія по цензурѣ за это время.

Въ маѣ 1848 г. съ новою строгостью было подтверждено прежнее правило: по представленію шефа жандармовъ было повелѣно, «дабы тѣ изъ воспрещаемыхъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное въ политическомъ и въ нравственномъ отношеніи направленіе, были представляемы отъ цензоровъ негласнымъ образомъ въ III отдѣленіе собственной Е. В. канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ надзоръ».

Такимъ же образомъ было строго подтверждено: «Не должно быть допускаемо въ печать никакихъ, хотя бы и косвенныхъ порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали»; «впредь не должно быть пропускаемо ничего насчетъ нашихъ правительственныхъ учрежденій, а въ случаяхъ недоумѣній должно быть испрашиваемо разрѣшеніе»; «не должно быть пропускаемо къ печатанію никакихъ разборовъ и порицаній существующаго законодательства». Для газетъ и журналовъ даны такія правила: «разсказывать событія просто, избѣгая, елико возможно, всякихъ разсужденій; вовсе или почти не упоминать о представительныхъ собраніяхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, объ ихъ конституціяхъ и пр.; избѣгать говорить о народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ

классовъ и т. д. Самымъ рѣшительнымъ образомъ запрещались «критики, какъ бы благонамѣренны ни были, на иностранныя книги и сочиненія, запрещенныя и потому не должныя быть извѣстными».

Особенное вниманіе обращали на себя статьи по русской исторіи:

«Сочиненія и статьи, относящіяся къ смутнымъ явленіямъ нашей исторіи, какъ-то: ко временамъ Пугачева, Стеньки Разина и т. п., и напоминающія общественныя бѣдствія и внутреннія страданія нашего отечества, ознаменованныя буйствомъ, возстаніемъ и всякаго рода нарушеніями государственнаго порядка, при всей благонамѣренности авторовъ и самыхъ статей ихъ, неумѣстны и оскорбительны для народнаго чувства, и оттого должны быть подвергаемы строжайшему цензурному разсмотрѣнію и не иначе быть допускаемы въ печать, какъ съ величайшею осмотрительностью, избѣгая печатанія оныхъ въ періодическихъ изданіяхъ».

Усиленному гоненію подверглись изслѣдованія по народной словесности, собранія народныхъ пѣсенъ, пословицъ и пр. По этому вопросу мы встрѣчаемъ много распоряженій. Такъ, по поводу собранія «народныхъ игръ, загадокъ, анекдотовъ и присловій», напечатаннаго въ *Курскихъ Губернск. Вѣдом.* въ 1853 году, было предписано:

«Отклонять на будущее время пропускъ цензурою такихъ народныхъ преданій, которыми нарушаются добрые нравы, и можетъ быть данъ поводъ къ легкомысленному или превратному сужденію о предметахъ священныхъ, и которыхъ сохранять въ народной памяти черезъ печать нѣтъ никакой пользы».

Въ слѣдующемъ году, по поводу книги «Русскія пословицы и поговорки, собранныя и объясненныя Ѳ. Буслаевымъ», въ которой иныя поговорки признаны неприличными, сдѣлано распоряженіе, «чтобы впредь не пропускали въ печать подобныхъ поговорокъ..., которыя... не можетъ, конечно, быть полезно оглашать и вводить какъ бы въ общее употребленіе».

Вскорѣ встрѣчаемъ еще предписаніе:

«Наговоры и волшебныя заклятія, какъ остатки вреднаго суевѣрія, не имѣющіе и въ ученомъ отношеніи никакого значенія, вовсе не должны быть допускаемы къ печати, не только въ періодическихъ изданіяхъ, доступныхъ большому и разнообразному кругу читателей, но даже и въ сборникахъ и книгахъ, составляемыхъ съ ученою цѣлью и предназначенныхъ для образованнаго класса публики».

Затѣмъ еще:

«Народныя пѣсни, предаваемыя печати, должны быть подвергаемы столь же осмотрительной цензурѣ, какъ и всѣ другія произведенія словесности; не должны быть пропускаемы такія, въ которыхъ воспѣвается развратъ, позорящій и разрушающій семейный бытъ, ибо желательно, чтобы подобныя пѣсни, если онѣ точно живутъ въ народѣ, искоренялись даже въ самыхъ его преданіяхъ, а не поддерживались и обновлялись въ памяти появленіемъ ихъ въ печати».

Если памятники народнаго творчества считались опасными даже въ научныхъ изданіяхъ, то совершенно понятно, что цензура строго слѣдила

за изданіями для народа и за лубочными картинками; строгости эти распространялись даже на *пряничныя доски*.

Приведу еще одно распоряженіе:

«Имѣя въ виду опасенія, что подъ знаками нотными могутъ быть скрыты злонамѣренныя сочиненія, написанныя по извѣстному ключу, или что къ мотивамъ церковнымъ могутъ быть приспособлены слова простонародной пѣсни и наоборотъ, главное управленіе цензуры, для предупрежденія такого злоупотребленія, предоставило цензурному комитету, въ случаяхъ сомнительныхъ, обращаться къ лицамъ, знающимъ музыку, для предварительнаго разсмотрѣнія нотъ».

Понятно, насколько всѣ подобныя распоряженія, подобныя опасенія заставляли цензуру быть придирчивой и подозрительной; а всего подозрительнѣе былъ Бутурлинскій комитетъ, который постоянно дѣлалъ доклады Государю о вредности такой-то книги или такой-то статьи и постоянно объявлялъ Высочайшія повелѣнія по цензурѣ, дѣлалъ строгія указанія и замѣчанія по цензурному вѣдомству. Для примѣра того, какъ комитетъ относился къ дѣлу, приведу слѣдующій случай. Въ началѣ 1849 года комитетъ сдѣлалъ выговоръ за статью въ *Современникѣ*—«О значеніи русскихъ университетовъ». Комитетъ самъ признавалъ, что статья эта, по ея изложенію, не имѣетъ ничего предсудительнаго, что, напротивъ, вездѣ говорится въ ней о нравственности и благодарности къ правительству, о любви къ Россіи и пр.; но, вникнувъ во внутренній смыслъ статьи, комитетъ призналъ въ ней неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства... Гр. Уваровъ пытался защищать статью: «Какой цензоръ или критикъ,—писалъ министръ въ своемъ объясненіи,—можетъ присвоить себѣ даръ, недоставшійся въ удѣлъ смертному, даръ всевидѣнія и проникновенія внутрь природы и человѣка, даръ въ выраженіяхъ преданности и благодарности открывать смыслъ, совершенно тому противный? Я вижу себя принужденнымъ откровенно замѣтить на это, что стремленіе, не довольствуясь видимымъ смысломъ, прямыми словами и честно высказанными мыслями, доискиваться какого-то внутренняго смысла, видѣть въ нихъ одну лживую оболочку, подозрѣвать тайное значеніе, что это стремленіе неизбѣжно ведетъ къ произволу и несправедливымъ обвиненіямъ». Несмотря на объясненія Уварова, статья *Современника* все-таки признана вредною, и повелѣно: «всѣ статьи въ журналахъ за университеты и противъ нихъ рѣшительно воспрещаются въ печати».

Приведу изъ интересныхъ записокъ А. В. Никитенка нѣсколько указаній на цензурную практику при комитетѣ 2-го апрѣля. Напоминаю читателямъ, что Никитенко служилъ цензоромъ и близко зналъ ходъ дѣлъ.

Въ 1849 году «цензоръ Мехелинъ вымарываетъ изъ древней исторіи имена всѣхъ великихъ людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканскаго образа мыслей—въ республикахъ Греціи и Рима, вымарываются не разсужденія, а просто имена и факты. Что жъ это та-

кое? крестовый походъ противъ науки?.. Здѣсь всѣ подъ одну шапку: вы всѣ люди вредные, потому что мыслите и печатаете свои мысли»...

Въ апрѣлѣ 1850 г. въ дневникѣ Никитенка читаемъ:

«Получена отъ министра конфиденціально бумага, по запросу верховнаго, или, какъ его называютъ, *негласнаго комитета*, слѣдующаго содержанія: «Вышла гадальная книга. Отъ цензурнаго комитета требуютъ, чтобы онъ донесъ, кто авторъ этой книги, и почему этотъ авторъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей?» На это комитетъ отвѣчалъ: «Книгу эту напечаталъ новымъ,—вѣроятно, сотымъ—изданіемъ такой-то книгопродавецъ, а почему онъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей—комитету это неизвѣстно». Нынѣ въ негласномъ комитетѣ предсѣдательствуетъ, вмѣсто Бутурлина, ген.-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ. Кажется, наша литература въ послѣднее время ужъ очень скромна, такъ скромна, что люди образованные, начавшіе было почитывать по-русски, теперь опять вынуждены обращаться къ иностраннымъ, особенно французскимъ, книгамъ; однако Анненковъ въ какихъ-то книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ набралъ шестнадцать обвинительныхъ пунктовъ противъ нея—разумѣется все изъ отдѣльныхъ фразъ—и приготовилъ докладъ».

Профессоръ Давыдовъ требовалъ, чтобы въ учебникѣ исторіи Смарагдова было выпущено все, что касается Магомета, такъ какъ это былъ «негодяй» и «основатель ложной религіи».

Цензоръ Елагинъ исключилъ въ физикѣ выраженіе: «силы природы», а въ одной географической статьѣ не пропустилъ мѣсто, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ, мотивируя послѣднее запрещеніе необходимостью, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Цензоръ Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариѳметики потому, что между цифрами какой-то задачи тамъ находился рядъ точекъ: онъ подозрѣвалъ здѣсь какой-то умыселъ составителя ариѳметики и т. д.

«Дѣйствія цензуры, говоритъ Никитенко, превосходятъ всякое вѣроятіе. Чего этимъ хотятъ достигнуть? Остановить дѣятельность мысли? Но вѣдь это все равно, что велѣть рѣкѣ плыть обратно».

Извѣстно, какъ Тургеневъ за статью о кончинѣ Гоголя поплатился ссылкою. Погодинъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи за то, что поставилъ на книжкѣ своего *Москвитянина* траурную рамку послѣ смерти творца «Мертвыхъ душъ». Подобныя мѣры произвели тогда самое удручающее впечатлѣніе на общество. Никитенко писалъ въ своемъ дневникѣ: «Да, тяжело положеніе, когда, не питая никакихъ преступныхъ замысловъ, неукоризненные въ глубинѣ вашей совѣсти, потому только, что природа одарила васъ нѣкоторыми умственными силами, и общество признало въ васъ ихъ, вы чувствуете себя каждый день, каждый часъ, въ опасности погибнуть такъ, за ничто, отъ какого-нибудь тайнаго доноса, отъ клеветы, недоразумѣнія и поспѣшности, отъ дурного расположенія духа другихъ, отъ ложнаго истолкованія вашихъ поступковъ и словъ»...

Очень характеренъ разсказъ гр. А. Д. Блудовой о предсѣдателѣ тайнаго цензурнаго комитета, Д. П. Бутурлинѣ. Послѣдній простиралъ свои цензурныя вожделѣнія до того, что хотѣлъ вырѣзать нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя ихъ очень опасными и недозволительными: «Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ», и еще: «Совѣты неправедныхъ князей разори, зачинающихъ рати погуби» и пр. Гр. Д. Н. Блудовъ замѣтилъ Бутурлину, что и въ евангеліи есть осужденіе злыхъ правителей.—«Такъ что же?—возразилъ Бутурлинъ, переходя въ шуточный тонъ:—если бы евангеліе не было такая извѣстная книга, конечно, надобно бы было цензурѣ исправить его».

Въ началѣ 1848 г. Высочайше было повелѣно немедленно приступить къ соотвѣтственному обстоятельствамъ времени пересмотру цензурнаго устава и дополнительныхъ къ нему постановленій; проектъ новаго цензурнаго устава былъ составленъ, но затѣмъ рѣшено ограничиться сводкой въ одно существующихъ узаконеній.

Такимъ образомъ, царствованіе императора Николая началось и кончилось господствомъ величайшихъ цензурныхъ строгостей,—уставомъ 1826 г. и дѣятельностью негласнаго Бутурлинскаго комитета. И въ обоихъ случаяхъ правительство вскорѣ должно было само признать, что строгая цензурная система не достигаетъ своей цѣли.

II.

Высочайшій рескриптъ на имя Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкова (19 августа 1827 г.) [1]).

Александръ Семеновичъ! Вамъ извѣстно, что, почитая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія Державы, отъ Бога Мнѣ врученной, Я желаю, чтобы для онаго были поставлены правила, вполнѣ соотвѣтствующія истиннымъ потребностямъ и положенію Государства. Для сего необходимо, чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ занимающійся устройствомъ учебныхъ заведеній, призналъ сію необходимость; но въ настоящемъ порядкѣ многое противно предположенному имъ правилу. До свѣдѣнія моего дошло, между прочимъ, что часто крѣпостные люди, изъ дворовыхъ и поселянъ, обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; отъ сего происходитъ вредъ двоякій: съ одной стороны,

[1]) Второе Полное Собр. Законовъ, № 1308.

сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училище уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отдавать своихъ дѣтей въ сіи заведенія; съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они не рѣдко въ унынiи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ. Дабы предупредить такія послѣдствія, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, Я нахожу нужнымъ нынѣ же повелѣть:

1. Чтобы въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ, находящихся въ вѣдомствѣ или подъ надзоромъ Мин. Нар. Пр., а равно и въ гимназіяхъ и въ равныхъ съ оными по предметамъ преподаванія мѣстахъ, принимались въ классы и допускались къ слушанію лекцій только люди свободныхъ состояній, не исключая и вольноотпущенныхъ, кои представятъ удостовѣрительные въ томъ виды, хотя бы они не были еще причислены ни къ купечеству, ни къ мѣщанству, и не имѣли никакого иного званія.

2. Чтобы помѣщичьи крѣпостные поселяне и дворовые люди могли, какъ и доселѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, и въ частныхъ заведеніяхъ, въ коихъ предметы ученія не выше тѣхъ, кои преподаются въ училищахъ уѣздныхъ.

И 3. Чтобы они также были допускаемы въ заведенія особеннаго рода, кои учреждены или впредь будутъ учреждаемы казною и частными людьми для обученія сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствамъ, нужнымъ для усовершенствованія или распространенія земледѣльческой, ремесленной и всякой иной промышленности, но чтобы и въ сихъ заведеніяхъ тѣ науки, которыя не служатъ основаніемъ или пособіемъ для искусства и промысловъ, были преподаваемы въ такой же мѣрѣ, какъ и въ уѣздныхъ училищахъ.

Постановляя сіи правила и поручая вамъ привести оныя въ дѣйство, Я не сомнѣваюсь, что воля Моя будетъ въ точности исполнена. Снабдивъ попечителей учебныхъ округовъ и прочія подчиненныя вамъ мѣста и лица надлежащими наставленіями, вы можете, когда нужно, объявлять о сихъ распоряженіяхъ и начальствамъ другихъ вѣдомствъ, распространяя отнынѣ надзоръ Министерства, вамъ ввѣреннаго, на всѣ училища безъ исключенія, кромѣ военныхъ и духовныхъ. Комитетъ устройства учебныхъ заведеній не оставитъ, съ своей стороны, заняться изысканіемъ средствъ, чтобы въ уѣздныя училища ввести курсъ ученія, достаточный для воспитанія людей нижнихъ состояній въ Государствѣ, стараясь въ особенности обогащать ихъ тѣми свѣдѣніями, кои, по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ истинно полезны.

J. F. LANGHANS-PRAG

Fr. S. Masaryk

III.

Десятилѣтіе Министерства Народнаго Просвѣщенія 1833 — 1843 г.г.

(Всеподданнѣйшій докладъ гр. С. С. Уварова) [1]).

При истеченіи десятилѣтія со времени моихъ занятій по завѣдыванію Мин. Нар. Пр., я считаю себя обязаннымъ и чувствую необходимость пройти внимательнымъ взглядомъ все, что въ продолженіе этого періода сдѣлано по учебному вѣдомству, волею *Вашего Величества* мнѣ ввѣренному.

Въ образованіи народномъ, въ этой многосложной вѣтви государственнаго управленія, гдѣ цѣль, къ которой стремиться должно, поставлена такъ высоко и отдаленно, гдѣ всѣ начинанія и дѣйствія, по самому свойству вещей, созрѣваютъ медленно и требуютъ терпѣливости неизмѣнной, было бы неосторожно стремиться впередъ, не обращая взоры назадъ и не соображая прошедшаго съ будущимъ. Чѣмъ позднѣе достигаются послѣдніе и окончательные результаты, чѣмъ необходимѣе безпристрастнымъ изслѣдованіемъ пріобрѣтенныхъ выгодъ, равно какъ и встрѣченныхъ неудачъ, убѣждаться въ правильности избраннаго пути и подкрѣплять надежды на приближеніе къ метѣ далекой, почти невидимой.

Всеподданнѣйше представляя В. И. В. обзоръ послѣдняго десятилѣтія Мин. Нар. Пр., я не рѣшаюсь, или, лучше сказать, я не считаю себя въ правѣ вступительно изобразить положеніе министерства въ то время, когда В. В. благоугодно было возложить на меня это важное и трудное управленіе. Да будетъ мнѣ позволено начать это изложеніе тѣмъ днемъ, въ который, осмотрѣвъ всѣ части, мнѣ ввѣренныя, и обдумавъ всѣ средства, мнѣ открытыя, я удостоился получить отъ В. В. въ главныхъ началахъ наставленіе, которому безпрерывно слѣдовало министерство съ тѣхъ поръ и донынѣ. Этотъ день, незабвенный для министерства и для меня, — есть 19 ноября 1833 года.

Углубляясь въ разсмотрѣніе задачи, которую предлежало разрѣшить безъ отлагательства, задачи, тѣсно связанной съ самою судьбою отечества,— независимо отъ внутреннихъ и мѣстныхъ трудностей этого дѣла, разумъ невольно почти предавался унынію и колебался въ своихъ заключеніяхъ при видѣ общественной бури, въ то время потрясающей Европу, и которой отголосокъ, слабѣе или сильнѣе, достигалъ и до насъ, угрожая опасностью. Посреди быстраго паденія религіозныхъ и гражданскихъ учрежденій въ Европѣ, при повсемѣстномъ распространеніи разрушительныхъ понятій, въ виду печальныхъ явленій, окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ, надлежало укрѣпить отечество на твердыхъ основаніяхъ, на коихъ зиждется благоденствіе, сила и жизнь народная; найти начала, составляющія отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащія; собрать въ одно цѣлое

---

[1]) Изъ книги «Десятилѣтіе М. Н. Пр. 1833—1843», СПБ. 1864, стр. 1—4 и 106—108.

священные останки ея народности и на нихъ укрѣпить якорь нашего спасенія. Къ счастью, Россія сохранила теплую вѣру въ спасительныя начала, безъ коихъ она не можетъ благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный къ церкви отцовъ своихъ, русскій искони взиралъ на нее, какъ на залогъ счастія общественнаго и семейственнаго. Безъ любви къ вѣрѣ предковъ, народъ, какъ и частный человѣкъ, долженъ погибнуть. Русскій, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного изъ догматовъ нашего *православія*, сколь и на похищеніе одного перла изъ вѣнца Мономахова. *Самодержавіе* составляетъ главное условіе политическаго существованія Россіи. Русскій колоссъ упирается на немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ своего величія. Эту истину чувствуетъ неисчислимое большинство подданныхъ В. В.: они чувствуютъ ее въ полной мѣрѣ, хотя и поставлены на разныхъ степеняхъ гражданской жизни и различествуютъ въ просвѣщеніи и въ отношеніяхъ къ правительству. Спасительное убѣжденіе, если Россія живетъ и охраняется духомъ самодержавія сильнаго, человѣколюбиваго, просвѣщеннаго, должно проникать народное воспитаніе и съ нимъ развиваться. Наряду съ сими двумя національными началами, находится и третье, не менѣе важное, не менѣе сильное: *народность*. Вопросъ о народности не имѣетъ того единства, какъ предыдущіе; но тотъ и другой проистекаютъ изъ одного источника и связуются на каждой страницѣ русскаго царства. Относительно къ народности все затрудненіе заключалось въ соглашеніи древнихъ и новыхъ понятій; но народность не заставляетъ идти назадъ или останавливаться; она не требуетъ *неподвижности* въ идеяхъ. Государственный составъ, подобно человѣческому тѣлу, перемѣняетъ наружный видъ свой по мѣрѣ возраста: черты измѣняются съ лѣтами, но физіономія измѣняться не должна. Неумѣстно было бы противиться этому періодическому ходу вещей; довольно, если мы сохранимъ неприкосновеннымъ святилище нашихъ народныхъ понятій; если примемъ ихъ за основную мысль правительства, особенно въ отношеніи къ отечественному воспитанію.

Вотъ тѣ главныя начала, которыя надлежало включить въ систему общественнаго образованія, чтобы она соединяла всѣ выгоды нашего времени съ преданіями прошедшаго и надеждами будущаго: чтобы народное воспитаніе соотвѣтствовало нашему порядку вещей и было бы не чуждо европейскаго духа. Просвѣщеніе настоящаго и будущаго поколѣній въ соединенномъ духѣ этихъ трехъ началъ составляетъ безсомнѣнно одну изъ лучшихъ надеждъ и главнѣйшихъ потребностей времени и тотъ священный трудъ, который довѣренность В. В. возложила на мое усердіе и рвеніе.

Изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими; исцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпого, необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и иноземному, распространяя въ юныхъ душахъ радушное уваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только приноровленіе общаго, всемірнаго просвѣщенія къ нашему народ-

ному быту, къ нашему народному духу, можетъ принесть истинные плоды всѣмъ и каждому; потомъ обнять вѣрнымъ взглядомъ огромное поприще, открытое предъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностью всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ историческія данныя, которыя стекаются въ обширный составъ имперіи, обратить сіи развивающіеся элементы и пробужденныя силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ, искать этого знаменателя въ тройственномъ понятіи *православія, самодержавія и народности*—такова была цѣль, къ коей Мин. Нар. Пр. приближалось десять лѣтъ; таковъ планъ, коему я слѣдовалъ во всѣхъ моихъ распоряженіяхъ.

Естественно, что направленіе, данное В. В. министерству, и его тройственная формула—должны были возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ него все, что носило еще отпечатокъ *либеральныхъ* и *мистическихъ* идей; *либеральныхъ*—ибо министерство, провозглашая *самодержавіе*, заявило твердое намѣреніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому началу, во всемъ его объемѣ; *мистическая* потому, что выраженіе—*православіе*—довольно ясно обнаружило стремленіе министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленіе отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій церкви. Наконецъ, и слово *народность* возбуждало въ недоброжелателяхъ чувство непріязненное за смѣлое утвержденіе, что министерство считало Россію возмужалою и достойною идти не *позади*, а, по крайней мѣрѣ, *рядомъ* съ прочими европейскими національностями. Если бы нужно было еще ближе увѣриться въ справедливости избранныхъ началъ, то это удостовѣреніе можно было бы найти и въ порицаніи ихъ противниками величія Россіи, и въ общемъ, радостномъ сочувствіи, съ коимъ эти завѣтныя слова были приняты въ отечествѣ всѣми приверженцами существующаго порядка. Въ царствованіе В. В. главная задача по Мин. Нар. Пр. состояла въ томъ, чтобы собрать и соединить въ рукахъ правительства всѣ умственныя силы, дотолѣ раздробленныя, всѣ средства общаго и частнаго образованія, оставшіяся безъ уваженія и частію безъ надзора, всѣ элементы, принявшіе направленіе неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитіе умовъ потребностямъ государства, обезпечить, сколько дано человѣческому размышленію, будущее въ настоящемъ. Послѣ десятилѣтняго періода можно безошибочно сказать, что начала, избранныя В. В. и управлявшія безпрерывно, подъ моимъ руководствомъ Мин. Нар. Пр., выдержали опытъ времени и обстоятельствъ, явили въ себѣ залогъ безопасности, оплотъ порядка и вѣрное врачеваніе случайныхъ недуговъ.

Представляя В. И. В. этотъ очеркъ исторіи ввѣреннаго мнѣ Министерства въ теченіе десяти лѣтъ, я имѣлъ преимущественно въ виду утвердиться въ мысли, что это десятилѣтіе протекло не безъ замѣтныхъ слѣдовъ, и что усердіемъ лицъ, принадлежащихъ къ министерству, достигнуто нѣсколько результатовъ утѣшительныхъ для всѣхъ и каждаго и оправдывающихъ неусыпное попеченіе В. В. о сей важной вѣтви государственнаго управленія.

Сверхъ того, нахожу себя обязаннымъ оставить на будущее время неоспоримое свидѣтельство, что лица, коимъ В. В. поручили, подъ Вашимъ наблюденіемъ, распоряженіе этою частію управленія, руководствовались не слѣпымъ подражаніемъ иноземному, не измѣнчивымъ проявленіямъ той или другой мысли, еще менѣе прихотливою оцѣнкою случайныхъ событій; но раціонально, твердо и неотступно покоряясь во всѣхъ движеніяхъ кореннымъ началамъ, стремились ежедневно ближе и ближе къ цѣли, систематически опредѣленной.

Въ заключеніе всеподданнѣйше осмѣливаюсь съ умиленіемъ выразить предъ В. В., что я считаю себя, въ полномъ значеніи слова, счастливымъ, что удостоился быть, въ продолженіе 10-ти лѣтъ, орудіемъ Вашихъ высокихъ видовъ, исполненіе коихъ не могло бы имѣть успѣха, если бы безпрерывное вниманіе В. И. В., Вашъ опытный взглядъ, Ваше драгоцѣнное, никогда неизмѣняемое довѣріе не осѣняли меня и министерство на каждомъ шагу и во всѣхъ оборотахъ служебной дѣятельности.

Подписано: *Уваровъ.*

IV.

Средняя и высшая школа послѣ 1848 г. [1]).

Вслѣдствіе политическихъ движеній на Западѣ, совершенно чуждыхъ Россіи, въ 1848—49 гг. послѣдовали для русскихъ университетовъ новыя стѣснительныя распоряженія. Уже въ мартѣ 1848 г. воспрещено было отпускать и командировать за границу лицъ, служащихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія [2]). Въ апрѣлѣ 1849 г. ограничено было число своекоштныхъ студентовъ въ университетахъ до 300 человѣкъ, не распространяя этого на медицинскіе факультеты [3]), а въ дерптскомъ университетѣ на медицинскій и богословскій факультеты. При этомъ замѣчено было, что признается полезнымъ, чтобы «дѣти благороднаго сословія» искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной предъ службою гражданской. На сей конецъ имъ открыта возможность поступать въ военно-учебныя заведенія или же прямо въ ряды войскъ, для чего университетское образованіе «*не есть необходимость*». Но студентамъ медицинскаго факультета воспрещено было переходить въ другіе факультеты, и, вообще, пріемъ вновь студентовъ былъ пріостановленъ, пока число ихъ не войдетъ въ положенную норму.

---

1) В. С. Иконниковъ. Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія. *В. Евр.* 1876, ноябрь, стр. 102—109.

2) Сборн. распор., II, 994. Въ 1852 г. запрещено было приглашать иностранныхъ ученыхъ. Сбор. постан. III, 705. Впослѣдствіи (1863) это признавалось причиною упадка дерптскаго университета. Сборн. распор. II, 646.

3) Въ 1854 г. въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ разрѣшено было увеличить это число на 50 человѣкъ (Сбор. постан. III, 1415—16), что, вѣроятно, было вызвано военными событіями, такъ какъ тогда же введено въ университетахъ преподаваніе военныхъ наукъ. Ibid., II, отд. II, 1349. Исключеніе для медиковъ было сдѣлано по причинѣ крайней *потребности* въ нихъ. Сбор. постан. III, 43.

Вслѣдствіе этихъ распоряженій число студентовъ и слушателей, постоянно возраставшее со времени устава 1835 г., въ 1849 г. быстро падаетъ, но въ ближайшее затѣмъ время снова достигаетъ почти такого же размѣра. Этотъ фактъ объясняется только тѣмъ, что большинство предпочитало пойти даже на медицинскій факультетъ, лишь бы только не остаться внѣ университета. Слѣдующая таблица показываетъ это движеніе:

	Университеты:						
Годы.	СПБ.	Московск.	Харьк.	Казанск.	Кіевск.	Дерптск.	Итого.
1836	299	441	332	191	203	536	2002
1847	733	1198	523	368	608	568	3398
1848	731	1168	525	325	663	604	4016
1849	503	902	415	303	579	544	3256
1850	387	821	394	309	553	554	3018
1852	358	861	443	321	522	607	3112
1854	379	1061	457	366	675	613	3551

Такимъ образомъ, означенное ограниченіе было въ сущности не ограниченіемъ числа студентовъ, а направленіемъ ихъ занятій по случайнымъ обстоятельствамъ и постороннимъ наукѣ соображеніямъ. Болѣзненно отразился такой оборотъ дѣлъ на самомъ гр. Уваровѣ. Нервный ударъ, которому онъ подвергся въ сентябрѣ 1849 г., заставилъ его проситься въ отставку. Мѣсто его занялъ князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, бывшій министромъ по день своей смерти (6 мая 1853 г.), когда вступилъ въ министерство д. т. с. А. С. Норовъ († 1858 г.). Въ октябрѣ 1849 г. (когда былъ уволенъ Уваровъ) университеты лишились права избранія ректоровъ. Съ этого времени ректоромъ могъ быть даже посторонній, но имѣющій только ученую степень; избраніе деканов было также ограничено (напр., въ московскомъ университетѣ, вмѣсто избраннаго Грановскаго, былъ назначенъ Шевыревъ); сдѣлано было распоряженіе принимать въ студенты собственно дѣтей дворянъ (янв. 1850 г.) [1]. Право академіи наукъ и университетовъ выписывать изъ-заграницы безъ цензуры книги и періодическія изданія, несмотря на заявленія министра народнаго просвѣщенія, все-таки было ограничено (до 1859 г.). Съ конца 1849 г. прекращено было преподаваніе государственнаго права европейскихъ державъ, которое не преподавалось до настоящаго царствованія (1858 и 1860 г. г.); въ 1850 г. та же участь постигла каѳедру философіи, за исключеніемъ логики и психологіи, чтеніе которыхъ было поручено (во всѣхъ высшихъ заведеніяхъ: университетахъ, главномъ педагогическомъ институтѣ и Ришельевскомъ лицеѣ) профессорамъ богословія, обязаннымъ преподавать ихъ по установленнымъ духовнымъ вѣдомствомъ программамъ, при чемъ даже студенты

[1]) Чтобы такимъ образомъ ограничить приливъ лицъ, пріобрѣтающихъ права посредствомъ высшаго образованія, которыя, какъ говорится въ постановленіи, «не имѣя недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и недовольными настоящимъ порядкомъ вещей, особливо, если не находятъ пищи своему чрезмѣрно возбужденному честолюбію».

православнаго исповѣданія дерптскаго университета обязаны были посѣщать эти лекціи у профессора богословія, тогда какъ для прочихъ исповѣданій ихъ читалъ свѣтскій профессоръ [1]). Вмѣсто *философіи* было введено преподаваніе *педагогіи*, съ цѣлью практическихъ знаній казенныхъ студентовъ, приготовляющихся къ учительскому званію. Самое наблюденіе за преподаваніемъ логики и психологіи въ высшихъ заведеніяхъ было возложено на тѣхъ же наблюдателей духовнаго вѣдомства, которымъ порученъ былъ надзоръ за преподаваніемъ закона Божія (1852) [2]). Но уже съ начала 1850 г. введены были извѣстныя инструкціи ректору и деканамъ, распространенныя и на другія высшія учебныя заведенія (лицей и педагогическій институтъ) и опредѣлявшія систематическій надзоръ за преподаваніемъ. Съ этого времени всѣ преподаватели предъ началомъ курса должны были представлять точныя программы преподаванія съ указаніемъ сочиненій, которыми они будутъ пользоваться. Преподаваніе должно было, съ одной стороны, удовлетворять всѣмъ научнымъ требованіямъ, а съ другой,—цѣлямъ нравственнымъ, «чтобы въ содержаніи программы *не укрылось ничего*, несогласнаго съ ученіемъ православной церкви или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій». Деканы должны были возможно чаще посѣщать лекціи и за малѣйшее отступленіе, *хотя бы то было и безвредное*, доводить о томъ до свѣдѣнія ректора. Послѣ этого надзоръ усиливался, а при повтореніи того же отступленія слѣдовало немедленно принять мѣры къ пресѣченію зла. Надзоръ усиливался наблюденіемъ при испытаніяхъ и повѣркою лекцій профессора въ рукописяхъ. О характерѣ преподаванія представлялись опредѣленные отчеты. За чтеніемъ деканов ъ долженъ наблюдать ректоръ, который самъ *не несетъ* профессорскихъ обязанностей [3]). Въ концѣ 1850 г. послѣдовало слѣдующее циркулярное распоряженіе: «по случаю высочайшихъ замѣчаній на нѣкоторыя изъ печатныхъ диссертацій, написанныхъ для пріобрѣтенія ученыхъ степеней, прошу покорнѣйше сдѣлать распоряженіе, чтобы не только самыя диссертаціи были благонамѣреннаго содержанія, но чтобъ и извлечен-

---

[1]) Сборн. постан. III, 1414—1416. Цѣль исключенія философіи изъ университетскаго преподаванія ясно выражена въ докладѣ кн. Ширинскаго-Шихматова, а именно: «огражденіе отъ мудрованій новѣйшихъ философскихъ системъ». Сначала предполагалось вести преподаваніе ея въ обличительномъ духѣ, но трудность найти способныхъ для того преподавателей заставила совсѣмъ отмѣнить каѳедру. Сборн. постан. III, 444. Въ духовныхъ академіяхъ эта каѳедра продолжала существовать. Но философскій пуризмъ выразился здѣсь еще ранѣе. Такъ, когда вышло (въ 1833 г.) въ Петербургѣ сочиненіе профессора академіи о. Сидонскаго (занимавшаго въ послѣднее время эту же каѳедру въ петербургскомъ университетѣ): «Введеніе въ науку философіи», вызвавшее сочувствіе интересовавшихся этою наукою, то оно навлекло на автора нерасположеніе противнаго но болѣе сильнаго лагеря. Сначала онъ былъ перемѣщенъ съ философіи на франц. яз., а въ 1835 г. и совсѣмъ уволенъ изъ академіи. См. о его трудахъ у Григорьева, 366.

[2]) Сборн. распор. III, 85. Въ это время философскій факультетъ пересталъ называться настоящимъ своимъ именемъ и былъ переименованъ въ историко-филологическій и математическій факультеты. Сборн. постан. II, отд. II, 142—143.

[3]) Еще въ 1847 г. послѣдовала передача харьковскаго учебнаго округа въ завѣдываніе генералъ-губернатора, а въ 1848 г. и кіевскаго. 694—95 и далѣе.

ные изъ нихъ тезисы или предложенія имѣли, при такомъ же направленіи, надлежащую *полноту, опредѣленность и ясность, не допускающія понимать одно и то же предложеніе разнымъ образомъ*; при разсмотрѣніи диссертацій и при наблюденіи за защищеніемъ ихъ не допускать въ смыслѣ одобрительномъ обсужденія началъ, противныхъ нашему государственному устройству». Высшій надзоръ за преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ и программами курсовъ въ университетахъ возложенъ былъ на главное правленіе училищъ, которому предполагалось придать прежнее значеніе. Въ это время возникла даже мысль объ уничтоженіи университетовъ и замѣнѣ ихъ спеціальными школами [1]).

Несмотря на всю потребность въ людяхъ школы, въ распоряженіяхъ этого періода видно постоянное стремленіе аристократизировать науку, распредѣлить знаніе соотвѣтственно состоянію и правамъ лицъ. Это стремленіе, конечно, объясняется тогдашнимъ прикрѣпленіемъ лицъ и состояній къ разъ созданному положенію. Крѣпостное право играло здѣсь важнѣйшую роль. Мы видѣли, что эта мысль постоянно высказывалась въ тогдашнихъ постановленіяхъ; а такъ какъ дворяне средней и высшей статьи неохотно отдавали своихъ дѣтей въ общія гимназіи, то для привлеченія ихъ были созданы благородные пансіоны [2]). Съ другой стороны, вслѣдствіе предшествовавшихъ событій и желанія ограничить воспитаніе русскаго юношества за границею, обнаруживается стремленіе создать на прочныхъ началахъ казенное воспитаніе, которое, по возможности, должно совершенно вытѣснить частное [3]). Но, съ другой стороны, лишь только обнаружился приливъ въ учебныя заведенія, какъ является стремленіе (1845) ограничить доступъ въ высшія и среднія заведенія посредствомъ повышенія платы за ученіе. Плата за ученіе для приходящихъ впервые появилась въ 1817 году и нѣсколько разъ измѣнялась. Въ это время въ столичныхъ университетахъ платили по 28 р. 57 к. и по 14 р. 28 к. въ провинціальныхъ. Впервые плата была повышена въ 1845 г. (40 и 20 р.), при томъ, какъ сказано, вовсе не по экономическимъ соображеніямъ, а чтобы ограничить «*роскошь знаній*» и «удержать стремленіе юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій». До настоящей цифры она была возвышена въ 1848 г. Среднія и остальныя высшія учебныя заведенія также подверглись измѣненіямъ въ теченіе этого времени. Другимъ средствомъ противъ прилива учащихся въ среднія и высшія заведенія было требованіе еще до поступленія увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ обществъ, что тогда соединялось съ значительными затрудненіями [4]).

[1]) См. замѣч. на проектъ устава универ. 1863, I, 355; II, 156, 158.

[2]) Даже дѣтей духовнаго званія воспрещалось принимать въ эти пансіоны. Сборн. распор. II, 842.

[3]) Разрѣшеніе частныхъ училищъ допускалось только въ крайнихъ случаяхъ. Сборн. распор. II, 99 (годъ 1835), при чемъ воспрещалось отступать отъ признанныхъ руководствъ. Ibid., 100.

[4]) Ibid., 498, 864. Сборн. распор. II, 733. Вольноотпущенные могли поступать въ университетъ, приписавшись сначала къ какому-нибудь обществу, а потомъ получивъ

Въ 1849 г. (марта 11) въ курсѣ гимназій было допущено раздѣленіе на общее и спеціальное обученіе, начинавшееся съ 4-го класса, при чемъ только желающіе поступить въ университетъ обязаны были учиться латинскому (всѣ) и греческому (для филологическаго факультета) языкамъ (обоимъ съ 4 класса), а для заявившихъ желаніе поступить прямо на службу обязательны были общіе предметы и законовѣдѣніе [1]).

Въ октябрѣ 1851 года послѣдовалъ запросъ министру народнаго просвѣщенія такого рода: «не полагаетъ ли онъ такъ же, какъ Его Величество, что преподаваніе греческаго языка во всѣхъ гимназіяхъ совершенно лишнее?» Князь Ширинскій-Шихматовъ представилъ докладъ въ этомъ смыслѣ, ссылаясь на личный опытъ, при обозрѣніи гимназій. При этомъ онъ указывалъ на то обстоятельство, что до сихъ поръ изъ 74 гимназій греческій языкъ преподается только въ 45 [2]). Преподаваніе его положено было оставить только въ университетскихъ гимназіяхъ (по одной) и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Всѣ эти преобразованія не коснулись, однако, дерптскаго округа. Преподаваніе греческаго языка было замѣнено естественными науками, которыя были признаны имѣющими современный интересъ. Но что далеко не эта цѣль преобладала въ замѣнѣ одного предмета другимъ, это очевидно изъ того же доклада: «по мнѣнію моему,—говорится въ немъ,—съ допущеніемъ этой мѣры не только довершилась бы полнота образованія учениковъ, намѣревающихся прямо изъ гимназій поступить въ гражданскую службу, но и ощутительно облегчилось бы подробное и основательное изученіе естественныхъ наукъ для студентовъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ, о чемъ неоднократно и убѣдительно просили меня профессора естественныхъ наукъ» [3]). Безъ сомнѣнія, въ этой пригодности естественныхъ наукъ для службы имѣлась въ виду та же цѣль, т. е., необходимость сократить «необдуманное» стремленіе молодыхъ людей въ универ-

---

отъ него увольненіе. Сборн. распор., II, 882. Отъ раскольниковъ въ 1850 г., при поступленіи въ университеты и гимназіи, требовалось присоединеніе къ православію. Въ концѣ же 1852 г. былъ возбужденъ вопросъ по распространенію этихъ мѣръ на всѣ училища; но возраженія, сдѣланныя остзейскимъ ген.-губ., кн. Суворовымъ, и ген.-ад. Бибиковымъ, заявившими, что образованіе есть лучшее средство къ искорененію фанатическихъ заблужденій, взяли верхъ, и постановленіе не состоялось. Сборн. распор., III, 124—125.

1) Ibid., 864—66. Разрѣшеніе не экзаменоваться изъ греческаго яз. поступающимъ на математическій факультетъ послѣдовало еще въ 1845 г. Сборн. распор. II, 785. Въ 1847 г. въ московской гимназіи посѣщеніе уроковъ естественныхъ наукъ или греческаго яз. было предоставлено на выборъ. Сборн. распор. II, 933.

2) Большинство гимназій по уставу 1828 г. было преобразовано въ 1833—1834 г.г., но нѣкоторыя только въ 1836 г. О характерѣ преподаванія въ тогдашнихъ гимназіяхъ см. воспоминанія Погодина «Вѣстн. Евр.» 1868 г., августъ, и воспоминанія Аѳанасьева «Русс. Арх.» 1872 г. I, 805—852.

3) Сборн. постан. II, отд. II, 1103—1104. Воспитанники главн. педагогическаго института, предназначавшіеся быть учителями въ Царствѣ Польскомъ, вовсе освобождались отъ греческой словесности и обязаны были изучать, вмѣсто нея, польскій языкъ. Сборн. постан. II, отд. II, 1105.

ситеты. Въ то время, когда дерптскій округъ признавался вполнѣ пригоднымъ для приготовленія настоящихъ филологовъ, въ слѣдующемъ году сдѣлано было такое распоряженіе: «не сомнѣваясь въ существенной пользѣ, которая произойдетъ отъ направленія этого предмета (греческаго языка) къ прямой цѣли своей—основательному изученію твореній эллинскихъ писателей *и въ особенности святыхъ отцевъ восточной церкви*, министръ народнаго просвѣщенія обратилъ вниманіе на возможное усовершенствованіе преподаванія греческаго языка, при чемъ не могъ упустить изъ виду и правильности произношенія, а потому всеподданнѣйше испрашивалъ соизволенія Его Императорскаго Величества, чтобы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, при преподаваніи греческаго языка, употребляемо было произношеніе природныхъ грековъ (Рейхлина), принятое *въ нашихъ православныхъ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ*» [1]).

Но тенденціозность проводимыхъ мѣръ еще болѣе видна изъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ это время заявляется стремленіе со стороны самихъ педагоговъ передѣлать всеобщую исторію на новый ладъ, напримѣръ, опустить въ учебникахъ всю греческую и римскую исторію до временъ Августа. Греческая и римская исторія, написанная языческими или республиканскими писателями, каковы: Геродотъ, Ѳукидидъ, Титъ Ливій и Тацитъ, по мнѣнію ихъ, должна была оказывать вредное вліяніе на юные умы. Учебникъ всеобщей исторіи долженъ былъ быть написанъ въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія. Слабыя стороны этой программы были указаны тогда же Грановскимъ [2]).

Заявляли о приливѣ молодыхъ людей въ гимназіи и университеты; но въ дѣйствительности и гимназіи далеки были отъ этого идеала. Изъ статистическихъ данныхъ оказывается, что число учениковъ въ имперіи постоянно увеличивалось съ 1836—1847 г., и въ этомъ году достигло уже цифры свыше 20,000; но въ слѣдующія восемь лѣтъ оно замѣтно уменьшается и въ 1855 г. падаетъ до цифры 17,817. Въ 1836 г. среднее число учениковъ было 227 на гимназію; но были гимназіи съ гораздо меньшимъ числомъ учениковъ, большинство которыхъ приходилось только на нѣкоторыя губерніи (С.-Петербургскую, Московскую и западныя). Вообще въ это время въ Россіи оказывается: 1 гимназія на 349,000 жителей и 1 учащійся на 1,000 жителей (мужск. пола); тогда какъ въ Бельгіи 1 на 230,000 (1 на 766); во Франціи 1 на 239,000 (1 на 616); въ Италіи 1 на 32,100 (1 на 520); въ Пруссіи 1 на 62,900 (1 на 214). Но изъ указаннаго числа учениковъ въ русскихъ гимназіяхъ по позднѣйшимъ даннымъ (1863) только $^1/_{18}$ достигала высшаго класса. Въ 1843 г. по сословіямъ въ 51 гимназіи ученики распредѣлялись такъ: 10,066 дѣтей дворянъ и чиновниковъ; 218—духовнаго званія; 2,500—податного состоянія. Въ 1853 г. (въ 58 гим-

---

[1]) Ibid. 1147.

[2]) «Вѣстн. Евр.», 1866 г. III, педагог. хроника; 14. Біографія Грановскаго 244—249.

назіяхъ) было: дворянъ и дѣтей чиновниковъ — 12,007; духовнаго званія — 343; податного состоянія—2,719 (православныхъ—7,884; католиковъ—3,571; протестантовъ — 1,020; евреевъ—155; магометанъ—23). По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ въ гимназіяхъ не было занято служебныхъ мѣстъ—2,337. Болѣе $^1/_3$ директоровъ (изъ свѣдѣній, имѣвшихся въ министерствѣ о 337 директорахъ) не имѣли вовсе степеней; изъ 351 инспектора безъ степеней было 72. Бывали случаи, что мѣста учителей не были заняты въ теченіе 32, 27, 11, 8 и весьма часто 5 и 6 лѣтъ. На 3,956 учителей $37^1/_2{}^0/_0$ не имѣли ученой степени.

Къ концу настоящаго періода обнаруживается полная дезорганизація учебной системы. «Гимназіи потеряли подъ собою классическую почву и не пріобрѣли вмѣсто нея реальной (при введеніи естественныхъ наукъ оказался полный недостатокъ руководствъ, а потому министерство должно было заказать составить). Онѣ перестали быть общеобразовательными заведеніями и не сдѣлались спеціальными. Съ одной стороны, молодые люди, получившіе въ нихъ окончательное образованіе, выносили только отрывчатыя и бо́льшею частью безполезныя въ жизни свѣдѣнія; съ другой стороны, гимназіи плохо подготовляли своихъ учениковъ къ университетамъ, слѣдствіемъ чего, по отзыву многихъ профессоровъ, былъ упадокъ научнаго уровня университетскаго преподаванія» [1]).

Напрасно полагаютъ, что въ 1860-хъ годахъ началось противодѣйствіе классическому образованію. Въ это время оно уже почти не существовало. Между тѣмъ о поднятіи уровня этого образованія не разъ заявляется въ статьяхъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за эти годы. Но естественныя науки сдѣлали значительные успѣхи въ періодъ пренебреженія ими въ Россіи; отсюда стремленіе дать имъ надлежащее мѣсто въ общей системѣ.

Безъ сомнѣнія, причиною общаго упадка средняго образованія, а за нимъ и высшаго была постоянная тенденціозность въ образовательныхъ системахъ. Оттого онѣ не имѣли въ себѣ строго-научнаго характера и, если можно такъ выразиться, нравственной силы. Руководимыя посторонними цѣлями и создаваемыя въ эпохи политическихъ перемѣнъ, онѣ падали при первомъ прикосновеніи новаго духа времени. Таковъ историческій выводъ изъ всего предыдущаго развитія нашей школы.

---

[1]) «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1864 г. февраль. Статист. свѣдѣнія о русскихъ гимназіяхъ, Сборн. распор. III, 127. Сошлемся на свидѣтельство Погодина: «Наступилъ 1848 г. Вдругъ слышу я о новомъ преобразованіи въ гимназіяхъ, т. е., объ ограниченіи латинск. языка, изгнаніи греческаго и введеніи естественной исторіи и законовѣдѣнія. Какъ и черезъ кого возникла эта мысль, добраться я не могъ; скажу только, что она появилась *иначе соображенная*, нежели какъ я предполагалъ, безъ всякихъ руководствъ, на руки молодымъ кандидатамъ, которые не имѣли понятія о преподаваніи... Классическому образованію нанесенъ былъ значительный вредъ, а реальному не принесло никакой пользы». Воспомин. Погодина, «Вѣстн. Евр.» 1868 г, авг. 618—19.

ГЛАВА VIII.

Третье Отдѣленіе.

I.

Проектъ г. А. Бенкендорфа объ устройствѣ высшей полиціи[1]).

«Событія 14-го декабря и страшный заговоръ, подготовлявшій уже болѣе 10 лѣтъ эти событія, вполнѣ доказываютъ ничтожество нашей полиціи и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному какъ можно быстрѣе въ исполненіе.

Тайная полиція почти немыслима, честные люди боятся ея, а бездѣльники легко осваиваются съ нею.

Вскрытіе корреспонденціи составляетъ одно изъ средствъ тайной полиціи и при томъ самое лучшее, такъ какъ оно дѣйствуетъ постоянно и обнимаетъ всѣ пункты имперіи. Для этого нужно лишь имѣть въ нѣкоторыхъ городахъ почтмейстеровъ, извѣстныхъ своею честностью и усердіемъ. Такими пунктами являются Петербургъ, Москва, Кіевъ, Вильна, Рига, Харьковъ, Одесса, Казань и Тобольскъ.

Для того, чтобы полиція была хороша и обнимала всѣ пункты имперіи, необходимо, чтобы она подчинялась системѣ строгой централизаціи, чтобы ея боялись и уважали, и чтобы уваженіе это было внушено нравственными качествами ея главнаго начальника.

Онъ долженъ бы носить званіе министра полиціи и инспектора корпуса жандармовъ въ столицѣ и въ провинціи. Одно это званіе дало бы ему возможность пользоваться мнѣніями честныхъ людей, которые пожелали бы предупредить правительство о какомъ-нибудь заговорѣ или сообщить ему какія-нибудь интересныя новости. Злодѣи, интриганы и люди недалекіе, раскаявшись въ своихъ ошибкахъ или стараясь искупить свою вину доносомъ, будутъ, по крайней мѣрѣ, знать, куда имъ обратиться. Къ этому начальнику стекались бы свѣдѣнія отъ всѣхъ жандармскихъ офицеровъ, разсѣянныхъ во всѣхъ городахъ Россіи и во всѣхъ частяхъ войска: это дало бы возможность замѣстить на эти мѣста людей честныхъ и способныхъ, которые часто брезгаютъ ролью тайныхъ шпіоновъ, но, нося мундиръ, какъ чиновники правительства, считаютъ долгомъ ревностно исполнять эту обязанность.

Чины, кресты, благодарность служатъ для офицера лучшимъ поощреніемъ, нежели денежныя награды, но для тайныхъ агентовъ не имѣютъ такого значенія, и они нерѣдко служатъ шпіонами за и противъ правитель-

---

[1]) *Русск. Стар.* 1900, декабрь.

ства. Министру полиціи придется путешествовать ежегодно, бывать время отъ времени на большихъ ярмаркахъ, при заключеніи контрактовъ, гдѣ ему легче пріобрѣсти нужныя связи и склонить на свою сторону людей, стремящихся къ наживѣ.

Его проницательность подскажетъ ему, что не слѣдуетъ особенно довѣрять кому бы то ни было. Даже правитель канцеляріи его не долженъ знать всѣхъ служащихъ у него и агентовъ.

Личная выгода и опасеніе лишиться чрезвычайно доходнаго мѣста будутъ ручательствомъ въ вѣрности этого правителя канцеляріи относительно тѣхъ дѣлъ, которыя должны быть извѣстны ему.

Гражданскіе и военные министры и даже частныя лица встрѣтятъ поддержку и помощь со стороны полиціи, организованной въ этомъ смыслѣ.

Полиція эта должна употребить всевозможныя старанія, чтобы пріобрѣсти нравственную силу, которая во всякомъ дѣлѣ служитъ лучшей гарантіей успѣха. Всякій порядочный человѣкъ сознаетъ необходимость бдительной полиціи, охраняющей спокойствіе общества и предупреждающей безпорядки и преступленія. Но всякій опасается полиціи, опирающейся на доносы и интриги.

Первая—внушаетъ честнымъ людямъ безопасность, вторая же — пугаетъ ихъ и удаляетъ отъ престола.

Итакъ, первое и важнѣйшее впечатлѣніе, произведенное на публику этой полиціей, будетъ зависѣть отъ выбора министра и отъ организаціи самаго министерства; судя по нимъ, общество составитъ себѣ понятіе о самой полиціи.

Рѣшивъ это дѣло въ принципѣ, нужно будетъ составить проектъ, который по своей важности не можетъ быть составленъ поспѣшно, но долженъ быть результатомъ зрѣлаго обсужденія, многихъ попытокъ и даже результатомъ самой практики».

12-го апрѣля 1826 года записка эта, несомнѣнно послужившая къ образованію III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, была препровождена къ графу П. А. Толстому съ тѣмъ, чтобы онъ по разсмотрѣніи возвратилъ ее въ собственныя Его Величества руки съ своимъ мнѣніемъ.

II.

Письма М. М. Фока къ А. Х. Бенкендорфу [1]).

(Переводъ съ французскаго).

17-го іюля 1826 года [2]). С.-Петербургъ.

Ваше превосходительство, вѣроятно, позволите мнѣ писать вамъ, не придерживаясь формы и принятаго порядка, писать все, что придетъ мнѣ въ голову.

---

[1]) *Рус. Стар.* 1881, сентябрь.

[2]) Дворъ въ это время, въ ожиданіи коронаціи, былъ въ Москвѣ, гдѣ находился и генералъ Бенкендорфъ.

Г. *Нефедьевъ* имѣетъ деревню подъ Москвой, гдѣ ему необходимо быть по домашнимъ обстоятельствамъ. Это очень благопріятно для нашего дѣла. Съ этимъ господиномъ не знаешь никакихъ затрудненій: ни жалованья, ни расходовъ. Услуги, которыя онъ можетъ оказать намъ, будутъ очень важны, вслѣдствіе его связей въ высшемъ и среднемъ обществахъ Москвы. Это будетъ ходячая энциклопедія, къ которой всегда будетъ удобно обращаться за свѣдѣніями относительно всего, что касается надзора. Причины отъѣзда Нефедьева двѣ: личныя дѣла, требующія присутствія его въ Москвѣ, и желаніе отдѣлаться отъ возлагаемой на него обязанности, которая можетъ завести его слишкомъ далеко. Онъ состоитъ по особымъ порученіямъ при г. *Кутузовѣ*, который желаетъ поручить ему ревизію гражданской палаты, за что тому противно взяться. Нефедьевъ—статскій совѣтникъ и имѣетъ орденъ св. Владиміра 3-го класса; онъ честолюбивъ и жаждетъ почестей. Къ переводу Нефедьева не встрѣчается никакихъ препятствій; полезность же этой мѣры бросается въ глаза.

Еще одна личность представляетъ для насъ явную выгоду. Графъ Левъ *Соллогубъ*, о которомъ я неоднократно говорилъ вашему превосходительству,—можетъ принести намъ большую пользу въ Москвѣ, посредствомъ своего брата и своихъ родныхъ. Съ этимъ человѣкомъ также—никакого жалованья, никакихъ расходовъ. Предлогъ къ пребыванію его въ Москвѣ уже найденъ: дѣло, отъ котораго зависитъ опредѣленіе его положенія, будетъ рѣшаться комитетомъ министровъ. Онъ ждетъ только согласія вашего превосходительства, чтобы безотлагательно пуститься въ путь. Предложеніе его — дѣйствовать заодно съ «надзоромъ», цѣль же — быть покровительствуемымъ во всемъ, что касается веденія интересующаго его дѣла. Графъ—человѣкъ скромный и способный выполнять даваемыя ему порученія; по переводѣ же его въ корпусъ жандармовъ онъ можетъ приносить дѣйствительную пользу.

Возвращаюсь снова къ вопросу о *Нефедьевѣ*. У него домъ въ Москвѣ и подмосковная деревня; короткія связи почти со всѣми жителями столицы, гдѣ онъ не разъ живалъ по-долгу, такъ что, по пріѣздѣ въ Москву, ему не надо будетъ устраивать домъ и заводить знакомства, а стоитъ только начать дѣлать пріемы. Сообщеніе біографій разныхъ лицъ и донесенія о настоящемъ положеніи вещей и людей, о полиціи и мѣстныхъ властяхъ,—однимъ словомъ, обо всемъ, что можетъ интересовать «надзоръ», могутъ быть сдѣланы Нефедьевымъ тотчасъ же по прибытіи въ Москву, со всѣми подробностями, для чего ему не надо ни съ кѣмъ совѣтоваться, кромѣ своего собственнаго архива. Здѣсь ему хотятъ поручить ревизію гражданской палаты. Разъ начавъ это дѣло,—онъ зайдетъ слишкомъ далеко. Вотъ, почему необходимо безотлагательно пристроить его къ надзору, что не встрѣтитъ затрудненій, такъ какъ, не имѣя опредѣленныхъ занятій, ему не въ чемъ будетъ отдавать отчетъ: онъ состоитъ сверхштатнымъ чиновникомъ по особеннымъ порученіямъ, по волѣ покойнаго Государя, и преемникъ этого послѣдняго можетъ дать ему другое назначеніе, не нарушая никакихъ формъ.

Представляя вышеизложенное на усмотрѣніе вашего превосходительства, буду ожидать вашего распоряженія.

9 августа 1826 года.

Слухъ о сборищахъ у вдовы *Рылѣевой*, о которомъ я упоминалъ въ предшествовавшихъ моихъ письмахъ, вызванъ былъ слѣдующимъ фактомъ, удостовѣряемымъ офиціальнымъ донесеніемъ по сему предмету. Г-жа *Малютина*, узнавъ, что вдова Рылѣева уѣзжаетъ въ Пензу, обратилась къ военному губернатору съ просьбой о возвращеніи ей бумагъ, касающихся опеки ея дѣтей, опекуномъ которыхъ былъ покойный Рылѣевъ. Вслѣдствіе этого, полицейскій офицеръ, въ сопровожденіи повѣреннаго Малютиной, коллежскаго ассесора *Сутгова*, отправился къ Рылѣевой за означенными бумагами. Это-то обстоятельство и подало поводъ говорить о сборищахъ. Старая корга *Миклашева*, вовлекшая въ несчастіе нѣкоего *Жандра*, своимъ змѣинымъ языкомъ распускала эти слухи.

Между дамами, двѣ самыя непримиримыя и всегда готовыя разрывать на части правительство,—*княгиня Волконская* и *генеральша Коновницына*. Ихъ частные кружки служатъ средоточіемъ для всѣхъ недовольныхъ, и нѣтъ брани злѣе той, какую онѣ извергаютъ на правительство и его слугъ.

Вотъ эпиграмма на князя *Куракина*, повторяемая во всѣхъ обществахъ и возбуждающая общій смѣхъ, такъ какъ даетъ поводъ къ безконечнымъ комментаріямъ:

«Великъ и славенъ былъ
Куракинъ въ жизни сей!
И подданныхъ морилъ,
И погребалъ царей».

Хочу прибавить нѣсколько общихъ замѣчаній, сдѣланныхъ реформаторами, число которыхъ все увеличивается, хотя, въ большей части случаевъ, они люди весьма благонамѣренные.

«Было бы необходимо установить большее единство во всемъ, что касается исполнительной части. Такимъ образомъ, не ограничивая привилегій, которыми пользуются нѣкоторыя изъ присоединенныхъ къ Имперіи провинцій, можно было бы принять за правило, чтобы всѣ правительственныя распоряженія исполнялись повсюду во всемъ ихъ объемѣ. Но, главное,—необходимо изгнать всякую идею о конституціонномъ правленіи, для чего лучше всего было бы возвращаться, мало-по-малу, къ прежнему порядку вещей. Не лишнимъ было бы также позволить и даже внушить журналистамъ, чтобы они писали объ этомъ предметѣ, выставляя его съ хорошей стороны. Затѣмъ, вѣрное средство парализовать усилія нововводителей, это—сдѣлать ихъ смѣшными; тогда они не могутъ уже имѣть никакого вліянія на умы, слишкомъ жадные ко всякой новинкѣ».

Полиція рѣшилась, наконецъ, арестовать нѣкого *Горецкаго*, за которымъ мы слѣдили уже нѣсколько мѣсяцевъ. Этотъ человѣкъ проживалъ здѣсь болѣе шести лѣтъ безъ всякаго паспорта или какого-либо иного

вида, и на дняхъ собирался бѣжать. Полиція нашла также необходимымъ обратить вниманіе на *Мордвинова*, который долженъ быть высланъ отсюда сегодня или завтра.

10 августа 1826 г.

Я долженъ поговорить съ вашимъ превосходительствомъ объ одномъ обстоятельствѣ, настолько же нелѣпомъ, какъ и непріятномъ во многихъ отношеніяхъ.

Полиція отдала приказаніе слѣдить за моими дѣйствіями и за дѣйствіями органовъ надзора. Полицейскіе чиновники, переодѣтые во фраки, бродятъ около маленькаго домика, занимаемаго мною, и наблюдаютъ за тѣми, кто ко мнѣ приходитъ. Положимъ, что мои дѣйствія не боятся дневного свѣта, но изъ этого вытекаетъ большое зло: *Надзоръ, дѣлаясь самъ предметомъ надзора, вопреки всякому смыслу и справедливости* [1],—непремѣнно долженъ потерять въ томъ уваженіи, какое ему обязаны оказывать въ интересѣ успѣха его дѣйствій.

Употребляемые полиціей сыщики разглашаютъ дѣло, и имъ это не запрещается. Я предупредилъ объ этомъ г. *Дершау*, но онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не знаетъ. Можно контролировать мои дѣйствія,—я ничего противъ этого не имѣю, даже былъ бы готовъ одобрить это,—но посылать подсматривать за мною и за навѣщающими меня лицами такихъ болвановъ, на которыхъ всѣ уличные мальчишки указываютъ пальцами,—это слишкомъ ужъ непослѣдовательно, чтобы не сказать болѣе.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что *Фогель* и его сподвижники составляютъ и ежедневно представляютъ военному губернатору рапортички о томъ, что дѣлаютъ и говорятъ нѣкоторые изъ моихъ агентовъ. Это, положимъ, въ порядкѣ вещей; но смѣю надѣяться, что экспромтамъ этимъ не прежде повѣрятъ, какъ убѣдившись, сначала, въ ихъ справедливости. Тяжелый опытъ сдѣлалъ меня, быть можетъ, слишкомъ осторожнымъ,—но я долженъ быть такимъ для пользы дѣла.

Вотъ еще нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ въ разныхъ кружкахъ, и которыя могутъ служить оправданіемъ моихъ опасеній.

«Государь въ особенности заявилъ себя противъ всякихъ двусмысленныхъ или извилистыхъ дѣйствій; это фактъ, хорошо извѣстный; между тѣмъ встрѣчаются люди, пытающіеся противиться развитію полезныхъ мѣръ, которыя должны содѣйствовать къ улучшенію порядка управленія и къ устройству его на прочныхъ основаніяхъ. Самое большое зло, представляющееся правительству,—это—эгоизмъ должностныхъ лицъ и жажда всюду первенствовать. Они не могли бы, конечно, достигнуть этой цѣли, если бы не имѣли своихъ приверженцевъ, которые стараются составить себѣ карьеру, въ ущербъ общественному дѣлу. Начальники не смѣютъ прямо задѣвать

---

[1]) Слова, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты карандашемъ, и противъ нихъ, на поляхъ, написано, карандашемъ же, рукою генер. Бенкендорфа: *надо бы узнать,—самъ ли Фогель это сдѣлалъ, или по приказанію.*

ихъ, не желая ослабить сьою партію, и потому, замѣчая зло, все-таки терпятъ его изъ личныхъ видовъ».

«Личный составъ чиновниковъ долженъ быть избранъ изъ людей не нуждающихся, которые могли бы посвятить себя служенію общественному дѣлу. Увеличеніе издержекъ на содержаніе Двора повлечетъ за собою большіе расходы и поставитъ правительство въ затруднительное положеніе. Надо создать источникъ умноженія доходовъ!.. Увеличить налоги — это средство, къ которому не слѣдуетъ, да и не пожелаютъ обращаться; поэтому придется наверстывать экономіею въ расходахъ. Уменьшеніе военныхъ силъ, съ одной стороны, и повышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ, съ другой,—представляются двумя необходимыми мѣрами для достиженія предположенной цѣли, хотя привести въ исполненіе эти мѣры будетъ нелегко. Увольненіе во временные отпуски части нижнихъ чиновъ, конечно, сдѣлаетъ экономію въ бюджетѣ расходовъ по содержанію арміи; но что дѣлать съ массой офицеровъ, которые останутся безъ всякаго дѣла? Опредѣлить ихъ на гражданскія должности? Но многіе изъ нихъ вовсе не подготовлены къ подобнаго рода дѣятельности. Между тѣмъ, весьма важно дать имъ опредѣленныя занятія, чтобы не создать толпу тунеядцевъ, эту общественную заразу во всякое время, а тѣмъ болѣе при настоящихъ обстоятельствахъ, когда всякій разсуждаетъ, когда всѣ, даже воспитанники учебныхъ заведеніи,—считаютъ себя призванными обсуждать общественныя дѣла»...

Примите увѣренія и проч. *Фокъ.*

III.

Донесенія агента III Отдѣленія изъ Москвы (1848 г.).

1.

Секретно.

Впечатлѣніе, произведенное Манифестомъ, возвѣстившимъ о смутахъ на западѣ Европы, были слезы восторженныхъ русскихъ чувствъ. Я пріѣхалъ въ Дворянскій клубъ въ ту минуту, когда шелъ вопросъ, каждаго тутъ бывшаго, къ пріѣзжающему знакомому: «Читали ли?» «и у насъ есть Манифестъ (ибо слышали предварительно о немъ). Да что жъ вы поопоздали, вотъ одинъ изъ членовъ прекрасно придумалъ, какъ столпились въ газетной, что прочиталъ вслухъ». Слыша это, сильно билось во мнѣ приверженное сердце, я слезливъ въ радости, а совладѣлъ съ моими глазами, чтобъ съ осторожною зоркостью видѣть глаза другихъ, и у многихъ видѣлъ ихъ влажными. Свидѣтельствуюсь Богомъ всемогущимъ, что лесть никогда не управляла ни языкомъ, ни перомъ моимъ; покойный отецъ мой удалилъ отъ души моей это зло; продолжаю писать, какъ истинно видѣлъ, какъ слышалъ; я слышалъ и весьма замѣтно было, что голосъ дребезжалъ въ отзывахъ о Франціи, Австріи и Пруссіи, но когда рѣчь возвращалась къ

Манифесту, рѣчи становились тверды; твердость какъ бы почерпалась изъ самаго Манифеста, онъ такъ всѣмъ былъ по сердцу, какъ будто каждый участвовалъ въ написаніи его. Тутъ услышался отъ кого-то вопросъ: «кто бы писалъ его?» Этотъ вопросъ издавна существуетъ при сильныхъ впечатлѣніяхъ отъ того, что изложеніями получили извѣстность въ 1812 году Шишковъ и прочіе. Я былъ на этотъ разъ превращенъ въ молчаніе, въ слухъ, сердце мое жаждало одного отвѣта и услышался желаемый отвѣтъ: «кому писать это? безъ сомнѣнія Самъ писалъ». Таково было видѣнное мною впечатлѣніе, гдѣ, выражусь просто, каждый росъ душою, чувствовалъ, что онъ русскій, что онъ сынъ Воззвавшаго къ сердцамъ русскихъ—и видно было, что для русскаго сердца небывать иныхъ воззваній, кромѣ Того, чье сердце Помазавшаго Его. Истинно, этотъ Манифестъ былъ утверждающимъ, освящающимъ помазаніемъ сердца.

Такъ истинно, такъ я видѣлъ, я слышалъ.

Не могу при томъ скрыть, переливая въ сердце мое каждое слово Вашего драгоцѣннаго довѣрія и «чтобъ я писалъ со всею откровенностью», чтобъ не доложить, что послѣ послышался при вопросахъ кто бы писалъ? одного какого-то отзывъ: «чай Киселевъ писалъ».—Тонъ этого отзыва, кажется, заключалъ въ себѣ ясную иронію на этого сановника. Безъ сомнѣнія, до Васъ доходило, что дворянство не любитъ его, потомъ слышны были тѣ же отзывы объ Манифестѣ уже не въ клубѣ и слѣдующія слова о Государѣ: «да приласкай онъ Дворянство, такъ Ей Богу все двинется, куда только прикажетъ».

Въ среднемъ сословіи и черни поняли такъ: но лучше употреблю и выраженіе ихъ: «вотъ союзныя Державы отъ насъ отказались, и французъ идетъ на насъ войною»—и поэтому нѣкоторые изъ дворянъ, желающіе умничать (но все съ благонамѣренными сердцами), поумничали въ сужденіяхъ, что Манифестъ прекрасный, но что будто на что было писать его, на что употребить было слово, что дерзость *угрожаетъ* и Россіи, вотъ это слово *угрожаетъ* немногимъ—не понравилось, но и это самое умничество о выраженіи—не выражаетъ ли только пустое умничество, а однако жъ показываетъ русское сердце, если не по уму, то въ чувствахъ.

Я считаю, что лучшіе агенты для чиновника—это добрыя дѣла, коихъ онъ былъ исполнителемъ отъ благодѣтельнаго начальства,—благодарность рѣдка, но неподкупна, когда самъ исполнитель не подкупленъ, вотъ изъ таковыхъ ходитъ ко мнѣ одинъ старикъ-хлѣбникъ (но не мой) Сидоръ, который и къ вамъ хаживалъ; у него большая семья, большая артель; истинно случилось же такъ, что когда я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло, и онъ мнѣ сказалъ: ну, баринъ, спасибо, вѣдь я почти во всѣ трактиры ставлю хлѣбы, такъ если будутъ врать, что всѣ на насъ войной идутъ, я вѣдь не назову тебя, а скажу, что они попусту тревожатся, и войны никакой у насъ нѣтъ; случилось же такъ, что на другой же день вышла газета съ статьею изъ С.-Петербурга, объясняющею точно такъ толки, и этою статьею для народа вообще довольны.

Ни о дерзкихъ, ни о ропотныхъ сужденіяхъ здѣсь нѣтъ слуховъ; вырываются въ гостиныхъ выраженія: не было бы чего?—но слава Богу невидно никакого основанія къ опасеніямъ; утѣшительно то, что не къ русскимъ клонятся предположенія возможностей, а все къ полякамъ. Дай Богъ, чтобъ ничего и не было основательнаго для опасеній, но какіе слухи даже изъ вздорныхъ будутъ позначительнѣе непремину съ неограниченною искренностію доложить.

Здѣсь много говорили и въ гостиныхъ, что графъ Алексѣй Федоровичъ [1]) посланъ въ Вѣну, и такъ утвердительно говорили, что по тамошнимъ смутамъ сердце боялось, пусть хоть и теперь утверждаютъ это, но Ваше милостивое письмо, изъ котораго видно, что графъ въ С.-Петербургѣ, втайнѣ мною хранимое, успокоило приверженнаго.

26-го марта 1828 г., № 8. Москва.

Его Превосходительству Леонтію Васильевичу Дубельту.

2.

Секретно.

По приказаніи Вашемъ отъ 23-го Марта, дозволивъ мнѣ писать неофиціальнымъ письмомъ, Вы какъ будто милостиво угадали: что у меня около глаза сильный ревматизмъ, такой, что сегодня мнѣ поставили шпанскую муху къ затылку, и что я долженъ даже докладывать Вамъ, диктуя моему писарю, въ вѣрности и глубокой скромности коего не имѣю причинъ сомнѣваться.

И пишу къ Вамъ съ неограниченною искренностію, какъ къ отцу родному, прося Васъ нисколько не думать о моей простудѣ и не останавливаться удостаивать меня Вашими приказаніями. И съ больнымъ глазомъ, Господь не лишаетъ меня свѣта душевнаго, и въ ревматизмѣ я пламенно усерденъ въ вѣрноподданнической службѣ и убѣждаю Васъ при поставленной мнѣ шпанской мушкѣ на затылкѣ, никакъ не брить мнѣ затылка отъ Вашего драгоцѣннаго мнѣ довѣрія.—Третьяго дня принесли мнѣ повѣстку о секретномъ пакетѣ, это было воскресенье, и по правиламъ почтъ получить нельзя было—получилъ вчера, а сегодня доношу Вамъ въ отвѣтъ—кажется, нельзя поспѣшнѣе.

Коротенькое, но заключающее въ себѣ важность, приказаніе Ваше, я прочиталъ не разъ и, затаивъ отъ всѣхъ въ душѣ моей тайну вопроса, хотя и былъ тотчасъ готовъ отвѣтствовать Вамъ: что касательно политическихъ въ Европѣ обстоятельствъ, здѣсь благодареніе Господу въ народномъ духѣ ничего дурного не видно и не слышно; но желалъ провѣрить изыскиваемыя мною основательныя свѣденія и поѣхалъ какъ будто пить чай къ здѣшнему Головѣ, богачу и владѣтелю огромной фабрики Лепешкину. Я не балую купцовъ частыми посѣщеніями за ихъ визиты и особенно Лепешкинъ тѣмъ болѣе радъ моимъ пріѣздомъ, и когда нѣтъ никого, бѣседуетъ съ мною довольно искренно.

---

[1]) Орловъ, тогда шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія.

Извлеченіе изъ разговора съ нимъ Вамъ яснѣе покажетъ незамѣтную для хозяина дома провѣрку моихъ свѣденій о духѣ народа. Начало всякаго разговора теперь, чужіе краи—такъ и началось, потомъ онъ *за келью* сталъ говорить о непомѣрной слабости Щербатова къ Лужину [1]), о затрудненіяхъ головы Градскаго, имъ угождать, а потомъ, что прошедшій вторникъ Щербатовъ [2]) присылалъ за нимъ и просилъ его, что какъ до него дошли свѣденія, что будто нѣкоторые фабриканты хотятъ ссылать фабричныхъ, то чтобъ убѣждать ихъ оставить, и чтобъ они не притѣсняли ихъ въ разсчетахъ. Голова въ слѣдствіе этого созвалъ (кажется онъ назвалъ) старостъ, которые имѣютъ вліяніе на фабрики, и они доставили черезъ нѣсколько дней свѣденія, что никто не думаетъ ссылать фабричныхъ, и разсчетовъ притѣснительныхъ нигдѣ нѣтъ. Такъ и доложилъ Лепешкинъ Щербатову, *вразумляя его*: что никто изъ купцовъ не ссылаетъ рабочихъ, а къ Пасхѣ они сами въ свои селенія отходятъ и послѣ Святой, недѣли черезъ двѣ, судя по разливамъ рѣкъ, они опять возвращаются. Лепешкинъ самъ непонимаетъ съ чего Щербатовъ это взялъ, а мнѣ это дало прямой случай взойти съ Головой въ разговоръ о фабричныхъ. Фабричные, говорилъ Лепешкинъ, думали, что будетъ война, но боялись не Французовъ и не войны, а большаго рекрутскаго набора; а теперь, благодаря Бога, что нѣтъ набора, а какъ заслышали о французахъ, то право закипѣли русскимъ духомъ, такъ поговаривая: «вѣдь ужъ было, что у нихъ закружилась голова на руси—такъ видно опять захотѣлось отвѣдать каковы русскіе», и вообще пешкинъ говоритъ, «что *такъ тихи, такъ ведутъ себя, что лучше требовать нельзя*», прибавлю еще что и въ иностранцахъ, магазейнщикахъ и ремесленникахъ, замѣтно не только сожалѣніе, но даже омерзеніе къ переворотамъ, случившимся за границей.

Дай Богъ, чтобъ я и впредь Вамъ могъ докладывать таковыя свѣдѣнія о русскомъ духѣ. Ей Богу, теперь все тихо, *у русскихъ въ душѣ Богъ и Царь* что этаго тверже и верте, что *это здѣсь всему основаніе*. Простите мнѣ мою неограниченную искренность Батюшка Леонтій Васильевичъ, всѣ единогласно отдаютъ цѣну Москвѣ, что при безтолковости Щербатова и неспособности Лужина быть оберъ-полицеймейстеромъ, все держится внутреннею привязанностію къ Царю и личною привязанностію къ Великому Духу Государя. — Батюшка, уладьте, чтобъ Лужина хоть Егермейстеромъ сдѣлали, но дайте на это мѣсто человѣка достойнаго, вѣдь Лужина просто презираютъ, просто говорятъ: чего и ждать отъ него когда его баба била по рожѣ, офицеры говорили ему грубости, и даже купецъ, поставщикъ полиціи дровъ Иванъ Васильевичъ Волковъ ему въ домѣ Щербатова и при Щербатовѣ въ глаза дерзко правду высказалъ, выражаясь именно: «ошибаешься молодой Генералъ». И Лепешкинъ также разсказывалъ это, если Вы объ этомъ другихъ спросите, то помирволятъ, если спросите Лепешкина,

---

[1]) Московскій оберъ-полицеймейстеръ того времени.

[2]) Московскій генералъ-губернаторъ.

скажетъ, какъ купецъ, что онъ и мнѣ неговаривалъ; а напишите ко мнѣ: чтобъ я отъ него попросилъ искренняго свѣдѣнія о состояніи здѣшняго управленія въ отношеніи къ Думѣ, онъ бы отъ меня не отдѣлался чтобъ не написать къ Вамъ, когда бы въ письмѣ ко мнѣ изволили сказать: что это останется въ глубокой тайнѣ, которую и онъ хранить обязанъ — что бы Вы не узнали, особенно, еслибъ молвили объ его умѣ, ибо онъ очень самолюбивъ. Но ни въ какомъ случаѣ не дѣлайте на мѣсто Лужина, здѣшнихъ полиціймейстеровъ, ей Богу, ни одинъ неспособенъ до попробуйте перемѣстить Вашего С.-Петербургскаго въ Москву, а здѣшняго къ Вамъ, тогда ближе разсмотрите.

Повторяю мое всепокорнѣйшее извиненіе, что самъ не пишу, ибо наклонится не могу и лѣвый глазъ опухъ, я и вчера имѣлъ опуколь, но вѣроятно это бросилось къ глазу при возвращеніи вечеромъ отъ Лепешкина, отъ сырости, когда ѣхалъ по мосту черезъ Москву рѣку, которой, ледъ уже прошелъ.

30-го Марта 1848 года. Москва [1]).

IV.

Къ характеристикѣ III Отдѣленія [2]).

Выпускъ 1848 года изъ училища (Правовѣдѣнія) былъ вообще благонадежный и хорошій, но поступившій съ августа 1848 г. въ 1-й классъ, напротивъ, весьма нехорошій тѣмъ, что въ немъ наполовину были неблагонадежные молодые люди и въ религіозномъ, и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ (даже *нигилисты*). И съ этими-то дурными элементами пришлось мнѣ бороться въ 1848—1849 учебномъ курсѣ, подобно тому, какъ императоръ Николай въ то же время боролся съ польскою революціею и внѣ, и внутри Россіи. Внутри ея сугубо усилилось дѣйствіе пресловутаго III отдѣленія, бывшаго въ то время высшаго полицейскаго учрежденія, подъ управленіемъ графа Орлова, но въ сущности генерала Дубельта, души этого отдѣленія. Шпіоны и шпіонство усилились до крайности, и имъ подверглись всѣ учебныя заведенія въ Петербургѣ, въ томъ числѣ и училище правовѣдѣнія. Однако, заговоръ Петрашевскаго въ 1848 г. былъ открытъ не Дубельтомъ, а начальникомъ с.-петербургской сыскной полиціи *Синицынымъ*, и доложенъ императору Николаю не Орловымъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Львомъ Алексѣевичемъ *Перовскимъ*. Открытіе этого заговора еще болѣе усилило шпіонство, особенно со стороны Дубельта и III-го отдѣленія. Вотъ въ какое положеніе я попался по назначеніи меня директоромъ училища правовѣдѣнія. Къ счастію, этотъ злополучный 1848 годъ прошелъ для меня благополучно, хотя не безъ

---

[1]) «Былое», 1906, ноябрь. Орѳографія подлинника.

[2]) Изъ воспоминаній кн. Н. С. Голицына (директора Училища Правовѣдѣнія) (*Рус. Стар.* 1890, ноябрь).

борьбы въ училищѣ, много причинившей мнѣ горя, стоившей много труда и разстройства здоровья. Но въ концѣ зимы 1848—1849 г.г. случилось въ училищѣ прискорбное для меня событіе.

Однажды является ко мнѣ воспитанникъ 3-го класса, носившій несчастную фамилію *Политковскаго* (въ январѣ 1853 г. обличеннаго въ расхищеніи кассы комитета инвалидовъ, а воспитанникъ былъ родственникъ его). Это былъ жалкій идіотъ, вѣчно безъ денегъ и просившій милостыню у товарищей. Явившись ко мнѣ, онъ объявилъ, что получилъ приглашеніе явиться въ III отдѣленіе. «Зачѣмъ?» спросилъ я. — «Не знаю». — «Оттуда, когда узнаете, явитесь ко мнѣ и скажите». Но онъ не явился, а вскорѣ затѣмъ пріѣхали ко мнѣ адъютантъ графа Орлова и два жандармскіе: 1 штабъ-офицеръ и 1 оберъ-офицеръ, съ предписаніемъ Орлова немедленно арестовать воспитанниковъ 3-го класса *Бѣликовича* и *князя Гагарина*, и съ ихъ бумагами, вещами и дядьками доставить въ III отдѣленіе. Это было исполнено, и я, въ крайнемъ недоумѣніи, не зналъ, что сей сонъ значитъ, хотя предугадывалъ тутъ что-то недоброе. Я ждалъ, не пригласитъ ли Дубельтъ меня къ себѣ, или не пріѣдетъ ли самъ ко мнѣ, или же не пришлетъ ли кого для объясненія со мною. Но напрасно было мое ожиданіе въ продолженіе двухъ недѣль или болѣе. И вдругъ, какъ бомба, разразилось надъ моею головою нѣчто вовсе непредвидѣнное и неожиданное! Принцъ Ольденбургскій пригласилъ меня къ себѣ, и въ присутствіи своего довѣреннаго адъютанта, полковника С. И. Мальцова, показалъ мнѣ дѣло *III отдѣленія о воспитанникахъ Бѣликовичѣ и кн. Гагаринѣ*, обвиняемыхъ: первый въ томъ, что въ его бумагахъ былъ найденъ писанный на польскомъ языкѣ дневникъ, съ сочувствіемъ Мирославскому мыслями и выраженіями, а второй—въ томъ, что за завтракомъ или обѣдомъ будто бы сказалъ товарищамъ:—«нужно повѣсить». Сверху была слѣдующая резолюція императора Николая:

— «Вотъ они, поляки, всѣ одинъ какъ другой! Бѣликовича разжаловать въ рядовые и сослать въ отдаленный Оренбургскій линейный батальонъ; Гагарина же опредѣлить юнкеромъ въ одинъ изъ полковъ московскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы отецъ его самъ наказалъ его, а директору училища (т. е., мнѣ) объявить строжайшій выговоръ, со внесеніемъ въ формуляръ».

Плохо пришлось бы мнѣ, если бы добрѣйшій принцъ Ольденбургскій, самъ лично, черезъ Орлова, не упросилъ императора Николая не вносить выговоръ мнѣ въ формуляръ. Кн. Гагарина участь была смягчена потому, что мать его, рожденная Сабурова, была другомъ и пріятельницей принцессы Ольденбургской, и Гагаринъ, прослуживъ нѣсколько времени юнкеромъ, былъ произведенъ въ офицеры на Кавказъ, гдѣ служилъ долго, позже былъ адъютантомъ военнаго министра и умеръ въ чинѣ генералъ-маіора. Что касается до Бѣликовича, то онъ, прослуживъ солдатомъ, кончилъ жизнь на приступѣ одного пограничнаго азіатскаго укрѣпленія.

Необходимо, однако, хотя теперь, болѣе сорока лѣтъ спустя послѣ сего происшествія, раскрыть всю подкладку этого событія, завершившагося

столь суровымъ судомъ. Бѣликовичъ, 15-ти лѣтъ, уроженецъ Витебской губ., католикъ, былъ прекрасный, умный мальчикъ, одинъ изъ первыхъ въ классѣ по ученію, но съ горячей, пылкой головой, къ сожалѣнію, восторженной польскими идеями, и имѣлъ неосторожность вести откровенно свой дневникъ на польскомъ языкѣ и оставлять его въ своей классной лавкѣ, вмѣстѣ съ учебными тетрадями. А воспитатели этого III класса не заботились осматривать тетради воспитанниковъ, что было прямою обязанностью ихъ, а не директора. Они (съ нѣкоторыми исключеніями) оберегали болѣе себя, чѣмъ воспитанниковъ и директора, и служили плохими помощниками директору.

Князей *Гагариныхъ* въ первой половинѣ 1848 г. было два брата, изъ которыхъ одинъ, лѣнтяй и возмутитель другихъ, былъ уволенъ изъ младшихъ классовъ училища, а другой остался, но также былъ не очень благонадеженъ, однако, дотащился до III класса. *Политковскій* былъ нищій идіотъ, въ презрѣніи у товарищей, и ничего путнаго не обѣщалъ. Онъ-то и оказался самымъ пригоднымъ орудіемъ *Дубельту*, чтобы спасти себя и свою репутацію, вслѣдствіе открытія заговора *Петрашевскаго* не имъ, *Дубельтомъ* (le général *Double*, какъ его звали по-французски), а *Перовскимъ* черезъ *Синицына*. Говорили, что императоръ Николай, утромъ послѣ открытія заговора *Петрашевскаго*, встрѣтилъ входившаго въ кабинетъ *Орлова* словами: «Хорошъ! открытъ заговоръ, а я узналъ объ этомъ не отъ тебя, а отъ *Перовскаго*!—Узнай и доложи почему?» *Орловъ* къ *Дубельту*, а этотъ, какъ казна, которая въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ, не долго думая и не далеко ходя, закинулъ свою удочку по близости—въ училище правовѣдѣнія, привлекъ идіота *Политковскаго* и выманилъ у него доносъ на товарищей его же класса, *Бѣликовича* и *князя Гагарина*, слѣдствіемъ чего и было все изложенное выше... Вновь повторяю, если бъ не добрѣйшій принцъ Ольденбургскій—хвала ему и честь—директоръ училища правовѣдѣнія, 23 года съ честью носившій мундиръ генеральнаго штаба, навсегда сталъ бы жертвою ужасной случайности, въ которой ни въ чемъ не былъ повиненъ. Вѣдь еще у римлянъ, по ихъ законамъ, не обвиняли подсудимаго, не выслушавъ его оправданія, а въ училищѣ правовѣдѣнія, въ Россіи, въ 1849 году, никто и не потребовалъ объясненія директора.

ГЛАВА IX.

Общественное движеніе при Николаѣ I.

I.

Два поколѣнія [1]).

Казнь на Кронверкской куртинѣ 13 іюля 1826 года не могла разомъ остановить или измѣнить потокъ тогдашнихъ идей; и дѣйствительно, въ первую половину Николаевскаго тридцатилѣтія, продолжалась, исчезая и

[1]) Герценъ, Соч., изд. Павленкова, т. V, стр. 343 и д.

входя внутрь, традиція Александровскаго времени и декабристовъ. Дѣти, захваченныя въ школахъ, осмѣливались держать прямо свою голову; они не знали еще, что они арестанты воспитанія.

Такъ они и вышли изъ школъ.

Это уже далеко не тѣ свѣтлые, самонадѣянные, восторженные, раскрытые всему юноши, какими намъ являются при выходѣ изъ лицея Пушкинъ и Пущинъ. Въ нихъ уже нѣтъ ни гордой, непреклонной, подавляющей отваги Лунина, ни распущеннаго разгула Полежаева, ни даже свѣтлой грусти Веневитинова. Но еще въ нихъ хранилась вѣра, унаслѣдованная отъ отцевъ и старшихъ братьевъ, вѣра въ то, что «*она взойдетъ—заря плѣнительнаго счастья*», вѣра въ западный либерализмъ, которому вѣрили тогда всѣ: Лафайетъ и Годефруа, Кавеньякъ, Бёрне и Гейне. Испуганные и унылые, они чаяли выйти изъ ложнаго и несчастнаго положенія. Это та послѣдняя надежда, которую каждый изъ насъ ощущалъ передъ кончиной близкаго человѣка. Одни доктринеры, красные и пестрые—все равно, легко принимаютъ самые страшные выводы, потому что они ихъ собственно принимаютъ in effigie, на бумагѣ.

Между тѣмъ каждое событіе, каждый годъ подтверждалъ имъ страшную истину, что нетолько правительство противъ нихъ, ...

. . . . . но что и *народъ не съ ними*, или, по крайней мѣрѣ, что онъ совершенно чужой: если онъ и недоволенъ, то совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ они недовольны. Рядомъ съ этимъ подавляющимъ сознаніемъ, съ другой стороны, развивалось больше и больше сомнѣніе въ самыхъ основныхъ, незыблемыхъ основаніяхъ западнаго воззрѣнія. Почва пропадала подъ ногами; поневолѣ въ такомъ недоумѣніи приходилось въ самомъ дѣлѣ идти на службу, или сложить руки и сдѣлаться *лишнимъ, празднымъ*. Мы смѣло говоримъ, что это одно изъ самыхъ трагическихъ положеній въ мірѣ. Теперь лишніе люди анахронизмъ, но, вѣдь, Ройе Колларъ или Бенжаменъ Констанъ были бы теперь тоже анахронизмомъ, однако нельзя же за это пустить въ нихъ камнемъ.

Пока умы оставались въ тоскѣ и тяжеломъ раздумьѣ, не зная, какъ выйти, куда идти, Николай шелъ себѣ съ стихійнымъ упорствомъ...

Воспитаніе, о которомъ онъ мечталъ, сложилось. Простая рѣчь, простое движеніе считалось такою же дерзостью, преступленіемъ, какъ раскрытая шея, какъ разстегнутый воротникъ. И это продолжалось тридцать лѣтъ...

Разумѣется, средь этого несчастія не все погибло. Ни одна чума, ни даже тридцатилѣтняя война не избила всего. Человѣкъ живучъ. Потребность человѣческаго развитія, стремленіе къ независимой самобытности уцѣлѣло, и при томъ всего больше въ двухъ македонскихъ фалангахъ нашего образованія, въ московскомъ университетѣ и царско-сельскомъ лицеѣ; онѣ пронесли черезъ все царство мертвыхъ душъ, на молодыхъ плечахъ

своихъ, кивотъ, въ которомъ лежала будущая Россія, ея живую мысль, ея живую вѣру въ грядущее.

Исторія не забудетъ ихъ.

Но въ этой борьбѣ и они по большей части утратили *молодость* своей юности, они затянулись и преждевременно перезрѣли. Старость ихъ коснулась прежде гражданскаго совершеннолѣтія. Это не *лишніе*, не праздные люди, это люди *озлобленные*, больные душой и тѣломъ, люди, зачахнувшіе отъ вынесенныхъ оскорбленій, глядящіе изъ-подлобья и которые не могутъ отдѣлаться отъ желчи и отравы, набранной ими больше, чѣмъ за пять лѣтъ тому назадъ. Они представляютъ явный шагъ впередъ, но все же болѣзненный шагъ; это уже не тяжелая хроническая летаргія, а острое страданіе, за которымъ слѣдуетъ выздоровленіе или похороны.

II.

Кружки 30-хъ годовъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ [1]) Россія *будущаго* существовала исключительно между нѣсколькими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства, а въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки и чисто народной Руси. Новая жизнь эта прозябала, какъ трава, пытающаяся расти на губахъ непростывшаго кратера.

Въ самой пасти чудовища выдѣляются дѣти, не похожія на другихъ дѣтей; они растутъ, развиваются и начинаютъ жить совсѣмъ другой жизнью. Слабыя, ничтожныя, ничѣмъ не поддержанныя, напротивъ, всѣмъ гонимыя, они легко могутъ погибнуть безъ малѣйшаго слѣда, *но остаются*, и если умираютъ на полдорогѣ, то не все умираетъ съ ними. Это начальныя ячейки, зародыши исторіи, едва замѣтные, едва существующіе, какъ всѣ зародыши вообще.

Мало-по-малу изъ нихъ составляются группы. Болѣе родное собирается около своихъ средоточій; группы потомъ отталкиваютъ другъ друга. Это расчлененіе даетъ имъ ширь и многосторонность для развитія; развиваясь до конца, т. е., до крайности, вѣтви опять соединяются, какъ бы онѣ ни назывались—кругомъ Станкевича, славянофилами или нашимъ кружкомъ.

Главная черта всѣхъ ихъ—глубокое чувство отчужденія отъ офиціальной Россіи, отъ среды, ихъ окружавшей, и съ тѣмъ вмѣстѣ стремленіе выйти изъ нея,—а у нѣкоторыхъ порывистое желаніе вывести и ее самоё.

Возраженіе, что эти кружки, незамѣтные ни сверху, ни снизу, представляютъ явленіе исключительное, постороннее, безсвязное, что воспитаніе большей части этой молодежи было экзотическое, чужое, и что они скорѣе выражаютъ переводъ на русское французскихъ и нѣмецкихъ идей, чѣмъ что-нибудь свое,—намъ кажется очень неосновательнымъ.

---

[1]) Герценъ. Соч., изд. Павленкова, т. II, стр. 325, 327—9.

...Если аристократы прошлаго вѣка, систематически пренебрегавшіе всѣмъ русскимъ, оставались въ самомъ дѣлѣ невѣроятно больше русскими, чѣмъ дворовые оставались мужиками, то тѣмъ больше русскаго характера не могло утратиться у молодыхъ людей отъ того, что они занимались науками по французскимъ и нѣмецкимъ книгамъ. Часть московскихъ славянъ съ Гегелемъ въ рукахъ взошли въ ультра-славянизмъ.

Самое появленіе кружковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, было естественнымъ отвѣтомъ на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни.

Объ застоѣ послѣ перелома въ 1825 году мы говорили много разъ. Нравственный уровень общества палъ, развитіе было прервано, все передовое, энергическое, вычеркнуто изъ жизни. Остальные—испуганные, слабые, потерянные—были мелки, пусты; дрянь александровскаго поколѣнія заняла первое мѣсто; они мало-по-малу превратились въ подобострастныхъ дѣльцовъ, утратили дикую поэзію кутежей и барства и всякую тѣнь самобытнаго достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановниками. Время ихъ прошло.

Подъ этимъ большимъ *свѣтомъ* безучастно молчалъ большой *міръ* народа; для него ничего не перемѣнилось,—ему было скверно, но не сквернѣе прежняго, новые удары сыпались не на его избитую спину. Его время *не пришло*. Между этой крышей и этой основой, дѣти первыя подняли голову, можетъ оттого, что они не подозрѣвали, какъ это опасно; но какъ бы то ни было, этими дѣтьми ошеломленная Россія начала приходить въ себя.

Ихъ остановило совершеннѣйшее противорѣчіе *словъ* ученія съ *былями* жизни вокругъ. Учителя, книги, университетъ говорили одно, и это одно было понятно уму и сердцу. Отецъ съ матерью, родные и вся среда говорили другое, съ чѣмъ ни умъ, ни сердце не согласны, но съ чѣмъ согласны предержащія власти и денежныя выгоды. Противорѣчіе это между воспитаніемъ и нравами нигдѣ не доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ дворянской Руси. Шершавый нѣмецкій студентъ, въ круглой фуражкѣ на седьмой части головы, съ міросокрушительными выходками, гораздо ближе, чѣмъ думаютъ, къ нѣмецкому шписбюргеру; а исхудалый отъ соревнованія и честолюбія collégien французскій уже en herbe l'homme raisonnable, qui exploite sa position.

Число воспитывающихся у насъ всегда было чрезвычайно мало; но тѣ, которые воспитывались, получали не то чтобъ объемистое воспитаніе, но довольно общее и гуманное; оно *очеловѣчивало* учениковъ всякій разъ, когда принималось. Но *человѣка*-то именно и не нужно было ни для іерархической пирамиды, ни для преуспѣянія помѣщичьяго быта. Приходилось или снова расчеловѣчиваться—такъ толпа и дѣлала—или пріостановиться и спросить себя: «Да нужно ли непремѣнно служить. Хорошо ли дѣйствительно быть помѣщикомъ». За симъ, для однихъ, болѣе слабыхъ и нетерпѣливыхъ, начиналось праздное существованіе корнета въ отставкѣ, деревенской лѣни, халата, странностей, картъ, вина; для другихъ—время искуса и внутренней

работы. Жить въ полномъ нравственномъ разладѣ они не могли, не могли также удовлетвориться отрицательнымъ устраненіемъ себя; возбужденная мысль требовала выхода. Разное разрѣшеніе вопросовъ, одинаково мучившихъ молодое поколѣніе, обусловливало распаденіе на разные круги.

Такъ сложился, напримѣръ, нашъ кружокъ и встрѣтилъ въ университетѣ, уже готовымъ, кружокъ Сунгуровскій. Направленіе его было, какъ и наше, больше политическое, чѣмъ научное. Кругъ Станкевича, образовавшійся въ то же время, былъ равно близокъ и равно далекъ съ обоими. Онъ шелъ другимъ путемъ, его интересы были чисто теоретическіе.

Въ тридцатыхъ годахъ убѣжденія наши были слишкомъ юны, слишкомъ страстны и горячи, чтобъ не быть исключительными. Мы могли холодно уважать кругъ Станкевича, но сблизиться не могли. Они чертили философскія системы, занимались анализомъ себя и успокаивались въ роскошномъ пантеизмѣ, изъ котораго не исключалось христіанство. Мы мечтали о томъ, какъ начать въ Россіи новый союзъ по образцу декабристовъ, и самую науку считали средствомъ. Правительство постаралось закрѣпить насъ въ тенденціяхъ нашихъ.

Въ 1834 году былъ сосланъ весь кружокъ Сунгурова—и исчезъ.

Въ 1835 году сослали насъ; черезъ пять лѣтъ мы возвратились, закаленные испытаннымъ. Юношескія мечты сдѣлались невозвратнымъ рѣшеніемъ совершеннолѣтнихъ. Это было старое блестящее время Станкевичева круга. Его самого я ужъ не засталъ, онъ былъ въ Германіи; но именно тогда статьи Бѣлинскаго начинали обращать на себя вниманіе всѣхъ.

Возвратившись, мы помѣрились. Бой былъ неровенъ съ обѣихъ сторонъ, почва, оружіе и языкъ—все было розное. Послѣ безплодныхъ преній мы увидѣли, что пришелъ нашъ чередъ серьезно заняться наукой, и сами принялись за Гегеля и нѣмецкую философію. Когда мы усвоили ее себѣ, оказалось, что между нами и кругомъ Станкевича спору нѣтъ.

Кругъ Станкевича долженъ былъ неминуемо распуститься. Онъ свое сдѣлалъ, и сдѣлалъ самымъ блестящимъ образомъ; вліяніе его на всю литературу и на академическое преподаваніе было огромно,—стоитъ назвать Бѣлинскаго и Грановскаго; въ немъ сложился Кольцовъ, къ нему принадлежали Боткинъ, Катковъ и пр. Но замкнутымъ кругомъ онъ оставаться не могъ, не перейдя въ нѣмецкій доктринизмъ,—живые люди изъ русскихъ къ нему неспособны.

Возлѣ Станкевичева круга, сверхъ насъ, былъ еще другой кругъ, сложившійся во время нашей ссылки, и былъ съ ними въ такой же чрезполосицѣ, какъ и мы; его-то впослѣдствіи назвали славянофилами. *Славяне* приближались съ противоположной стороны къ тѣмъ же жизненнымъ вопросамъ, которые занимали насъ, были гораздо больше ихъ ринуты въ живое дѣло и въ настоящую борьбу.

Между ними и нами естественно должно было раздѣлиться общество Станкевича. Аксаковы, Самаринъ примкнули къ славянамъ, т. е., къ Хомякову и Кирѣевскимъ. Бѣлинскій, Бакунинъ—къ намъ. Ближайшій другъ

Станкевича, наиболѣе родной ему всѣмъ существомъ своимъ, Грановскій былъ нашимъ съ самаго пріѣзда изъ Германіи.

III.

Послѣдній праздникъ дружбы [1]).

Разъ въ послѣднихъ числахъ мая 1833 года, въ нижнемъ этажѣ большого дома на Никитской, сильно бушевала молодежь. Оргія была въ полномъ разгарѣ, во всемъ блескѣ. Вино, какъ паяльная трубка, раздувало въ длинную струю пламени воображеніе. Идеи, анекдоты, лирическіе восторги, карикатуры крутились, вертѣлись въ быстромъ вальсѣ, неслись сумасшедшимъ галопомъ. Всѣ стояли на демаркаціонной линіи, отдѣляющей трезваго человѣка отъ пьянаго; никто не переступалъ ее. Всѣ шумѣли, разговаривали, смѣялись, курили, пили, всѣ безотчетно отдавались настоящему, всѣ истинно веселились. Лучшій стенографъ не записалъ бы ни единаго слова.

Среди вакханаліи бываетъ торжественная минута устали и тишины; она умолкаетъ для того, чтобы бурей и ураганомъ явиться по ту сторону демаркаціонной линіи. Вотъ эта-то минута и настала.

Огромная чаша пылала блѣдно-лазоревымъ огнемъ, придавая юношамъ видъ заклинателей. Клико подливало силу въ жженку и кровь въ щеки молодыхъ людей. Шумная масса разбилась на части и расположилась на бивакахъ.

Вотъ высокій молодой человѣкъ [2]), съ лицомъ послѣдняго могикана; онъ сѣлъ на маленькій столъ (Парки тотчасъ же подломили ножки жизни этого стола), стенторскій голосъ его, какъ Нилъ при втеченіи въ Средиземное море, далеко вдается въ общій гулъ, не потерявъ своей самобытности. Это упсальскій баронъ, онъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ природы, въ Преображенскомъ. Тамъ у него есть садъ и домикъ, у котораго дверь не имѣетъ замка.

Въ этомъ домѣ баронъ прячется и вдругъ, какъ минотавръ или татары, набѣгаетъ на Москву неотразимый и нежданный, обираетъ книги и тетради и исчезаетъ. Онъ похожъ на bon homme patience Жоржъ-Занда и на самаго Карла Санда, ежели хотите, а всего болѣе на террориста. Онъ какъ-то гильотинно умѣетъ двигать бровями. Баронъ началъ свою жизнь переводами Шиллера и кончилъ переводомъ на жизнь одного изъ лицъ, которыя Шиллеръ такъ любилъ набрасывать, въ которыхъ нѣтъ ни одного эгоистическаго желанія, ни одной черной мысли, но которыхъ сердце бьется для всего человѣчества и для всего благороднаго, и которыя никогда не выйдутъ изъ своей односторонности, какъ exemples gratia Менцеля. Онъ съ четвероногой трибуны что-то повѣствуетъ, съ наивной мимикой обѣихъ рукъ и, по очереди, одной ноги. Два неустрашимые человѣка подвергаютъ жизнь свою опасности, слушая барона въ атмосферѣ его декламаціи, безпрерывно

---

[1]) Герценъ, Соч., изд. Павленкова, т. I, стр. 281—291.

[2]) Н. Х. Кетчеръ.

разсѣкаемой рукою и ногой и молніей зажженной сигары. У васъ, можетъ, слабы нервы,—отвернитесь отъ этой картины.

Видите ли у камина худощаваго молодого человѣка [1]), бѣлокураго, нѣсколько блѣднаго, въ вицъ-мундирной формѣ, съ неумолимой рѣчью,—это магистръ математическаго отдѣленія, представитель матеріализма XVIII вѣка, столько же неподвижный на своемъ конькѣ, какъ и баронъ на своемъ. Онъ держитъ за пуговицу молодого человѣка [2]) съ опухшими глазами и выразительнымъ лицомъ. Магистръ въ короткихъ словахъ продолжаетъ споръ, начавшійся у нихъ года за два, о Бэконѣ и эмпиріи. Молодой человѣкъ, прикованный къ этому Кавказу, испещренному зодіаками,—одно изъ тѣхъ эксцентрическихъ существованій, которыя были бы исполнены вѣры, если бы ихъ вѣкъ имѣлъ вѣрованія; неспокойный демонъ, обитающій въ ихъ душѣ, ломаетъ ихъ и сильно клеймитъ печатью оригинальности. Онъ больше образами, яркими сравненіями отражалъ магистра.

— Направленіе, которое начинаетъ проявляться, говорилъ онъ, вспять не пойдетъ, матеріализмъ сдѣлалъ свое и умеръ. Вандомская колонна—его надгробный памятникъ. Германскія идеи, проникающія во Францію...

Магистръ не слушалъ студента, даже закрывалъ глаза, чтобы и не видать его, и продолжалъ со всѣмъ хладнокровіемъ математика, читающаго лекцію о мнимыхъ корняхъ, и со всею ясностію геометрическаго анализа, употребляя однѣ, закономъ опредѣленныя, формы доказательства a contrario, per inductionem, a principio causae sufficientis.

— Итакъ, принявъ это положеніе, слѣдуетъ вопросъ: которое состояніе наукъ выше, которое дало болѣе приложеній и принесло положительнѣе пользу? Разрѣшивъ его, мы естественно перейдемъ къ главному вопросу, отъ котораго зависитъ окончательное рѣшеніе этого спора...

Съ тѣхъ поръ магистръ окончилъ нивелированіе Каспійскаго моря; студентъ объѣхалъ полъ-Европы, а споръ еще не кончился, и, сами видите, остался только одинъ вопросъ.

Вотъ два молодыхъ человѣка, обнявшись, прогуливаются по комнатѣ. Одинъ [3]) съ длинными волосами и прелестнымъ лицомъ à la Schiller и прихрамывающій à la Byron; другой [4]) съ прекрасными, задумчивыми глазами, съ нѣсколько театральными манерами à la Мочаловъ и съ очками à la Каченовскій; это—Ritter aus Tambow, и кандидатъ этико-политическій, очерчивающій Россію. Ritter, юный страдалецъ, принесъ въ жизнь нѣжную, чувствительную душу, но не принесъ ни твердой воли, которая защищаетъ отъ грубыхъ рукъ толпы, ни твердаго тѣла. Болѣзненный, блѣдный—онъ похожъ на оранжерейное растеніе, воспитанное въ комнатахъ и забытое небрежнымъ садовникомъ на стужѣ московскихъ лѣтнихъ ночей. Онъ можетъ чище всѣхъ своихъ товарищей служить изящнымъ типомъ

---

[1]) А. Н. Савичъ.

[2]) Сазоновъ.

[3]) Н. М. Сатинъ.

[4]) Вадимъ Пассекъ.

юноши. Съ какой любовью, съ какой симпатіей онъ пріютился къ нимъ дичкомъ! Его фантазія была направлена на ложную мысль бѣгства отъ земли. Резигнація составляла его поэзію. Такое направленіе развивается именно въ больномъ слабомъ тѣлѣ, конечно ложное, но имѣющее свою безпредѣльно увлекательную сторону.

Кандидатъ этико-политическій жаждетъ общеполезной дѣятельности и славы. Онъ готовъ на самопожертвованія безъ границъ и грустно говоритъ юношѣ, что ему надобна кафедра въ университетѣ и слава въ мірѣ. Юноша ему вѣритъ, сочувствуетъ и готовъ плакать. Вотъ они остановились передъ черпаломъ полюбоваться пылающей жженкой.

Въ самомъ фокусѣ оргіи, т. е., у пылающей жженки, также интересная группа. Молодой человѣкъ [1]), въ сѣромъ халатѣ, на диванѣ, задумчиво мѣшаетъ горящее море и задумчиво всматривается въ фантастическіе узоры огня, сливающіеся съ ложки. Противъ него за столомъ, безъ сюртука, безъ галстука, съ обнаженною грудью, сложивши руки à la Napoleon, съ сигарою въ зубахъ, сидитъ худощавый юноша, съ выразительнымъ умнымъ взоромъ [2]).

— Помнишь ли,—говоритъ молодой человѣкъ въ халатѣ,—какъ мы дѣтьми встрѣчали Новый годъ тайкомъ, украдкой, какъ тогда мечтали о будущемъ: ну, вотъ и пришло, и пустота въ груди не наполняется, и не принесло оно той жизни, которой требовала душа. На Воробьевыхъ горахъ она ничего не требовала и была довольна.

Они взглянули другъ на друга.

— Пора окончить этотъ фазисъ жизни, шумъ начинаетъ надоѣдать; меня манитъ другая жизнь, жизнь болѣе поэтическая.

— Пора, согласенъ и я; но забудемся еще сегодня, забудемся, прочь мрачныя мысли!

Юноша въ халатѣ напѣнилъ стаканъ и, улыбаясь, сказалъ:

— За здоровье заходящаго солнца на Воробьевыхъ горахъ!

— Которое было восходящимъ солнцемъ нашей жизни, — добавилъ юноша безъ сюртука.

Оба замолчали, что-то хорошее пробѣжало по ихъ лицамъ.

Вдругъ юноша безъ сюртука вскочилъ на стулъ и звонкимъ голосомъ закричалъ:

— Messieurs et mylords! je demande la parole, je demande la cloture de vos discussions; une grande motion... Silence aux interrupteurs, monsieur le président, couvrez vous.

И нахлобучилъ какую-то шапку на голову своему сосѣду. Нѣсколько головъ обратились къ оратору.

— Mylords et lords! le punsch cardinal, tel que le cardinal Mezzofanti, qui connait toutes les langues existantes et qui n'ont jamais exi-

---

[1]) Н. П. Огаревъ.

[2]) Герценъ.

stées, n'a jamais goûté: le punsch cardinal est à vos ordres. Hommes illustrés par vos lumières, connaissez que Schiller, decreté citoyen de la république une et indivisible... a dit, il me semble, en parlant des prisonniers, lors du siège d'Anony par les troupes du roi citoyen Louis Philippe:

Eh'es verduftet,
Schöpfet es schnell,
Nur wenn er glühet
Labet der Quell.

Je propose donc de nous mettre à l'instant même dans la possibilité de vérifier les proverbes du citoyen Schiller,—à vos verres, citoyens!

Всѣ съ хохотомъ подходили къ столу. Ораторъ спокойно разливалъ въ стаканы пуншъ.

— Магистръ, скажи, пожалуйста, — кричалъ онъ, — не изобрѣлъ ли Деви новыхъ металлическихъ стѣнокъ для того, чтобы не жглись губы?

— Гумфри Деви умеръ, — отвѣчалъ магистръ, весь занятый своимъ споромъ.

— И, я думаю, радъ отъ души,—продолжалъ ораторъ,—что наконецъ химически разложился и на себѣ можетъ испытывать соединеніе и разложеніе.

— Господа, господа, разойдитесь, баронъ идетъ со стаканомъ, а это страшнѣе, чѣмъ встрѣтиться съ локомотивомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, благоразумные люди отодвигались. Ораторъ продолжалъ шумѣть, никто его не слушалъ... Стаканы еще разъ наполнились.

Демаркаціонная линія была пройдена. Господа хотѣли продолжать свои разговоры: суетное желаніе удалось одному юношѣ безъ сюртука, потому что онъ разомъ говорилъ со всѣми и обо всемъ. Баронъ чистилъ трубку кому-то въ шляпу и говорилъ *ты* магистру. На магистра жженка сдѣлала ужасное дѣйствіе, въ головѣ у него все завертѣлось и перекувырнулось, онъ не забывалъ свой споръ и продолжалъ, держа на этотъ разъ за пуговицу барона:

— Слѣдовательно, ежели въ тотъ вѣкъ, въ одно время диференціальныя исчисленія изобрѣли Лейбница и Невтона... — Онъ, какъ бы самъ чувствуя нелѣпость, потеръ себѣ лобъ.

— Да, да, именно, когда Коперникъ изобрѣлъ движеніе земли, а Уатъ паровыя машины, и Сиръ Флуни—машины чинить перья,—кричалъ ораторъ.

— Помню, помню Флуни,—повторилъ магистръ, и хотѣлъ было произнесть еще какую-то букву, но не могъ ни повернуть языка, ни упростить это слово, чтобы оно вышло.

— О чемъ споръ? — спрашиваетъ тутъ же бывшій водевилистъ.

— Магистръ,—шепталъ ему ораторъ,—доказываетъ, что Каратыгинъ гораздо лучше игралъ роль Отелло, чѣмъ Мочаловъ; а водевилистъ, бѣшеный поклонникъ Мочалова, бросился, какъ лютый звѣрь, на магистра и кричалъ ему на ухо:

— У Мочалова есть душа, а у Каратыгина все поддѣлка, да просто взгляните на его лицо, какая натянутость, неестественность.

— Правда, правда,—кричалъ ораторъ,—у живого Каратыгина видъ не натуральный, то ли дѣло статуи Торвальдсена, вотъ какія лица должны быть въ XIX вѣкѣ,—и самъ водевилистъ захохоталъ.

Въ это время баронъ, желая подвинуться къ столу, выломалъ ручку у креселъ и ножку у стола; двѣ тарелки и стаканъ легли костьми при этомъ членовредительствѣ: «мертвіи сраму не имутъ». Баронъ не потерялся, началъ доказывать, что это не его вина, а вина непрочности мебели, для объясненія чего изломалъ еще кресло и этажерку и былъ очень доволенъ, что оправдался.

Подали сыру, единственный съѣстной припасъ, который важивался у Ника [1]). Сыръ великая вещь на оргіи: отъ него дѣлается жажда. Въ одно мгновеніе ока плачущее, рябое дитя Швейцаріи исчезло.

— Прежде нежели мы совсѣмъ пьяны, вотъ вамъ предложеніе, — сказалъ Никъ:—кто хочетъ на цѣлый день villegiare, подышать чистымъ воздухомъ, побыть не въ Москвѣ, а на волѣ хоть день?

— Превосходная мысль, — подхватилъ Ritter.

— Въ Архангельское,—прибавилъ студентъ,—у меня тамъ есть квартира.

— Все же это не имѣетъ основанія, — сказалъ магистръ, услыхавши голосъ студента.

— Въ Архангельское, — повторило нѣсколько голосовъ.

— Давай шампанскаго,—кричалъ ораторъ, у котораго вино, казалось, испаряется со словами. — Надобно выпить за здоровье прекрасной мысли и прекраснаго опредѣленія ея.

Пробки хлопали, шампанское лилось вонъ изъ бутылокъ и исчезало. Дымъ табачный сгущался.

Кто-то запѣлъ:

Oh! vers une rive,
Où sans peine on vive,
Qui m'aime me suive!
Voyageons gaiment!
Ivre de champagne
Je bas la campagne,
Et vois de Cocagne
Le pays charmant.

Всѣ подхватили:

Terre chérie,
Sois ma Patrie,
Quand je ris
Du sort inconstant.

— За здоровье друзей! — провозгласилъ ораторъ, пуская отчаянной параболой по воздуху пробку, и въ одно мгновеніе выпитые стаканы раз-

[1]) Ник. Плат. Огаревъ.

сыпались черепками по полу. Все вскочило, перемѣшалось, сбилось, зашумѣло вдвое. Кто цѣлуется, кто вздыхаетъ, кто подымаетъ съ полу кусочекъ сыру. Всѣмъ кажется чрезвычайно весело. Баронъ уродуетъ въ своихъ объятіяхъ всѣхъ встрѣчающихся и подмѣщается къ этико-политическому кандидату, который сидитъ у раскрытаго окна, рыдаетъ и, какъ Донъ-Карлосъ и Юлій Цезарь, приговариваетъ: «24 года и ничего не совершилъ для человѣчества, для вѣчности!» Въ отчаяніи, сильной рукою онъ ударилъ по стоящему передъ нимъ стакану и раздробилъ его. Стекла врѣзались въ руку, кровь полилась. Баронъ, какъ бы, протрезвился, схватилъ руку кандидата, сталъ вынимать стекла, мочить водою и завязывать платкомъ.

— Что рука,—говоритъ кандидатъ, заливаясь слезами,—прахъ, тлѣнъ! Духъ, вотъ жизнь! Хочешь, выброшусь за окно?

— Лучше выйдемъ въ дверь и влѣземъ въ окно,—предлагаетъ баронъ.

Магистръ сердится, что заперта дверь, пробуя отворить зеркало въ каминѣ, а дверь—съ противоположной стороны. Магистръ правъ, надобно освѣжиться, выйдемъ на воздухъ, голова кружится. Видно, и я выпилъ лишнее.

Bon!
La farira dondaine,
Gai!
La farira dondé.

На другой день рано утромъ, т. е., часа три послѣ того, какъ ораторъ съ магистромъ вышли на чистый воздухъ, la bande joyeuse уже хлопотала и распоряжалась объ отъѣздѣ. Ораторъ всталъ раньше прочихъ, будилъ всѣхъ и каждаго. Спальня представляла удивительное зрѣлище. Длинный турецкій диванъ былъ заваленъ людьми, многіе уснули въ той позѣ, въ какой допили послѣднюю каплю. Баронъ, завернувшись въ непромокаемую шинель, съ сигарою во рту, грозно и величественно видѣлъ что-то во снѣ. Сонъ его былъ безпокоенъ и время отъ времени онъ пихалъ ногою въ голову водевилиста, который на другой день удивлялся странному сну: ему казалось, что онъ былъ въ театрѣ и что какъ только выходитъ Мочаловъ, сводъ Петра и Павла падаетъ ему на голову. Ritter прижался къ уголку, скатавши въ шарикъ тоненькое тѣло свое, въ томъ родѣ, какъ спятъ комнатныя собачки. Юноша въ халатѣ, который былъ дома, замѣтьте, положилъ себѣ подъ голову латинскій лексиконъ и покойно лежалъ, накрывшись ковромъ со стола.

Солнце свѣтило ясно, день готовился чудесный, голова была свѣжа: «благородное шампанское не оставляетъ горькихъ упрековъ на утро», говорили они потомъ. Всѣ необходимыя распоряженія были тотчасъ взяты. Послали за виномъ, послали за лошадьми, послали за паштетомъ и за сигарами. Двѣ коляски находились въ наличности. Никъ, студентъ, водевилистъ etc. отправились впередъ. Ораторъ съ Ritter'омъ послѣ. Они выѣхали часовъ въ 9 изъ Москвы. Великолѣпно свѣтило солнце, природа на каждой точкѣ дышала жизнью и нѣгой; на душѣ не было заботъ. Юноши мечта-

ли, поэтизировали всю дорогу; душа Ritter'a, немного элегическая, испарялась въ заунывныхъ звукахъ и дѣтскихъ фантазіяхъ. Они были какъ-то на мѣстѣ съ летавшими бабочками, съ зеленѣвшей травой, между которою подымались звѣздочки Иванова цвѣтка и фонарики цикорія. Ritter'y было 18 лѣтъ. Часа черезъ два коляска остановилась передъ прекраснымъ домомъ князя Юсупова. Я до сихъ поръ люблю Архангельское. Посмотрите, какъ милъ этотъ маленькій клочекъ земли отъ Москвы-рѣки до дороги. Здѣсь человѣкъ встрѣтился съ природой подъ другимъ условіемъ, нежели обыкновенно. Онъ отъ нея потребовалъ одного удовольствія, одной красоты и забылъ пользу; онъ потребовалъ отъ нея одной перемѣны декораціи, для того, чтобы отпечатать духъ свой, придать естественной красотѣ красоту художественную, очеловѣчить ее на ея пространныхъ страницахъ: словомъ, изъ лѣса сдѣлать паркъ, изъ рощицы—садъ. Еще больше, гордый аристократъ собралъ тутъ растенія со всѣхъ частей свѣта и заставилъ ихъ утѣшать себя на сѣверѣ; собралъ изящнѣйшія произведенія живописи и ваянія и поставилъ ихъ рядомъ съ природою какъ вопросъ: кто изъ нихъ лучше? Но здѣсь уже самая природа не соперничаетъ съ ними, измѣнилась, расчистилась въ арену духа человѣческаго, который, какъ прежніе германскіе императоры, признаетъ только тѣ власти неприкосновенными, которыя уничтожились въ немъ уже и имъ возстановлены, какъ вассалы.

Бывали ли вы въ Архангельскомъ? Ежели нѣтъ, поѣзжайте, а то оно, пожалуй, превратится или въ фильятурную фабрику, или не знаю во что, но превратится изъ прекраснаго цвѣтка въ огородное растеніе.

Они тотчасъ отыскали Ника съ товарищами и отправились сначала въ домъ.

Террористъ Давидъ привѣтствовалъ ихъ атлетическими формами, которыя онъ думалъ возродить въ республикѣ единой и нераздѣльной 93-го года вмѣстѣ со спартанскими нравами, о привитіи которыхъ хлопоталъ Сенъ-Жюстъ; а за ними открылся длинный рядъ изящныхъ произведеній.

Глаза разбѣгались, изящные образы окружали со всѣхъ сторонъ. Унылые смѣнялось смѣхомъ, Святое семейство—Нидерландской таверной, Дѣва радости—Вернетовскимъ видомъ моря. Пышный Гвидо-Рени,—князь Юсуповъ въ живописи,—роскошно бросаетъ краски, и формы, и украшенія, чтобы прикрыть подчасъ бѣдность мысли, и суровые Ванъ-Дейка портреты, глубоко оживленные внутреннимъ огнемъ, съ заклейменной думой на челѣ, и дивная группа Амура и Психеи Кановы, все это вмѣстѣ оставило имъ воспоминаніе смутное, въ которомъ едва врѣзываются отдѣльныя картины, оставшіяся, Богъ знаетъ почему, также въ памяти. Помнился, напримѣръ, портретъ молодого князя, верхомъ, въ татарскомъ платьѣ; помнился портретъ дочери m-me Lebrun. Она стыдливо закрываетъ полуребячью грудь и смотритъ тѣмъ розовымъ взглядомъ дѣвушки, которой уже немного поцѣлуй, который уже волнуетъ ея душу, чистую какъ капля росы на розовомъ листкѣ, и огненную какъ золотое аи. Не разъ, быть можетъ, старый князь останавливался передъ ней, желая отодрать ее отъ полотна, воз-

становить растянутыя въ одну плоскость формы, согрѣть ихъ, оживить и прижать къ своему сердцу татарина.

Имъ некогда было разбирать все отдѣльно, да, вѣроятно, это и невозможно: всякую галлерею надо изучить въ одиночествѣ и при томъ разсматриваніе ея распространить на много и много дней. Довольные восторженностью, чистотою, въ какое ихъ привело созерцаніе изящнаго, они высыпали въ садъ, мимо мощныхъ воиновъ изъ желтаго мрамора, мимо гладіаторовъ, въ тѣнь аллей. День былъ южно-палящій жаромъ, все ликовало, жужжа, летали пчелы, тонко перетянутыя, молча и съ величайшей граціей танцовали по воздуху пестрыя бабочки съ широкими рукавами, какъ барышни. Солнце faisait les honneurs de la maison, отогрѣвало сырую землю, эмалью покрывало листики цвѣтковъ, радостью наполняло все живущее и копошащееся въ травѣ на воздухѣ, закуривало сигары и гордо не дозволяло себѣ смотрѣть въ глаза. Имъ все нравилось, даже на этотъ разъ романтизмъ ихъ не возмущался противъ подстриженныхъ деревьевъ, которыя важно и чопорно, какъ офиціанты прошлаго вѣка въ парикѣ и французскихъ перчаткахъ, стояли по обѣимъ сторонамъ дороги. Бѣлые мраморные бюсты выглядывали изъ-подъ нихъ.

Испеченные солнцемъ и утомленные ходьбой, молодые люди отправились въ комнаты студента. Небольшая зала, въ которой былъ приготовленъ обѣдъ, примыкала къ оранжереѣ; одна стеклянная дверь отдѣляла ихъ отъ нея; они отворили дверь, ихъ обдало благоуханіемъ юга. Дыханіе дѣтей пламенной природы располагало къ нѣгѣ и къ чувственно-огненнымъ страстямъ, къ dolce far niente. Зачѣмъ изъ вѣнчиковъ этихъ цвѣтковъ не вышли вѣчно юныя гуріи восточнаго рая! Зачѣмъ не принесли холоднаго шербета, зачѣмъ стройныя одалиски не вѣяли пестрыми опахалами, опуская длинныя рѣсницы своихъ черныхъ глазъ и бросая свѣжіе розовые листки въ вино! «Зачѣмъ этотъ глупый народъ запада,—простора, нѣги и еще цвѣтовъ благоухающихъ, съ яркими вѣнчиками»,—говорили юноши.

Вино, принесенное со льда, на минуту прохладило ихъ, но, отлившая отъ сердца и головы, кровь возвратилась зажженнымъ спиртомъ, страсти расколыхались; имъ было непомѣстительно въ горницѣ,—они вышли опять въ садъ и отправились въ бесѣдку на гору, у ногъ которой—Москва-рѣка.

Рѣка тихо струилась узенькой ленточкой, довольная своимъ аристократическимъ именемъ; поля, лѣса, синяя даль—природа именно этою далью, этою безграничностью приводитъ въ восторгъ; въ ея наружности отпечатлѣнъ тотъ характеръ безконечности, который заключенъ въ душѣ нашей, и они переплетаются, встрѣтившись; но молодые люди не долго поэтизировали, вскорѣ разговоръ превратился въ шалость, въ хохотъ. Нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ рѣдко могутъ восхищаться природой или изящнымъ произведеніемъ: благоговѣйный восторгъ рѣдко посѣщаетъ разомъ цѣлое общество, и, ежели хоть одинъ сказалъ холодное слово, остроту, кристальная мечта разсыпалась, фальшивая нота разнесется громче прочихъ и роняетъ дѣйствіе всей пьесы. Продурачившись до поздняго вечера, всѣ поѣхали домой. Пріѣхали

къ Нику часу во второмъ ночи и расположились отдыхать. Было полнолуніе, мѣсячный свѣтъ ясно свѣтилъ въ окна; днемъ душа, молча, впивала изящное, теперь, когда водворилась тишина и вмѣсто яркаго свѣта дня разлился кроткій полусвѣтъ мѣсячной ночи, она начала испарять свои чувства, какъ ночныя фіоли свое благоуханіе.

— Никъ, пойдемъ гулять,—сказалъ Саша,—хочется еще ощущеній, движенія, хочется, чтобы не было потолка.

И они отправились. Длинныя полосы луннаго свѣта стлались по улицамъ, ярко смѣняемыя густою тѣнью. Городъ уже уснулъ или еще не просыпался; такъ тихо было, что шаги, далеко слышные, вызывали глухой лай собакъ.

Они вышли на Арбатскую площадь. Величественнѣе и колоссальнѣе обыкновеннаго казались зданія. Они шли, шли и остановились на Каменномъ мосту. Святой Кремль въ своемъ византійскомъ нарядѣ, окруженный башнями, стѣнами, думалъ царскую думу о прошлыхъ и новыхъ вѣкахъ; часовой, поставленный Годуновымъ, въ бѣлой одеждѣ, какъ рында, въ золотой шапкѣ, какъ князь, сторожитъ покой Кремля, неподвижный и высокій; а рѣка шумѣла и неслась изъ-подъ арки, и всасывала въ себя мѣсяцъ, и сносила его свѣтъ на середину, и играла имъ, и пускала длинной полосою плыть въ вороненой рамкѣ.

Вода не останавливалась ни на мгновеніе, шумѣла, разбивалась о камень, пѣнилась и утекала; волна, сейчасъ блеснувшая, какъ рыбка, терялась въ толпѣ другихъ, исчезала, какъ волна, но неслась, какъ рѣка, въ даль, въ море.

Они стояли молча, о чемъ тутъ было говорить; и не думали, и не молились,—а высоко было сочувствіе ихъ въ ту минуту съ Творцомъ, съ природою, съ человѣчествомъ... Предтеча солнца, Гесперъ заблисталъ, словно алмазъ на рукѣ Творца, отворяющаго врата утра, и красная полоса, какъ брошенная на землю порфира, сказала о приближеніи царственнаго свѣтила. Алый отливъ пробѣжалъ по бѣлымъ стѣнамъ Кремля и заигралъ огнями на крестахъ, главахъ и окнахъ. Разсвѣтало. Съ одной стороны спало темное Замоскворѣчье, покрытое подымающимся утреннимъ туманомъ, съ другой стороны спала часть города, облитая тѣмъ же мѣсяцемъ. Обѣ не знали о началѣ дня, а Кремль его уже встрѣтилъ, ему уже радовался, и ночь съ днемъ встрѣтились на рѣкѣ, серебро и золото перемѣшалось на волнахъ. Чудное, удивительное зрѣлище, и оно повторяется каждый день, и люди занятые, «пекущіеся о мнозѣ», не ходятъ смотрѣть на него! Барабанъ и дудка возвѣщали земнымъ языкомъ «зорю». Они отправились къ Нику, въ садъ, физически и морально утомленные.

Этотъ длинный праздникъ, эта особая, блеснувшая волна жизни не могутъ исчезнуть въ толпѣ дней, ночей, недѣль, мѣсяцевъ, лѣтъ, которые, какъ дюжинныя волны, бѣгутъ, шумятъ, имѣютъ смыслъ въ совокупности, но не врѣзываются въ память. Эта шумная оргія, эта прелестная прогулка внѣ города и въ городѣ на мѣстѣ,—онѣ на границѣ учебныхъ лѣтъ, это

прощанье съ ними, и потому въ нихъ собралось все хорошее и дурное того времени, идеализированное, проникнутое поэзіей. Прогулка на Каменный мостъ окончила прогулку на Воробьевы горы. Мѣсяцъ мечтаній, односторонней жизни, закатывался, солнце жизни выступало съ своею огненною, всепоглощающей любовью, но и черныя тучи поднимались грозно и мрачно...

IV.

Въ началѣ 40-хъ годовъ [1]).

Новые друзья приняли насъ горячо, гораздо лучше, чѣмъ два года тому назадъ. Въ ихъ главѣ стоялъ Грановскій, ему принадлежитъ главное мѣсто этого пятилѣтія. Огаревъ былъ почти все время въ чужихъ краяхъ. Грановскій замѣнялъ его намъ, и лучшими минутами того времени мы обязаны ему. Великая сила любви въ этой личности. Со многими я былъ *согласнѣе* во мнѣніяхъ, но съ нимъ я былъ ближе—тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ души.

Грановскій и всѣ мы были сильно заняты, всѣ работали и трудились, кто занимая каѳедры въ университетѣ, кто участвуя въ обозрѣніяхъ и журналахъ, кто изучая русскую исторію; къ этому времени относятся начала всего сдѣланнаго потомъ.

Мы были уже очень не дѣти; въ 1842 году мнѣ стукнуло тридцать лѣтъ; мы слишкомъ хорошо знали, куда насъ вела наша дѣятельность, но шли. Не опрометчиво, но обдуманно продолжали мы нашъ путь съ тѣмъ успокоеннымъ, ровнымъ шагомъ, къ которому пріучилъ насъ опытъ и семейная жизнь. Это не значило, что мы состарѣлись, нѣтъ, мы были въ то же время юны, и оттого одни, выходя на университетскую каѳедру, другіе, печатая статьи или издавая газету, каждый день подвергались аресту, отставкѣ, ссылкѣ.

Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ, многостороннихъ и чистыхъ я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ, ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и аристократическаго. А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ; революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ, и я по совѣсти долженъ повторить то же самое.

...Съ любовію останавливаюсь я на этомъ времени дружнаго труда, полнаго, поднятаго пульса, согласнаго строя и мужественной борьбы; на этихъ годахъ, въ которые мы были юны въ послѣдній разъ!..

Нашъ небольшой кружокъ собирался часто то у того, то у другого, всего чаще у меня. Рядомъ съ болтовней, шуткой, ужиномъ и виномъ шелъ самый дѣятельный, самый быстрый обмѣнъ мыслей, новостей и знаній; каждый передавалъ прочтенное и узнанное, споры обобщали взглядъ

---

[1]) Герценъ, Соч., изд. Павленкова, т. II, стр. 380—381.

и выработанное каждымъ дѣлалось достояніемъ всѣхъ. Ни въ одной области вѣдѣнія, ни въ одной литературѣ, ни въ одномъ искусствѣ не было значительнаго явленія, которое не попалось бы кому-нибудь изъ насъ, и не было бы тотчасъ сообщено всѣмъ.

Вотъ этотъ характеръ нашихъ сходокъ не понимали тупые педанты и тяжелые школяры. Они видѣли мясо и бутылки, но другого ничего не видали. Пиръ идетъ къ полнотѣ жизни, люди воздержанные бываютъ обыкновенно сухіе, эгоистическіе люди. Мы не были монахи, мы жили во всѣ стороны и, сидя за столомъ, побольше развились и сдѣлали не меньше, чѣмъ эти постные труженики, копающіеся на заднемъ дворѣ науки.

Грановскій не былъ гонимъ. Онъ умеръ, окруженный любовью новаго поколѣнія, сочувствіемъ всей образованной Россіи, признаніемъ своихъ враговъ. Но тѣмъ не меньше я удерживаю мое выраженіе, да, онъ много страдалъ. Не однѣ желѣзныя цѣпи перетираютъ жизнь; Чаадаевъ въ единственномъ письмѣ, которое онъ мнѣ писалъ за границу (20 іюля 1851 г.), говоритъ о томъ, что онъ гибнетъ, слабѣетъ и быстрыми шагами приближается къ концу,—«не отъ того угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ, и которое по этому самому пагубнѣе перваго».

Передо мною лежатъ три-четыре письма, которыя я получилъ отъ Грановскаго въ послѣдніе годы; какая разъѣдающая, мертвящая грусть въ каждой строкѣ!

«Положеніе наше, пишетъ онъ въ 1850 году, становится нестерпимѣе день ото дня. Всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами. Обо мнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два раза собирали справки. Но что значитъ личная опасность въ сравненіи съ общимъ страданіемъ и гнетомъ. Университеты предполагалось закрыть, теперь ограничились слѣдующими уже приведенными въ исполненіе мѣрами: возвысили плату со студентовъ и уменьшили ихъ число закономъ, въ силу котораго не можетъ быть въ университетѣ больше 300 студентовъ. Въ московскомъ 1.400 человѣкъ студентовъ, стало быть, надобно выпустить 1.200, чтобъ имѣть право принять сотню новыхъ. Дворянскій институтъ закрытъ, многимъ заведеніямъ грозитъ та же участь, напр., лицею. Для кадетскихъ корпусовъ составлены новыя программы. Іезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы.

... «Есть съ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во-время. Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее.

«Я рѣшился не идти въ отставку и ждать на мѣстѣ совершенія судебъ. Кое-что можно дѣлать, пусть выгонятъ сами.

... «Вчера пришло извѣстіе о смерти Галахова, а на дняхъ разнесся слухъ и о твоей смерти. Когда мнѣ сказали это, я готовъ былъ хохотать отъ всей души. А впрочемъ, почему же и не умереть тебѣ? Вѣдь, это не было бы глупѣе остального».

Осенью 1853 года онъ пишетъ: «Сердце ноетъ при мысли, чѣмъ мы были прежде (т. е., при мнѣ) и чѣмъ стали теперь. Вино пьемъ по старой памяти, но веселья въ сердцѣ нѣтъ; только при воспоминаніи о тебѣ молодѣетъ душа. Лучшая, отраднѣйшая мечта моя въ настоящее время еще разъ увидѣть тебя,—да и она, кажется, не сбудется».

Одно изъ послѣднихъ писемъ онъ заключаетъ такъ: «Слышенъ глухой, общій ропотъ, но гдѣ силы? Гдѣ противодѣйствіе? Тяжело, братъ,—а выхода нѣтъ *живому*».

Грановскій былъ не одинъ, а въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ профессоровъ, возвратившихся изъ Германіи во время нашей ссылки. Они сильно двинули впередъ московскій университетъ, исторія ихъ не забудетъ. Люди добросовѣстной учености, ученики Гегеля, Ганса, Риттера и др., они слушали ихъ именно въ то время, когда остовъ діалектики сталъ обростать мясомъ, когда наука перестала считать себя противоположною жизни, когда Гансъ приходилъ на лекцію не съ древнимъ фоліантомъ въ рукѣ, а съ послѣднимъ номеромъ парижскаго или лондонскаго журнала. Діалектическимъ построеніемъ пробовали тогда рѣшить историческіе вопросы въ современности, это было невозможно, но привело факты къ болѣе свѣтлому сознанію.

Наши профессора привезли съ собою эти завѣтныя мечты, горячую вѣру въ науку и людей; они сохранили весь пылъ юности, и каѳедры для нихъ были святыми налоями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину; они являлись въ аудиторію не цеховыми учеными, а миссіонерами человѣческой религіи.

V.

Петрашевцы [1]).

Я посѣщалъ вечера Петрашевскаго, бывавшіе по пятницамъ, съ весны 1848 года, и по совѣсти можно было сказать, что бесѣды на этихъ вечерахъ были небезъинтересны для каждаго изъ присутствовавшихъ. Да и могло ли быть иначе, когда тутъ собирался народъ молодой, образованный, читающій, мыслящій; впечатлѣнія принимались живо; всякая несправедливость, злоупотребленія, стѣсненія, самоуправство глубоко возмущали душу каждаго; напротивъ, всякое стремленіе къ благу общественному или частному вызывало сочувствіе, въ какой бы формѣ стремленіе это ни высказывалось. Цензура, убивавшая въ то время всякую здравую мысль, не только не допускала гласнаго обсужденія печатно предметовъ общаго интереса, но воспрещала даже малѣйшій намекъ на то, что могло бы быть лучше, если бы было иначе; а въ это именно время самоуправство всѣхъ и каждаго изъ второстепенныхъ агентовъ дошло до высшей степени: злоупотребленія, лихоимство не имѣли границъ, то нѣтъ ничего естественнѣе, что вездѣ, гдѣ

[1]) Изъ записокъ ген.-лейт. П. А. Кузмина, Рус. Стар. 1895, февраль.

бывали люди разбора выше опредѣленнаго, они прямо высказывали свои убѣжденія, совершенно противоположныя грустному положенію дѣлъ; когда же собиралось ихъ по нѣскольку человѣкъ, напримѣръ, по пятницамъ у Петрашевскаго, то они, какъ люди одинаковаго направленія, свободно размѣнивались идеями, новостями, доходившими до каждаго въ литературѣ, политикѣ, происшествіяхъ столичныхъ и провинціальныхъ; съ какимъ интересомъ слѣдили за происшествіями на Западѣ! Припомнимъ, что пятое десятилѣтіе нашего вѣка отличалось направленіемъ къ соціальнымъ реформамъ; такое повсемѣстное направленіе высказалось, наконецъ, въ февральской революціи, объявшей всю Западную Европу. Съ такою любознательностью выслушивались на вечерахъ у Петрашевскаго изложенія сочиненій новѣйшихъ реформаторовъ; но какъ всѣ эти трогательныя описанія блаженствующихъ фаланстеровъ и иныхъ ассоціацій были только увлекательныя, но непримѣнимыя къ осуществленію теоріи, намъ же, живущимъ въ средѣ міра дѣйствительнаго, необходимо было знакомиться ближе съ тѣмъ, что существуетъ на нашей матушкѣ Руси,—то съ общаго согласія принято было предложеніе раздѣлить вечера наши такимъ образомъ, что до ужина одинъ изъ присутствующихъ будетъ излагать какой-либо общественный вопросъ, въ какомъ видѣ осуществляется онъ нынѣ въ Россіи; удобства или неудобства, осязаемыя отъ такого, а не иного положенія дѣла, и, наконецъ, изысканіе и, если возможно, то указаніе средствъ къ замѣненію неудобныхъ порядковъ удобнѣйшими; а послѣ ужина могло бы продолжаться изложеніе соціальныхъ теорій, которое тогда дѣлалось Ник. Як. Данилевскимъ [1]). При окончаніи каждаго вечера объявлялось, о какомъ предметѣ, касающемся Россіи, будетъ говорено въ слѣдующую пятницу и кѣмъ именно; кромѣ того, всегда находилось время побесѣдовать о текущихъ событіяхъ какъ въ Россіи, такъ и за границею.

Такъ велись вечера до отъѣзда моего въ Тамбовъ въ іюнѣ 1848 года для составленія военно-статистическаго описанія губерніи; такъ же продолжались они во все время моего отсутствія, съ іюня 1848 года по 1 апрѣля 1849 года и до самаго дня ареста, случившагося, какъ выше сказано, 23-го апрѣля.

Я возвратился въ С.-Петербургъ къ 1-му апрѣля 1849 года по предписанію генералъ-квартирмейстера Берга, который имѣлъ намѣреніе дать мнѣ назначеніе въ штабъ гренадерскаго корпуса. Въ тотъ же день (Страстная пятница), посвященный утромъ представленіямъ къ начальству, отправился я вечеромъ къ Петрашевскому; изъ 20 или 30 человѣкъ, которыхъ я тамъ нашелъ, большинство состояло изъ старыхъ моихъ знакомыхъ; но было нѣсколько новыхъ лицъ, между прочими одинъ блондинъ, небольшого роста, съ довольно большимъ носомъ, съ глазами свѣтлыми, не то, чтобы косыми, но избѣгающими встрѣчи, въ красномъ жилетѣ. Этотъ господинъ, судя по участію, какое принималъ онъ въ разговорахъ, былъ не безъ образованія,

---

[1]) Впослѣдствіи тайный совѣтникъ, знаменитый публицистъ и ученый.

либераленъ во мнѣніяхъ, но участіе его было по преимуществу вызывающее другихъ къ высказыванію. Особенное вниманіе его ко мнѣ, потчеваніе заграничными сигарами и вообще нѣчто въ родѣ ухаживанія заставило меня спросить, въ концѣ вечера, Александра Пантелеевича Богосогло объ этомъ господинѣ; онъ отвѣчаетъ, что это итальянчикъ Антонелли [1]), способный только носить на головѣ гипсовыя фигурки.—«Для чего онъ здѣсь бываетъ?»,—спросилъ я.—«Да вы знаете, что Михаилъ Васильевичъ расположенъ принять и обласкать каждаго встрѣчнаго на улицѣ».

На мой звонокъ Петрашевскій, по обыкновенію, самъ отворилъ мнѣ дверь; послѣ первыхъ привѣтствій, разспросовъ о пребываніи моемъ въ Тамбовѣ, Петрашевскій говоритъ, что такъ какъ на этотъ вечеръ никто не вызванъ говорить о какомъ-либо предметѣ, то онъ изложитъ мнѣніе свое о трехъ предметахъ, настоятельно и неотлагательно необходимыхъ быть введенными для блага общаго; предметы эти: уничтоженіе крѣпостного состоянія, свобода книгопечатанія и улучшеніе судопроизводства и судоустройства. Доказывать необходимость разрѣшенія этихъ вопросовъ не было надобности въ кругѣ людей, совершенно проникнутыхъ убѣжденіями, что крѣпостное право, запретительная цензура и закрытое бумажное судопроизводство суть тормозы къ развитію; слѣдовательно, рѣчь Петрашевскаго была направлена къ доказанію, на основаніи статистическихъ данныхъ, въ какой послѣдовательности было бы необходимо рѣшить эти важные вопросы. Онъ доказывалъ, что надобно было придерживаться того именно порядка, въ какомъ вопросы эти выше поименованы: сочувствіе къ участи милліоновъ бѣлыхъ негровъ имѣло вліяніе къ постановленію на первый планъ вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права (Петрашевскій самъ былъ помѣщикъ С.-Петербургской губерніи, Ладожскаго уѣзда).

Послѣ Петрашевскаго я говорилъ о томъ же предметѣ и доказывалъ, что первѣе всего необходимо бы было рѣшить вопросъ объ улучшеніи судопроизводства и судоустройства, потому что отъ неустройства этой части страдаетъ все общество и каждый изъ членовъ его, за исключеніемъ небольшого числа привилегированныхъ и денежныхъ лицъ, выигрывающихъ на счетъ тѣхъ, которые именно и заслуживаютъ бо̀льшаго сочувствія, и какъ предметъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ учрежденіемъ публичнаго и гласнаго судопроизводства, съ небольшимъ разборомъ хода дѣлъ въ газетахъ и журналахъ,—то это самое, естественнымъ образомъ, парализуя строгость цензуры, послѣдовательно ведетъ къ свободѣ книгопечатанія; затѣмъ уже общество, подготовленное двумя предыдущими мѣрами, легко перейдетъ къ уничтоженію крѣпостного права.

---

[1]) Нынѣ давно уже умершій.

VI.

Идеи Петрашевцевъ [1]).

Обязательная подписка, найденная 19 мая въ бумагахъ Спѣшнева, его рукой писанная.

Я, нижеподписавшійся, добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію, поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду:

1) Когда распорядительный комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющійся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участіе въ возстаніи и дракѣ—т. е., что, по извѣщенію отъ комитета, обязываюсь быть въ назначенный день, въ назначенный часъ, въ назначенномъ мѣстѣ, обязываюсь явиться тогда и тамъ, вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, или тѣмъ и другимъ, не щадя себя, принять участіе въ дракѣ и, какъ только могу, споспѣшествовать успѣху возстанія.

2) Я беру на себя обязанность увеличивать силы общества пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ. Впрочемъ, согласно съ правилами русскаго общества, обязываюсь самъ лично болѣе пяти (5) не афильировать.

3) Афильировать, т. е., присоединять къ обществу новыхъ членовъ, обязываюсь не на-обумъ, а по строгомъ соображеніи и только такихъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что они меня не выдадутъ, если бы даже и отступились послѣ отъ меня; что они исполнятъ первый пунктъ и что они дѣйствительно желаютъ участвовать въ этомъ тайномъ обществѣ. Вслѣдствіе чего и обязываюсь съ каждаго мною афильированнаго взять письменное обязательство, состоящее въ томъ, что онъ перепишетъ отъ слова до слова сіи самыя условія, которыя и я здѣсь даю, всѣ съ перваго до послѣдняго слова, и подпишетъ ихъ. Я же, запечатавъ оное его письменное обязательство, передаю его своему афильетеру для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и такъ далѣе. Для сего я и переписываю для себя одинъ экземпляръ сихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афильяцій другихъ.

Выдержка на удачу изъ дневника поручика Монбели.

...Служба наша такъ нелѣпо обставлена, что при самомъ искреннемъ желаніи исполнять свои обязанности добросовѣстно, при самомъ педантическомъ взглядѣ на вещи, нѣтъ никакой возможности въ точности исполнять всѣ служебныя обязанности согласно предписаніямъ; на это не достанетъ ни силъ человѣческихъ, ни здоровья, хотя бы то былъ спартанецъ или самъ Геркулесъ; служба наша въ самое короткое время разрушаетъ здоровье [2]), останавливаетъ и притупляетъ умственныя способности, исто-

---

[1]) «Петрашевцы», изд. В. М. Саблина, М. 1907.

[2]) Относительно здоровья и во всемъ другомъ выгоды тирана совершенно противоположны нашимъ: напр., маневры страшнымъ образомъ разрушаютъ наше здоровье, а

щаетъ карманъ—и все это переносишь съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что тѣмъ не приносишь никому никакой пользы, ни отечеству, ни человѣчеству, ни ближнимъ; напротивъ, видишь ясно, что службою вредишь себѣ прямо и отечеству косвенно, потому что содержаніе военныхъ силъ требуетъ огромныхъ суммъ, часть которыхъ могла бы быть употреблена на общественныя пользы, *разумѣется, если уничтожатъ достоинство императора*; *въ противномъ случаѣ онъ, по обыкновенію, употребитъ все на свои прихоти, распорядится по-своему... слѣдовательно, службою не принесемъ пользы никому и вредимъ въ особенности себѣ. Деспоты, подчиняя служебную жизнь нашу такимъ дикимъ условіямъ, руководствовались своими соображеніями—деспотизмъ враждебенъ умственному образованію и всякому истинному праву. Потому стараются всѣми средствами унизить обыкновенныхъ смертныхъ, еще болѣе ихъ поработить, если то еще возможно, дѣйствуя безпрерывнымъ страхомъ. Офицеръ, за неисполненіе служебныхъ обязанностей, подвергается страшнымъ взысканіямъ*, между тѣмъ какъ строго исполнять ихъ нѣтъ физической возможности: слѣдовательно, онъ безпрерывно трепещетъ отъ страха, судьба его всегда на волоскѣ; когда только захотятъ, его могутъ законно уничтожить, законно стереть съ лица земли, минуту нашествія на несчастнаго выбрать удачно не трудно, шпіоны, которыхъ въ Россіи такъ много, могутъ...

...О Россія! ради Бога, опомнись, пока еще не всѣ средства истощены, пока еще можно поправить зло; займы у Гопа и К⁰ сравнительно съ богатствомъ Россіи еще не такъ значительны, хотя огромны—и теперь еще пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губерніи; мука вовсе не вошла въ его составъ: онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжелѣе пуху, и видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою. Хотя противникъ всякаго физическаго наказанія, но желалъ бы чадолюбиваго императора въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль посадить на пищу витебскихъ крестьянъ. Какъ странно устроенъ свѣтъ: одинъ мерзкій человѣкъ, и сколько зла онъ можетъ сдѣлать, и по какому праву? Но мои стенанія за истину и плачъ о бѣдствіяхъ рода человѣческаго, кажется, не сильнѣе гласа вопіющаго въ пустынѣ...

...Но все же мнѣ кажется, что сенатъ римскій имѣлъ болѣе основанія поднести Ромулу прозваніе «мудраго», чѣмъ русскій сенатъ Николаю. Первый заботился объ общемъ благѣ гражданъ, второй же заботился, съ дьявольскимъ постоянствомъ, объ уничтоженіи блага подданныхъ и объ увеличеніи собственнаго своего...

императоръ часто затѣваетъ маневры именно для поправленія своего здоровья: ему прописали это лѣкарство Арендтъ и другіе доктора, какъ лучшее средство для развлеченія, зная его особенную наклонность къ военнымъ экзерциціямъ; такъ и здѣсь здоровье императора укрѣпляется на счетъ разрушенія и страданія тысячъ (на нашихъ маневрахъ, когда соединится гвардейскій корпусъ и гренадерскій, думаю, что бываетъ войска до 150,000 человѣкъ).

... Во главѣ возрождающейся Италіи становится глава католицизма, папа Пій IX; въ 50 съ чѣмъ-то лѣтъ, съ умомъ свѣтлымъ и душою возвышенною, новый папа заботится отъ успѣхахъ цивилизаціи. Намѣстникъ св. Петра, непремѣнный защитникъ и распространитель предразсудковъ, главная опора деспотизма и всякихъ несправедливостей, вдругъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, страдавшихъ подъ ультра-деспотизмомъ, вводитъ новыя постановленія, конституціонное правленіе, и за руководство беретъ кодексъ Наполеоновъ. Да здравствуетъ новый папа, дай Богъ ему много лѣтъ! Вліяніе папы не ограничивается одною Италіею, оно распространяется на весь католическій міръ; въ Европѣ же при 250 милліонахъ жителей слишкомъ 100 милліоновъ католиковъ. Глава католицизма пренебрегаетъ заманчивостію самодержавія, вводитъ конституцію и принимаетъ дѣятельное участіе въ прогрессіи развитія идей; чѣмъ всѣ теперь австрійскіе католики объяснятъ и оправдаютъ свое безчувственное раболѣпство? Съ другой стороны, въ случаѣ сознанія австрійскими подданными своихъ правъ, какая опора на Пиренейскомъ полуостровѣ? Вліяніе Франціи неоспоримо; большая часть мелкихъ германскихъ государствъ сочувствуетъ идеямъ Франціи и ждетъ только удобнаго случая, чтобы освободиться отъ незаконнаго притѣсненія и основать господство правды. Пруссія усвоила основныя идеи Франціи и развиваетъ ихъ по-своему: въ ней право гражданской свободы, нравственное передъ закономъ, скоро восторжествуетъ надъ притѣсненіемъ и беззаконностію.

... Начавшійся споръ Турціи съ Пруссіею, при малѣйшей неосторожности со стороны первой, подастъ поводъ Россіи къ вмѣшательству, и вмѣстѣ, слѣдовательно, приблизитъ къ разрѣшенію труднѣйшей задачи новѣйшаго времени: что перевѣситъ: звено зла или начало добра, т. е., деспотизмъ или гражданство свободы...

... Но зачѣмъ допускать дурныя мысли, хочу вѣрить хорошимъ, отдаю преимущество нравственнымъ... [1]).

... То государство кастъ здѣсь, за исключеніемъ злоупотребленій, дѣйствительно обезпечиваетъ права каждаго; но самое то право большинства такого рода, что обезпеченіе ихъ уже предполагаетъ угнетеніе въ пользу меньшинства, и храненіе правъ котораго на самой сущности дѣла есть уже злоупотребленіе; здѣсь при поддержаніи государственной связи каждый старается различными путями, простыми и косвенными, увеличить благосостояніе членовъ своего семейства во вредъ другихъ членовъ государства; но цивилизація не дремлетъ, понемногу просвѣщеніе распространяется, рядъ революцій измѣняетъ, улучшаетъ государственное устройство, союзъ семействъ падаетъ, провозглашается равенство правъ; уже цѣлое государство составляетъ одно семейство, члены государства, братья, сближаются...

Что видимъ мы въ Россіи? Десятки милліоновъ страдаютъ, тяготятся жизнію, лишены правъ человѣческихъ—или ради плебейскаго происхожденія,

[1]) Пропуски находятся въ оригиналѣ. Вѣроятно, и неясности текста принадлежатъ Липранди и его «образованному агенту». (*Прим. «Полярной Звѣзды»*).

или ради ничтожности общественнаго положенія своего, или по недостатку средствъ существованія; зато въ то же время небольшая каста привилегированныхъ счастливцевъ, нахально смѣясь надъ бѣдствіями ближнихъ, истощается въ изобрѣтеніи роскошныхъ изъявленій—тщеславія и низкаго разврата, прикрытаго утонченною роскошью.

Найденныя въ бумагахъ студента Филиппова десять заповѣдей.

Господь Богъ открылъ намъ волю свою въ десяти заповѣдяхъ, которыя далъ Онъ Моисею на горѣ Синайской для того, чтобы люди исполняли и свято соблюдали ихъ. Этихъ заповѣдей 10, вотъ онѣ:

1) Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ Бози иніи, развѣ Мене.

2) Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на землѣ низу, и елика въ водахъ и подъ землею: да не поклонишися имъ, да не послужиши имъ.

(Корысть, низкопоклонничество, угожденіе власти и богатству).

3) Не возьмеши имени Господа Бога твоего всуе.

(Клевета, беззаконіе въ судѣ, царь земли—Богъ. Всѣ власти отъ Бога. То, что на божницахъ основали права свои цари земные).

4) Помни день субботній, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, день же седьмой—суббота, Господу Богу твоему.

(Что значитъ положеніе крестьянъ, не соблюдающихъ?)

5) Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на землѣ.

6) Не убій.

(Убійство безъ нужды, обида ближняго, притѣсненія помѣщиковъ, убійство на войнѣ).

7) Не прелюбы сотвори.

(Что значитъ прелюбодѣяніе?)

8) Не укради.

(Что значитъ красть собственную помѣщичью собственность, первоначально пользовались благами міра?)

9) Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна.

10) Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего.

Что говорится въ первой заповѣди?

Въ первой заповѣди говорится, что есть только одинъ Богъ—и что кромѣ Него нѣтъ иного Бога. Этотъ сильный Богъ создалъ все, и безъ Него не было бы ничего—ни неба, ни земли, никакихъ тварей, живущихъ на землѣ; не было бы и человѣка. Итакъ, человѣкъ долженъ любить Господа Бога, своего Творца, всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями и всегда жить по Его святой волѣ. Кто преступилъ законъ человѣческій, виноватъ только предъ людьми и правъ предъ Богомъ, ибо законъ человѣческій положенъ людьми, а, стало быть, люди и перемѣнить его могутъ. А кто нарушитъ

законъ Божій, того покараетъ Богъ муками вѣчными, ибо божественный законъ данъ отъ Бога, и человѣкъ не властенъ перемѣнить его.

Что показываетъ вторая заповѣдь?

Показываетъ, чтобы для насъ ничего не было дороже воли и правды Господней. Кто возлюбилъ мірскія блага паче правды Божіей, тотъ сотворилъ себѣ кумира, преступилъ вторую заповѣдь. (Нельзя служить двумъ господамъ, у насъ одинъ Господь). Кто несправедливыми путями собираетъ богатство: воровствомъ, обманомъ, грабежомъ, тотъ возлюбилъ богатства паче Бога и Его святой правды. Горе вамъ, господа и начальники жестокосердые, что забываете заповѣди Божіи, ради мірскихъ благъ обижаете подвластныхъ вамъ. Горе тому, кто въ угоду начальству или господину творитъ всякія беззаконія, ибо ради воли начальника. Горе и тѣмъ, кто можетъ, но не хочетъ защищать бѣдныхъ и утѣсненныхъ. Горе вамъ, люди робкіе, что боитеся защищать братій, ибо вы возлюбили плоть больше правды Господней. Горе вамъ, ибо придетъ день суда, и примете всѣ по дѣламъ вашимъ.

Что повелѣваетъ третья заповѣдь?

Третья заповѣдь запрещаетъ призывать Господа Бога напрасно.

Кто клянется и божится, всуе пріемлетъ имя Господа Бога, ибо въ законѣ сказано: «Я же говорю вамъ: вовсе не клянитесь ни небомъ, потому что оно престолъ Божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ градъ великаго царя (Бога); ни головою своею не клянитесь, потому что не можете ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ и чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да-да, нѣтъ-нѣтъ; а что сверхъ того, то отъ лукаваго». И такъ начальники, приводя народъ къ присягѣ, поступаютъ не по закону Божію и примутъ тяжкое осужденіе.

Кто скажетъ: царь земный—Богъ, тотъ всуе пріемлетъ имя Господа Бога, затѣмъ, что есть только одинъ Богъ. Онъ одинъ царь неба и земли; а цари земные такъ же люди, какъ и мы грѣшные, и когда всѣ мы предстанемъ на судъ Господень, не спроситъ Богъ: кто былъ царь, кто господинъ, кто крестьянинъ—а каждому воздастъ по дѣламъ его. Царь долженъ быть первый слуга Богу и людямъ, ибо въ Писаніи сказано: «большій изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга», а также сказано: «кто хочетъ быть у васъ первымъ, будетъ вамъ рабъ». Царь, который забылъ свой долгъ, не хочетъ заступиться за народъ, унять господъ и начальниковъ, тотъ врагъ Богу и людямъ, и власть его не отъ Господа Бога, а отъ сатаны.

Въ четвертой заповѣди сказано: «Помни день субботній, святи его, шесть дней дѣлай и сотвори въ нихъ вся дѣла, а день седьмый, суббота, Господу Богу твоему». Что значитъ «святить день субботній» (а по-нашему воскресенье)? Это значитъ оставить въ праздникъ Господень всѣ дѣла мірскія и обратиться сердцемъ къ Творцу и Господу. А кто оставитъ дѣла свои ради пьянства и всякихъ богопротивныхъ забавъ, не по божескому закону справляетъ праздникъ Господень, служитъ не Богу, а сатанѣ. Лучше бы ему было, кабы не оставлялъ свои дѣла, ибо меньше бы грѣхъ сотворилъ.

Видали мы господъ, что, почитай, цѣлую недѣлю гоняютъ бѣдныхъ крестьянъ на барщину. Придетъ праздникъ Господень, и радъ бы мужикъ справить его по-христіански, да глядишь, то сѣно не убрано, то хлѣбъ пора жать, то дровъ навозить, а дома и холодно и голодно. Какъ быть? Нешто, станешь дѣлать! пошелъ мужикъ на работу, и въ праздникъ ему не праздникъ. А кто причина, что мужикъ не справляетъ праздника Божія? Господинъ. Тяжкій отвѣтъ дастъ онъ Богу на судѣ страшномъ, что ввелъ мужика въ соблазнъ, ибо въ Писаніи сказано: «Горе міру отъ соблазновъ, но горе человѣку, чрезъ котораго соблазнъ происходитъ».

Въ пятой заповѣди сказано: чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будешь на землѣ.

Надо любить родителей; но ради любви къ нимъ не должно оставлять заповѣдей Божіихъ. И такъ, коли отецъ или мать стали посылать тебя на дѣло, противное заповѣдямъ Божіимъ, или стали удерживать отъ дѣла, угоднаго Богу, можешь не послушать ихъ, ибо воля Господня паче воли родителей. Самъ Спаситель, Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: «Любящій отца или матерь болѣе, нежели меня, недостоинъ меня; любящій сына или дочь болѣе, нежели меня, недостоинъ меня».

Въ шестой заповѣди сказано: Кто убьетъ ближняго своего безъ нужды, того осудитъ Господь Богъ на тяжкія мученія: Богъ даетъ жизнь человѣку, Богъ *одинъ* можетъ отнять ее и послать смерть на человѣка; падетъ кровь неповинная на господъ.

И какъ же, забывая слово Божіе, начальники и господа слова не вымолвятъ съ нашимъ братомъ мужикомъ безъ брани? Забыли они слово Божіе и не соблюдаютъ святой его заповѣди. Дадимъ отвѣтъ и мы, что попустили ихъ обижать нашихъ братій; пора унять беззаконниковъ, да перестанутъ гнѣвить Господа Бога, ибо коли не уймемъ ихъ, гнѣвъ Господень падетъ на всѣхъ насъ. Мало того, чтобъ не убивать человѣка, надо и не обижать ближняго, ибо обижающій ближняго подлежитъ суду, а кто скажетъ брату своему «рака» (пустой человѣкъ), подлежитъ верховному судилищу; кто же скажетъ «безсовѣстный», подлежитъ геенѣ огненной. Нарушающій слово Божіе — смертію да умретъ. Всѣ вы идете смотрѣть, какъ наказываютъ мужиковъ, что посмѣли ослушаться господина или убили его. Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божію, и что принимаютъ наказаніе, какъ мученики за своихъ ближнихъ? Развѣ не будете защищаться, коли нападутъ на васъ разбойники? а помѣщикъ, обижающій крестьянъ своихъ, не хуже ли онъ разбойника?

Не должно быть и войнѣ, ибо всѣ люди, по слову евангельскому, должны жить, какъ братья, и потому начинающій войну дастъ отвѣтъ на судѣ страшномъ, а кто защищается, тотъ не повиненъ въ крови братьевъ. И такъ, если пойдемъ войной на чужой народъ, согрѣшимъ; но всѣхъ болѣе согрѣшитъ царь, что начинаетъ войну и ведетъ народъ свой на убійство, ибо въ Писаніи сказано: «на начинающаго Богъ». Отвѣтитъ и народъ, который пустилъ своихъ братій на убой.

Въ седьмой заповѣди сказано: не прелюбодѣйствуй. Сообщеніе должно быть по любви и должно быть освящено Богомъ. Бракъ по разсчету не освятится Богомъ, и потому—прелюбодѣяніе, ибо лжетъ во время обряда; бракъ по принужденію родителей—прелюбодѣяніе; бракъ по назначенію помѣщика—прелюбодѣяніе, и еще большій грѣхъ и для помѣщика и для жениха съ невѣстой. (Объ насилованіи, кстати и объ насилованіи помѣщиковъ).

Рѣчь Ханыкова на обѣдѣ въ память Фурье.

«Я начинаю говорить съ тѣмъ увлеченіемъ, какое внушаетъ мнѣ и наше собраніе, и то событіе, которое мы празднуемъ здѣсь (т. е., день рожденія Фурье), событіе, влекущее за собою преобразованіе всей планеты и человѣчества, живущаго на ней». Далѣе Ханыковъ говорилъ въ своей рѣчи о законѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, о борьбѣ сословій съ древности и до нашего времени и о томъ, что «въ этой борьбѣ надо признать неудовлетворенность страстей, и что нейтрализовать, уничтожить этотъ законъ можетъ только ученіе Фурье». Далѣе Ханыковъ перешелъ къ характеристикѣ печальнаго состоянія тогдашней Россіи, и въ заключеніе сказалъ: «Весь недостатокъ и все изумительное величіе нашей системы, господа, есть новый міръ, открытый нашимъ учителемъ и совершенно противоположный дѣйствительному порядку вещей. Намъ, нашей школѣ слѣдуетъ пополнить пробѣлъ въ системѣ. Какъ открытіе ни будь истинно, благодѣтельно само по себѣ, но по невѣжеству большинства, вытекающему изъ теперешней организаціи общества, оно не можетъ быть принято скоро и повсемѣстно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживаетъ до сихъ поръ борьбу упорную, сильную. Но не намъ бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, нашъ тѣсный, дружный союзъ на всѣхъ концахъ земного шара, во имя ея начала и закона... Преображеніе близко!»

Рѣчь Д. Д. Ахшарумова.

«Жизнь, какъ она теперь,—тяжела, гадка; мы всѣ несчастны, и можно ли быть счастливымъ въ этомъ обществѣ, въ которомъ мы живемъ? И такъ какъ порядокъ установленный противорѣчитъ главному, основному назначенію нашей человѣческой жизни, какъ и всякой другой, то онъ непремѣнно рано или поздно прекратится, и вмѣсто него будетъ новый, новый и новый. Когда?—вотъ это важный вопросъ, и мы можемъ только отвѣчать, что скоро. Уже тотъ фактъ, что мы сознаемъ недостатки, ошибки въ устройствѣ нашей жизни, и уже представляется намъ въ общихъ чертахъ новая жизнь,—этотъ самый фактъ доказываетъ, что началось время его разрушенія. И рухнетъ, и развалится все это дряхлое, громадное вѣковое зданіе, и многихъ задавитъ оно при разрушеніи и изъ насъ, но жизнь оживетъ, и люди будутъ жить богато, раздольно и весело.—Мы въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ, въ скопищѣ, разрозненномъ семействами, ко-

торыя, вредя другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ. И тамъ, за столицею, ползутъ города; единственная цѣль, высочайшее счастіе для нихъ—сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ, чудовищнымъ, какъ столица! Въ эти дни, въ этомъ самомъ обществѣ, мы собрались сегодня не для жалобъ, но, напротивъ, полны надеждой, торжествомъ... Мы даемъ обѣдъ и празднуемъ грядущее искупленіе человѣчества,—сегодня, именно сегодня, въ день рожденія Фурье, чтимъ его память, потому что онъ указалъ намъ путь, по которому идти, открылъ источникъ богатства, счастья. Сегодня—первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи, и всѣ они здѣсь: десять человѣкъ, немногимъ болѣе. Все начинается съ малаго и растетъ до великаго. Разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ—вотъ цѣль наша. Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля. Скоро избавленъ будетъ родъ человѣческій отъ невыносимыхъ страданій».

VII.

Арестъ Петрашевцевъ (1849 г.) [1]).

21 апрѣля шефъ жандармовъ А. Ѳ. Орловъ представилъ Николаю Первому обзоръ всего дѣла, списки участвующихъ и планъ ихъ арестовъ. Эти документы А. Ѳ. Орловъ сопроводилъ слѣдующей запиской:

Посылаю Вашему Величеству записки объ извѣстномъ дѣлѣ, изъ которыхъ Вы изволите усмотрѣть:

1-е, обзоръ всего дѣла, 2-е, три тетради съ именнымъ спискомъ участвующихъ, и съ описаніемъ дѣйствій каждаго изъ нихъ, и съ означеніемъ ихъ жительства.

Въ обзорѣ Вы изволите усмотрѣть удобнѣйшее средство къ арестованію виновныхъ. Предложеніе это будетъ исполнено, ежели Ваше Величество не сдѣлаете какихъ-либо измѣненій.

По моему мнѣнію, это вѣрнѣйшее и лучшее средство.

Долгомъ считаю присовокупить, что ежели Вы удостоите предположеніе мое Вашимъ утвержденіемъ, то Высочайшая воля Ваша насчетъ Кропотова [2]) должна измѣниться, а потому не прикажете ли доставить его къ Вашему Величеству 23 апрѣля въ 7 часовъ утра или въ другое Вамъ угодное время.

Гр. Орловъ.

21-го апрѣля.

Государь положилъ свою резолюцію не на этой запискѣ Орлова, а на другой, въ которой графъ писалъ:

---

[1]) *Былое*, 1906, февраль.

[2]) Кропотовъ—перваго кадетскаго корпуса поручикъ.

«Я сейчасъ воротился изъ штаба, гдѣ всѣ распоряженія при мнѣ сдѣланы и завтра исполнятся, когда получу разрѣшеніе Вашего Величества».

Именно на этой запискѣ читаемъ слѣдующія характерныя строки, набросанныя Николаемъ I.

«Я все прочелъ; дѣло важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно въ высшей степени преступно и нестерпимо.

«Приступить къ арестованію, какъ ты полагаешь; точно лучше, ежели только не будетъ разгласки отъ такого большого числа лицъ на то нужныхъ.

«Набокова впередъ не увѣдомляй, а гораздо лучше тогда ему дать знать, прямо отъ меня, что и сдѣлай.

«Кропотова я вытребую отъ тебя, когда уже всѣ будутъ взяты.

«Съ Богомъ! да будетъ воля Его!»

Въ самый послѣдній моментъ явилось подозрѣніе, что можетъ пойти ледъ, разведутъ мосты, и, такимъ образомъ, комендантъ крѣпости Набоковъ не будетъ извѣщенъ объ арестахъ. Дубельтъ сообщилъ Орлову о своихъ сомнѣніяхъ.

«Льду на Невѣ нѣтъ, мостъ наведенъ, и мостовые увѣряютъ, что сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ, въ теченіе ночи, не прекратится.

«Я отправлю отношеніе къ Набокову, ежели чуть-чуть будетъ подозрѣніе, что мостъ разведутъ».

Гр. Орловъ сдѣлалъ на этомъ докладѣ слѣдующую помѣтку:

«Справедливо по отношенію къ Набокову. Не лучше ли передать Кушинскому, чтобы онъ его употребилъ, ежели мостъ разведутъ, и ежели нѣтъ, то воротилъ бы тебѣ назадъ.

«Дай Богъ во всемъ успѣха!»

Итакъ, благословеніе Божіе было призвано и Николаемъ I и шефомъ Орловымъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е апрѣля аресты были произведены.

23-го апрѣля гр. Орловъ доносилъ:

«Честь имѣю донести Вашему Величеству, что арестованіе совершено, въ III Отдѣленіе привезено 34 человѣка, со всѣми ихъ бумагами. Въ числѣ арестованныхъ находятся всѣ главныя лица и размѣщены по одиночкѣ, не привезено еще 7 человѣкъ самыхъ незначительныхъ по весьма достаточнымъ причинамъ, одинъ изъ нихъ *Плещеевъ* въ Москвѣ, бумаги же его опечатаны, одинъ *Серебряковъ* двое сутокъ не ночуетъ дома, одинъ *Григорьевъ* Конногренадерскаго полка долженъ быть въ Петербургѣ и, наконецъ, четверо: Берестовъ, Ламанскій, Михайловъ, Тимковскій, которыхъ квартиры не были извѣстны. Къ отысканію ихъ квартиръ теперь уже можно принять мѣры и принимаются.

«Теперь остается мнѣ просить Ваше Величество, не благоугодно ли дать повелѣніе о принятіи отъ меня въ С.-Петербургскую крѣпость сихъ арестованныхъ. Предполагаю, получивъ Ваше приказаніе, отправить ихъ сегодня вечеромъ по частямъ.

«Приказанія были исполнены съ точностью и съ большой быстротой, и по моимъ свѣдѣніямъ все совершено съ большой тишиной, безъ всякой огласки и съ наивеличайшей аккуратностью».

Государь положилъ слѣдующую резолюцію:

«Слава Богу! теперь ждать буду, какое послѣдствіе имѣло надъ ними сіе арестованіе, и что при первомъ свиданіи съ главными ты отъ нихъ узнаешь.

«Приказаніе г. Набокову далъ».

24-го апрѣля гр. Орловъ сдѣлалъ новое донесеніе:

«Сегодня отъ сильной головной боли я не могу, къ крайнему моему сожалѣнію, явиться къ Вашему Величеству, новаго ничего нѣтъ, все смирно и благополучно.

«Всѣ арестанты отправлены и сданы въ крѣпость. Принималъ ихъ самъ комендантъ и при сдачѣ каждаго находился отъ меня полковникъ.

«Въ принятіи отъ меня каждаго арестанта есть особенныя росписки. Отправленіе началось въ $10^1/_4$ часовъ вечера, кончилось въ 2 часа пополуночи. Отправленіе и сдача ихъ совершены исправно и безъ всякаго приключенія

«По списку арестованныхъ лицъ остается три невзятыхъ: Плещеевъ, о которомъ писали къ гр. Закревскому, Михайловъ и Тимковскій. Сихъ двухъ послѣднихъ сегодня, вѣроятно, возьмутъ по сдѣланнымъ распоряженіямъ.

«Бумаги и все дѣло отправлены къ ген.-ад. Набокову».

На этомъ донесеніи Государь сдѣлалъ слѣдующія отмѣтки:

Противъ сообщенія о головной боли онъ написалъ: «Жалѣю, но надѣюсь, что кончится одной воскресной головной болью».

Противъ словъ о лицахъ, еще не взятыхъ, Николай Павловичъ отмѣтилъ: «Надо Закревскому дать понятіе о сдѣланномъ открытіи».

Наконецъ, прочитавъ послѣднія строки, объ отправленіи дѣла къ коменданту Набокову, назначенному предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи. Николай Павловичъ приписалъ: «Пора имъ начать»

ГЛАВА X.

Итоги.

1.

Состояніе государства въ 1841 году.

(Записка Н. Кутузова, поданная императору Николаю I) [1]).

2-го апрѣля 1841 года.

> Собирайте сокровища на небеси, идѣ же ни тля тлитъ и татіе не крадутъ (Еванг. Св. Матѳ.).

При проѣздѣ моемъ по тремъ губерніямъ, по большимъ и проселочнымъ трактамъ, въ самое лучшее время года, при уборкѣ сѣна и хлѣба, не

[1]) *Русск. Стар.*, 1898, сентябрь.

было слышно ни одного голоса радости, не видно ни одного движенія, доказывающаго довольствіе народное. Напротивъ, печать унынія и скорби отражается на всѣхъ лицахъ, проглядываетъ во всѣхъ чувствахъ и дѣйствіяхъ. Помня тридцать лѣтъ тому назадъ, что это время года было торжество селянина, дни его радости, оглашаемой отъ зари утренней до зари вечерней пѣснями,—эта печать унынія была для меня поразительна, тѣмъ болѣе, что благословеніе Божіе лежало на поляхъ губерній, мною проѣханныхъ (Новгородской, Псковской и части Тверской); на нихъ красовались богатыя жатвы, обѣщавшія вознаградить труды землевладѣльца болѣе, чѣмъ обыкновенно вознаграждаетъ ихъ сѣверное небо нашей родины. Отпечатокъ этихъ чувствъ скорби такъ общъ всѣмъ классамъ, слѣды бѣдности общественной такъ явны, неправда и угнетеніе вездѣ и во всемъ такъ наглы и губительны для государства, что невольно рождается вопросъ: неужели все это не доходитъ до престола вашего императорскаго величества? Вы не знаете причинъ бѣдствій народныхъ, всемилостивѣйшій государь: иначе скорбь бы его обратилась въ радость, бѣдность въ избытокъ, неправда и угнетеніе въ судъ правый и въ защиту слабаго отъ сильнаго. По чувству преданности къ пользамъ государства, я поставляю для себя священною обязанностію представить краткую, но вѣрную картину общественныхъ бѣдствій, открыть то зло, которое тяготѣетъ надъ землею Русскою и которое грозитъ разрушеніемъ всѣхъ началъ государственнаго благоустройства. Но прежде разсмотримъ, какимъ образомъ монархъ можетъ въ точности узнавать истину и настоящее положеніе дѣлъ.

Въ монархическомъ правленіи, государь троякимъ образомъ можетъ узнать истину и состояніе своего народа: 1) Мѣшаясь тайно и явно среди самаго народа, лично прислушиваясь къ его голосу и нуждамъ и допуская къ себѣ всякаго. Такъ дѣлали Петръ Великій, Гарунъ-Аль-Рашидъ и послѣдній турецкій султанъ Махмудъ. 2) Дозволяя приближаться къ себѣ всякому въ опредѣленномъ мѣстѣ, приглашая къ себѣ иногда людей, находящихся внѣ сферы придворной. Такъ дѣлали Екатерина Великая и покойный императоръ австрійскій Францъ. 3) Дозволяя писать къ себѣ каждому и читая подобныя письма, а въ случаѣ поразительной несправедливости разсматривая дѣла и подвергая строгому наказанію виновныхъ. Такъ дѣлали Петръ Великій, Павелъ I и покойный прусскій король, который всякій день посвящалъ нѣсколько часовъ на прочтеніе подобныхъ писемъ и оставилъ по себѣ память отца и благодѣтеля народнаго.

Покойный императоръ Александръ I, возложа управленіе гражданскими дѣлами на графа Аракчеева, воспретилъ всякій къ себѣ доступъ: зло росло медленно, но постоянно и обнаружилось взрывомъ 14-го декабря. У престола вашего императорскаго величества нѣтъ ни одного избраннаго, но зато нѣсколько человѣкъ окружающихъ оный составили ограду, чрезъ которую никакія злоупотребленія вамъ не видны, и голосъ угнетенія и страданій вашего народа не слышенъ. Скорѣе можно достичь до престола Царя Небеснаго, чѣмъ до престола царя земного, такъ говоритъ народъ вашъ, и го-

воритъ истину. Именемъ вашего величества воспрещено приближаться къ вамъ и подавать прошенія во всѣхъ предѣлахъ Имперіи. Я не вѣрю, чтобы вы знали объ этомъ запрещеніи: это остатокъ повелѣній предшествовавшаго правленія, остатокъ, котораго послѣднее дѣйствіе было разыграно на Сенатской площади. Это воспрещеніе въ буквальномъ смыслѣ значитъ: сильный дѣлай, что хочешь, а слабый не смѣй на него жаловаться; и къ кому обратиться угнетенному? Къ министрамъ? Но они всегда отвѣчаютъ, что не мое дѣло, и, составляя между собою союзъ наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій, не выдадутъ одинъ другого. Къ Комиссіи прошеній? Но она по многимъ предметамъ не можетъ входить въ разсмотрѣніе, а по которымъ должна, не хочетъ, боясь борьбы съ сильными. Она всегда плыла по вѣтру и держалась того берега, который грѣетъ солнце и изобиленъ земными благами: ей тепло и сытно, а народу и холодно, и голодно.

Съ ранней молодости моей служа подъ личнымъ начальствомъ вашего императорскаго величества, существуя вашими благодѣяніями, я не имѣлъ столкновенія ни съ какими властями, не испыталъ ни отъ кого никакихъ непріятностей. Едва знаемый кѣмъ-либо изъ окружающихъ васъ, и то по слуху, я могу и долженъ быть безпристрастенъ: дѣла съ ихъ дѣлателями представляются мнѣ въ настоящемъ видѣ и свѣтѣ, ибо я стою съ ними въ уровень, смотрю на нихъ своими глазами, прислушиваюсь къ голосу народа своими ушами. Итакъ, положа руку на сердце, я приступаю къ обозрѣнію причинъ общественныхъ бѣдствій. Для ясности положенія, раздѣляемъ по вѣдомствамъ, имѣющимъ ближайшее вліяніе на судьбу Имперіи.

Министерство Государственныхъ имуществъ.

При учрежденіи сего министерства, вы мыслили улучшить благосостояніе казенныхъ крестьянъ; но, съ самаго его учрежденія, оно приняло характеръ разоренія, и положеніе крестьянъ не только не улучшилось, но бѣдность ихъ достигла высочайшей степени, и не отъ неурожаевъ, на которые слагаютъ вину, но отъ самаго устройства министерства и отъ его дѣйствій. Государь! участь этихъ милліоновъ несчастныхъ, участь дѣтей вашихъ, за весь кровавый трудъ не имѣющихъ куска хлѣба, но все-таки обожающихъ васъ, заслуживаетъ вашего воззрѣнія. Сердце обливается кровью, смотря на эту толпу несчастныхъ, годъ-отъ-году приходящихъ въ худшее состояніе.

Устройство министерства. Изъ одного департамента министерства финансовъ вдругъ выросло три департамента, нѣсколько канцелярій, полсотни палатъ, сотни окружныхъ управленій, такъ что вмѣсто ста двадцати прежнихъ управленій явилось болѣе 1.500. Подобное умноженіе чиновниковъ во всякомъ государствѣ было бы вредно, но въ Россіи оно губило и губитъ Имперію. Что оно губило Россію—можетъ удостовѣрить слѣдующій манифестъ императрицы Екатерины I.

«Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не только служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народ-

ной; понеже вмѣсто того, что прежде къ одному адресоваться имѣли, нынѣ къ десяти и болѣе. А всѣ тѣ разные правители имѣютъ особыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ правители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ безпорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящшей народной тягости ежедневно происходятъ и происходить будутъ.» (Полн. собр. зак. т. VII, манифестъ 1727 г. февр. 24, пункт. 6, № 5017).

Эта истина высказана за сто лѣтъ тому назадъ, когда простота нравовъ требовала одного пропитанія, слѣдовательно, что же нынѣ, когда роскошь и развратъ овладѣли всѣми чувствами, поработили сердца и понятія? Теперь стремятся не къ пропитанію, но къ обогащенію, что губитъ Россію въ настоящее время. Этому доказательство бѣдственное состояніе государства, происходящее отъ недостатка административнаго устройства, производящаго множество чиновниковъ, желающихъ обогащенія, а отъ сего нѣтъ правды въ судѣ, нѣтъ истины въ дѣлахъ,—одна корысть и угнетеніе. У насъ каждый министръ, для доказательства важности своего управленія старается объ учрежденіи множества департаментовъ, комиссій и канцелярій, наполненныхъ множествомъ чиновниковъ, не понимая, что это доказываетъ его незнаніе дѣла, и что отъ этого управленіе идетъ гораздо хуже, по весьма простой истинѣ, устройствомъ міра намъ указанной: чѣмъ болѣе предметовъ окружаетъ движущееся тѣло, тѣмъ движеніе его медленнѣе и неправильнѣе. Отъ этого множества мѣстъ рождается и другое зло для успѣшнаго хода дѣлъ: безконечная переписка (съ учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ открылись три бумажныя фабрики), отчего теряется вниманіе къ самому существу дѣла, которое уже становится постороннимъ предметомъ, а очистка бумагъ—главнымъ, дабы для блеска отчетовъ можно было сказать: поступило нѣсколько десятковъ тысячъ, всѣ рѣшены, а какъ рѣшены, это извѣстно одному только Богу; ибо Онъ только одинъ видитъ слезы и слышитъ вздохи несчастныхъ.

Дѣйствія министерства. Первымъ дѣйствіемъ министерства было описать, что подлежитъ его вѣдомству. Это прекрасно, но ежели это считали необходимымъ, то должно было о причинѣ такой мѣры опубликовать установленнымъ порядкомъ. Казенные крестьяне, не зная предварительно цѣли и намѣреній правительства, думали, что у нихъ отберутъ ихъ имущество; владѣльческіе крестьяне, напротивъ, по внушенію злонамѣренныхъ людей, видѣли въ этомъ желаніе правительства избавить ихъ отъ власти помѣщиковъ, это столкновеніе ошибки со стороны властей и ложнаго понятія крестьянъ произвело пожары и убійства. Виновато начальство, а разстрѣливали людей, имъ вовлеченныхъ въ преступленія. Вторымъ дѣйствіемъ министерства было взысканіе недоимокъ. Мѣстныя начальства, желая показать выслугу предъ высшими властями, продавали все имущество крестьянъ и этою мудрою мѣрою привели ихъ къ разоренію: нѣтъ скота, нѣтъ хлѣба, бѣдность сдѣлалась всеобщею и, можетъ быть, надолго. Еще лучше, при

взысканіи податей многіе употребляютъ систему, бывшую въ Турціи (и тамъ, какъ разорительную, брошенную): въ селеніи зажиточный крестьянинъ платитъ подати за бѣдныхъ, имѣя право самъ взыскивать съ нихъ имъ заплаченное; отчего всѣ стали равные: всѣ нищіе, и ежели есть богатые, то ихъ очень немного, и это богатство послѣдняя кровь, высосанная у несчастныхъ.

Огромность министерства требуетъ огромныхъ издержекъ, почему на расходы мѣстныхъ управленій сбирается по два и болѣе рубля съ души. Этотъ налогъ и при хорошемъ состояніи крестьянъ былъ бы тягостенъ, а теперь до невѣроятности обременителенъ. Надо знать, что нашъ крестьянинъ, едва имѣя насущный хлѣбъ, платитъ государству болѣе даже англійскаго фермера, котораго благосостояніе до крайности развито и защищено законами. У насъ одинъ платитъ за троихъ и болѣе умершихъ, малолѣтнихъ и поступившихъ въ рекруты; сверхъ сего несетъ отяготительныя повинности: подводную, постойную и рекрутскую, слѣдовательно, всякое увеличеніе налоговъ, прямыхъ и даже косвенныхъ, есть источникъ конечнаго разоренія. Ко всему этому должно повторить слова именнаго вышеозначеннаго указа: «управляющіе пропитанія своего хотятъ», и тогда откроется настоящая картина состоянія крестьянъ.

Съ нѣкотораго времени, особенно по министерству государственныхъ имуществъ, учредилась законодательная фабрика: безпрестанно публикуются новыя положенія, уставы и проекты,—огромные по объему, а малые по существу своему. Истинъ въ законодательствѣ немного, и онѣ постояннѣе человѣческой мудрости. Законы можно исправлять и дополнять сообразно съ потребностію и новыми случаями, возникающими въ жизни народной, а не уничтожать все предшествовавшее, дабы постановлять новое, несообразное ни съ мѣстными нуждами, ни съ началами государственнаго благоустройства. Этихъ великихъ преобразователей можно сравнить съ хозяиномъ, который вырываетъ столѣтніе дубы, дающіе тѣнь и прохладу, дабы насадить репейникъ. Чѣмъ постояннѣе законодательство, тѣмъ тверже и непоколебимѣе форма государственнаго правленія—истина, доказанная вѣками, ибо чего должно ожидать отъ непостоянной человѣческой природы, когда и законы, этотъ святой глаголъ монаршей воли, выраженіе его благости къ народу, сдѣлаются игрою прихоти, цѣлью корысти и мишурнымъ покровомъ грязныхъ дѣлъ? Удивительно, что Государственный Совѣтъ не останавливаетъ этого татарскаго нашествія на наше законодательство!

Пути сообщенія.

Пути сообщенія, особенно водяные, годъ-отъ-году приходятъ въ худшее положеніе, и при малѣйшей засухѣ грозятъ Петербургу голодомъ. Это препятствуетъ быстрому ходу внутренней промышленности и развитію народнаго богатства. Главная сему причина также во множествѣ чиновниковъ, которые также, по выраженію Екатерины I, хотятъ своего пропитанія и обогащенія. Вообще, этотъ родъ службы считается самымъ выгоднымъ

въ государствѣ. Полезнѣе было бы уменьшить число чиновниковъ, чѣмъ взимать шоссейный сборъ съ крестьянъ; и какая справедливость? Крестьяне и мѣщане платятъ по 25 к. съ души въ годъ на поддержку дорогъ, и съ нихъ же еще сбираютъ деньги за то, что они ѣздятъ по этимъ дорогамъ! На крестьянинѣ же лежитъ повинность исправлять дороги, не поступившія въ вѣдомство путей сообщенія. Эта повинность не была бы такъ тягостна, какъ нынѣ, ежели бы производилась подъ руководствомъ людей свѣдущихъ. Тогда бы не нужно было, въ самую рабочую пору, дѣлать поголовные сборы, какъ бываетъ при проѣздѣ вашего императорскаго величества, чему я былъ свидѣтелемъ прошедшаго года въ Псковской губерніи. Нынѣ же при исправленіи крестьянами дорогъ наблюдаютъ одни свѣтила небесныя или люди, ничего непонимающіе въ семъ предметѣ, отчего всякій годъ ихъ чинятъ. Но онѣ остаются въ прежнемъ дурномъ положеніи; особенно мосты чрезъ глубокія и быстрыя рѣки стоятъ обывателямъ тяжкихъ трудовъ и большихъ издержекъ, но всякій годъ разрушаются весеннею водою, и даже лѣтомъ переправа чрезъ нихъ трудна и опасна, ибо для прочнаго ихъ сооруженія потребны и наука, и большіе капиталы. Все это вмѣстѣ взятое разрушаетъ благосостояніе народное.

Военное министерство.

Въ семъ министерствѣ два элемента подлежатъ разсмотрѣнію: собственно управленіе министерства и войско.

Въ началѣ царствованія вашего величества, главное управленіе всѣми отраслями военнаго вѣдомства сосредоточивалось въ лицѣ начальника главнаго штаба; подъ нимъ управленіе строевой частью лежало на дежурномъ генералѣ, а хозяйственною—на военномъ министрѣ. Слѣдовательно, та и другая части имѣли надзоръ, и ежели хозяйственная занималась иногда хозяйствомъ своего кармана, ко вреду казеннаго интереса, то это была болѣе случайность, происходящая отъ недостатка устройства и содержанія чиновниковъ, и производилась въ тайнѣ съ величайшею осторожностію, безъ публичнаго соблазна, слѣдовательно, не имѣла вліянія на *нравственность* государства.

Еще въ 1836 году, при изданіи наказа военному министру, я представлялъ о семъ гибельномъ направленіи законодательства; но это, по выраженію св. писанія, былъ голосъ въ пустынѣ. Между тѣмъ, благосостояніе народа годъ-отъ-году упадаетъ, поелику это быстрое обогащеніе лицъ въ челѣ управленія поразило антоновымъ огнемъ всѣ нервы, движущіе составъ государственный, и ниспровергло остатки нравственности въ правленіи, а гдѣ нѣтъ нравственности, въ быту ли государственномъ, въ быту ли семейномъ, тамъ нѣтъ счастія. Государь! есть *нравственное* чувство, которое ведетъ войско къ побѣдамъ, такъ точно есть *нравственное* въ гражданскомъ управленіи, которое устраиваетъ, оживляетъ и счастливитъ государства. Что-жъ это *нравственное* гражданскаго управленія? Самозабвеніе, самоотверженіе подданныхъ къ пользамъ государства и славѣ государя. Но при-

мѣры яснѣе намъ покажутъ это. Цинцинату приносятъ груды золота, чтобы пріобрѣсть его голосъ ко вреду выгодамъ Рима; но онъ, не имѣвшій другой пищи, кромѣ чечевицы, съ его же поля собираемой, ни другой утвари, кромѣ глинянаго горшка и деревянной чаши, отвергаетъ золото! Петръ Великій подписалъ указъ, отяготительный для народа; Долгорукій, не находя средствъ остановить зла, отъ сего произойти могущаго, раздираетъ его, и на вопросъ разгнѣваннаго государя отвѣчаетъ: «это понудила меня сдѣлать ревность къ твоей славѣ и благу твоего народа; не гнѣвайся, Петръ Алексѣевичъ, я знаю, что ты не хочешь разоренія своей земли». Петръ, уважа представленіе Долгорукаго, отмѣнилъ указъ. Вотъ черты добродѣтели гражданской, черты, непонятныя и непонимаемыя настоящимъ временемъ, черты, доказывающія величіе царя и подданныхъ, достойныхъ этого величія.

Теперь должно обратиться къ самому войску, на которое обращено все вниманіе правительства. Оно блестяще, но это наружный блескъ, тогда какъ въ существѣ своемъ оно носитъ сѣмена разрушенія нравственной и физической силы. Разрушеніе нравственной силы состоитъ въ потерѣ уваженія нижнихъ чиновъ къ своимъ начальствамъ; безъ этого же уваженія — войска не существуетъ. Эта потеря произошла отъ предосудительнаго обращенія главныхъ начальниковъ съ подчиненными имъ офицерами и генералами: передъ фронтомъ и при другихъ сборахъ нижнихъ чиновъ, ихъ бранятъ, стыдятъ и поносятъ. Отъ этого произошло то, что, съ одной стороны, тѣ только офицеры служатъ и терпятъ это обращеніе, которые или не имѣютъ куска хлѣба, или незнакомы съ чувствомъ чести; съ другой, — что нижніе чины потеряли къ нимъ уваженіе, и это достигло до такой степени, что рядовой даетъ пощечину своему ротному командиру! Это не бывало съ учрежденія русской арміи; были примѣры, что убивали своихъ начальниковъ, но это ожесточеніе, а не презрѣніе. Разрушеніе физическихъ силъ арміи заключается въ способѣ ея обученія и въ безсрочныхъ отпускахъ. Мы видимъ, что четвертая часть арміи исчезаетъ ежегодно отъ необыкновенной смертности и отъ неспособности къ службѣ, отъ болѣзней происходящей; безсрочные отпуска довершаютъ ея опустошеніе. Эти причины такъ важны и такъ тѣсно связаны съ благосостояніемъ государства, что требуютъ подробнаго разсмотрѣнія.

Причины смертности и неспособности [1]). Это происходитъ потому,

[1]) Изъ отчета дѣйствующей арміи за 1835 г. видно, что по спискамъ состояло 231,099 чел., заболѣло 173,892 чел., слѣдовательно, почти вся армія была въ госпиталяхъ; умерло 11,023, т. е., двадцатый человѣкъ. Зная по опыту, что неспособныхъ бываетъ одна четвертая часть противъ умершихъ, выходитъ, что съ лишкомъ 15 тыс. выбываетъ. Это въ арміи, но что же въ гвардіи, гдѣ обученіе производится съ напряженіемъ всѣхъ силъ! Суворовъ говорилъ: «у нѣкоторыхъ заболѣваетъ 1 на 100 въ мѣсяцъ, а у насъ и на 500 менѣе; солдата, который два раза былъ въ больницѣ, на третій тащитъ къ себѣ домовище (гробъ)!» Суворову можно вѣрить.

Изумительное различіе: тогда на 500 чел. здоровыхъ былъ одинъ больной; нынѣ на 500 чел. больныхъ одинъ здоровый.

что: 1) рекрутъ, тотчасъ по приводѣ въ полки, подвергаютъ всѣмъ тягостямъ обученія, отчего между ними рождается болѣзнь, извѣстная подъ именемъ тоски по отчизнѣ, болѣзнь неизлечимая, ибо, истощая душевныя силы, уничтожаетъ силы физическія; 2) принята метода обученія, гибельная для жизни человѣческой. Солдата тянутъ вверхъ и внизъ въ одно время: вверхъ для какой-то фигурной стойки, внизъ для вытяжки ногъ и носковъ. Солдатъ долженъ медленно, съ напряженіемъ всѣхъ мускуловъ и нервъ, — вытянуть ногу въ половину человѣческаго роста, и потомъ быстро опустить ее, подавшись на нее всѣмъ тѣломъ; отъ этого вся внутренность, растянутая и безпрестанно потрясаемая, производитъ чахотки и воспалительныя болѣзни [1]), такъ что часто повидимому ничтожная болѣзнь превращается въ смертельную, потому что при поврежденіи внутренняго организма природа не можетъ сопротивляться и малѣйшему на нее нападенію.

Къ этому, можно сказать, гибельному обученію присоединилась мысль пересоздать человѣка: требуютъ, чтобы солдатъ шагалъ въ $1^1/_2$ аршина, когда Богъ создалъ ему ноги шагать въ аршинъ! Слѣдовательно, къ растяженію внутренностей присоединилось растяженіе связокъ ножныхъ. Отъ этого войско не въ состояніи будетъ дѣлать тѣхъ изумительныхъ переходовъ, которые дѣлали солдаты временъ Суворовскихъ, никогда не имѣя отсталыхъ. Суворовъ говорилъ: «солдата шагъ аршинъ, при захожденіи $1^1/_2$ аршина». Слѣдствіе нынѣ принятой методы обученія можно видѣть весною на площадяхъ: солдатъ, послѣ всѣхъ вытяжекъ и растяжекъ, повторяемыхъ нѣсколько разъ въ день, по 2 часа на пріемъ, идетъ въ казармы, какъ разбитая на ноги лошадь! Присоединя къ этому дурное леченіе и содержаніе солдатъ въ госпиталяхъ (изъ отчета арміи за 1837 г. видно, что въ госпиталяхъ умираетъ 15-й человѣкъ, а въ лазаретахъ 28-й), надо удивляться, что не половина войска ежегодно уничтожается. Люди тысячами гибнутъ безъ ропота, но и безъ славы, а народъ безпрестанно истощается рекрутскими наборами, повинностію самою тягостною и разорительною: она, выбирая изъ семействъ лучшихъ людей, приводитъ въ бѣдность и семейства, и государство, теряющее производительныя силы безъ пользы и славы для себя. И для чего эта огромная армія, когда она исчезаетъ отъ болѣзней, когда она, можно сказать, съѣдаетъ благосостояніе государства, безъ славы и пользы для имперіи? Огромность арміи есть выраженіе не силы, но безсилія государства, котораго крѣпость и могущество заключаются въ духѣ народномъ, въ его преданности и любви къ правительству. Эта истина доказана вѣками, она подтверждена и борьбою Испаніи съ Наполеономъ, и нашимъ славнымъ 1812-мъ годомъ. Въ настоящемъ же положеніи финансовъ въ Россіи, эта громада войскъ имѣетъ гибельное послѣдствіе: она, истощая источники жизни общественной, препятствуетъ всякому улучшенію.

---

[1]) По отчету арміи за 1835 г. видно, что изъ 173,892 чел. больныхъ было одержимо воспалительными и изнурительными болѣзнями 130 тыс. человѣкъ.

Безсрочные отпуски. Ежели спросятъ: какое учрежденіе въ Россіи имѣетъ болѣе революціонныхъ началъ? Можно необинуясь сказать: безсрочные отпуски въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ у насъ. Безсрочные отпуски должно разсматривать трояко: какъ гражданское и политическое учрежденіе и какъ матеріальный составъ арміи. Въ гражданскомъ отношеніи они усугубляютъ бѣдность народную, ибо селенія, къ которымъ принадлежатъ безсрочные, обязаны платить за нихъ повинности и еще кормить этихъ трутней. Окружающіе ваше императорское величество, желая не пользы государственной, не прочной, истинной славы вашей, славы, основанной на настоящемъ и будущемъ благѣ народа, но сохраненія своихъ ничтожныхъ выгодъ, средства своего пресыщенія, представляютъ все или въ превратномъ или въ утѣшительномъ видѣ, почему говорятъ и даже печатаютъ о какомъ-то поселеніи безсрочно отпускныхъ; но, видя своими глазами, я могу сказать, что они бродятъ по землѣ русской, какъ бедуины по степямъ Азіи. Лѣтомъ, въ самую рабочую пору, когда каждый изъ поселянъ занятъ тяжкими трудами, на большихъ трактахъ, на проселочныхъ дорогахъ встрѣчаешь однихъ безсрочно отпускныхъ; они переходятъ изъ селъ въ селы, гдѣ храмовые праздники и трехдневное пьянство. Не только не видать поселившихся, но на вопросъ мой крестьянамъ: почему они не пріучаютъ ихъ къ работамъ? я получилъ въ отвѣтъ: «Богъ вѣсть, что они за люди, и отцы-то родные выгоняютъ ихъ изъ домовъ; работать не хотятъ, говоря—мы, дескать, служивые, намъ стыдно возиться съ сохою; а гдѣ кормить ихъ, когда и для своихъ ребятишекъ нѣтъ хлѣба!» Не спорю, есть и поселившіеся, но, думаю, едва ли и пять тысячъ человѣкъ на сто пятьдесятъ тысячъ—что-жъ это такое? Едва замѣтная капля въ морѣ.

Обращаясь къ разрѣшенію вопроса политическаго, надо сознаться, что въ будущемъ безсрочно отпускные будутъ причиною важныхъ безпорядковъ и потрясеній государственныхъ. Человѣка, непривязаннаго къ обществу ни собственностію, ни семейными связями, бродящаго безъ труда и цѣли, легко увлечь къ безпорядку. Нашъ вѣкъ отличается гибельнымъ стремленіемъ къ ниспроверженію самыхъ святыхъ истинъ; слѣдовательно, издавая постановленія, необходимо соображаться съ симъ направленіемъ вѣка и, по возможности, ему противоборствовать. Законы переживаютъ насъ, и только тѣ изъ нихъ превосходны, которые, принося пользу настоящему поколѣнію, не будутъ причиною несчастій поколѣній будущихъ. Внуки должны питаться и покоиться отъ насажденій дѣдовъ. Но какую горестную будущность представляетъ для насъ эта огромная масса людей праздныхъ, умѣющихъ владѣть оружіемъ, и увлеченная какимъ-нибудь Кромвелемъ къ разрушенію существующаго порядка!

Государь! Именемъ вашей славы, именемъ блага Россіи, которое основано на прочности престола, молю васъ измѣнить настоящій порядокъ по сему предмету! Стоитъ только немного подумать, и для государственной пользы пожертвовать самолюбіемъ, чтобы изъ этого вреднаго порядка составить прочное и благотворное учрежденіе, чтобы дать имперіи чрезъ 30

лѣтъ болѣе милліона войска, котораго бы содержаніе въ мирное время ничего не стоило, но которое, развивая производительныя силы, увеличило бы общественное благосостояніе.

Теперь разсмотримъ, увеличиваютъ ли безсрочные отпуски матеріальную силу арміи? напротивъ, они, увеличивая числительность, въ той же соразмѣрности уменьшаютъ матеріальность, которая составляетъ послѣднюю ступень *нравственнаго* войска, того *нравственнаго*, которое съ матеріальными средствами творитъ великія дѣла (примѣръ Румянцевъ и Суворовъ); безъ этого же нравственнаго огромныя силы исчезаютъ, не производя и малыхъ дѣлъ. Что же можетъ принести человѣкъ, нѣсколько лѣтъ живши на свободѣ и въ праздности, туда, гдѣ требуется и тяжкій трудъ, и важныя лишенія, и безпрекословное повиновеніе? Чувство разрушительное для арміи: заразу лѣни, ропота и неповиновенія! Недостаточно отпусковъ послѣ 15 и 20-лѣтней службы, предполагается ввести и послѣ 10-лѣтней; но это еще болѣе послужитъ къ уничтоженію физическихъ силъ арміи и къ ея разстройству, ибо, при требованіи наружнаго блеска въ войскѣ, должно будетъ еще болѣе усилить его обученіе (которое, какъ выше доказано, истребляетъ $^1/_4$ часть арміи); тогда еще болѣе увеличится смертность и неспособность къ службѣ, слѣдовательно увеличатся рекрутскіе наборы, и такъ уже до крайности истощившіе государство. Самые полки поставляются этимъ въ затруднительное положеніе, поелику, лишаясь безпрестанно мастеровыхъ, они не въ состояніи будутъ содержать себя въ должномъ устройствѣ.

Говоря о вредныхъ для государства административныхъ дѣйствіяхъ, необходимо бросить бѣглый взглядъ на попечительность начальства о потребностяхъ жизни народной. Въ прошедшемъ году [1]), нѣкоторыя губерніи поражены были голодомъ. Бѣдствіе было ужасное! Но развѣ голодъ вдругъ упалъ съ неба? Нѣтъ, еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1839 г. въ нихъ (въ губерніяхъ) ѣли жолуди, не было ни всходовъ на поляхъ, ни хлѣба, ни овощей, голодъ представлялся вездѣ и во всемъ, а въ Петербургѣ узнали объ этомъ въ маѣ 1840 г., когда цѣлыя селенія заражены были повальными болѣзнями, когда уже тысячи умирали въ мученіяхъ, когда младенцы умирали у грудей матерей, находя въ нихъ не жизнь, а заразу смерти! Причина столь предосудительной невнимательности заключается въ выше сказанной истинѣ, что все вниманіе главныхъ (начальниковъ) обращено на очистку бумагъ для представленія въ отчетахъ блестящей дѣятельности, когда сущность управленія въ самомъ жалкомъ положеніи.

Но это губерніи отдаленныя; о нихъ только слышно, а не видно. Конечно, въ столицѣ болѣе попечительности о бѣдномъ классѣ народа?! Два примѣра докажутъ эту попечительность. Нынѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я самъ покупалъ лучшую говядину по 17 коп. за фун., а при мнѣ же съ

---

[1]) Въ 1840 году.

бѣднаго взяли по 20 к. за самую худшую, потому что онъ бралъ только $1^1/_2$ фунта; по лицу и одеждѣ его можно было видѣть, что онъ платилъ послѣднія деньги, можетъ быть, не имѣя болѣе и копѣйки, чтобы купить соли. Слѣдовательно, вся тягость падаетъ на бѣдный классъ народа; купецъ правъ: онъ бралъ съ бѣднаго тремя копѣйками болѣе, потому что такса была въ 22 съ половиною коп. за фунтъ, а виновато начальство. Послѣ уничтоженія лажа на серебро, С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ [1]), созвавъ содержателей торговыхъ бань, спросилъ ихъ: «почемъ вы будете брать за бани, за которыя брали по 40 к. асс. съ человѣка?» Хозяева лучшихъ бань отвѣчали: «мы брали по гривеннику серебромъ на старый курсъ, по гривеннику же будемъ брать по новому курсу». Тогда вмѣсто одобренія, онъ отвѣчалъ: «теперь все дорого, можно брать по 15 к. сер. (т. е., по 52 к. на мѣдь), только не прибавляйте цѣны на солдатъ». Отчего же такая попечительность о пользахъ баньщиковъ?—у его зятя [2]) были двѣ торговыя бани. Лучше бы обратить вниманіе на то, что бѣдный народъ мретъ тысячами, не имѣя пристанища и помощи въ болѣзни, ибо на 500 тысячъ жителей столицы только 1300 кроватей въ мужскихъ больницахъ. Это бездѣлицы, но онѣ, доказывая попечительность начальства, прямо касаются до благосостоянія низшаго класса народа, бездѣлицы, которыми не пренебрегали ни Петръ Великій, ни Екатерина. Петръ лично наблюдалъ за составленіемъ цѣнъ на съѣстные припасы, обращалъ вниманіе на мануфактурныя произведенія и препятствовалъ возвышенію на нихъ цѣны (что видно изъ указа 1724 г. декабря 18-го, Полн. Собр. Зак. т. XII, № 4618). Екатерина II, усмотрѣвъ изъ ежедневно представляемыхъ ей свѣдѣній, что, по случаю неурожая въ южныхъ губерніяхъ, хлѣбъ сталъ дороже рублемъ на куль, объявила градоначальнику, что не допуститъ его къ себѣ, пока мука не будетъ въ прежней цѣнѣ, изволивъ сказать, что неурожай настоящаго года не можетъ имѣть вліянія на цѣны муки, заготовленной прошедшаго года. На другой же день цѣна на муку понизилась. Въ другой разъ императрица, получая подобныя донесенія и во время путешествія своего по Россіи, бывши въ Крыму, изволила увидѣть, что говядина стала дороже копѣйкою на фунтъ; признавъ это за злоупотребленіе, она приказала изслѣдовать тому причину. Дѣйствительно, открылось, что одинъ изъ главныхъ торговцевъ скотомъ скупилъ всѣ гурты и возвысилъ цѣну.

Вотъ причины, которыя довели государство до настоящаго положенія, причины, которыя сокрыты отъ вашего величества. Но почему же онѣ сокрыты, когда, говорятъ, у насъ есть тайная полиція? Но это только говорятъ. У насъ корпусъ жандармовъ, а не тайная полиція, которая должна все видѣть и слышать, а сама быть невидима и неслышима. Это учрежде-

---

[1]) Графъ П. К. Эссенъ.

[2]) Графъ Стенбокъ-Ферморъ.

ніе такъ тѣсно связано съ благомъ имперіи, что требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

При учрежденіи корпуса жандармовъ взяли въ примѣръ подобное учрежденіе во Франціи, забывъ сообразить, что тамъ жандармы есть подобіе нашей внутренней стражи, и что тамъ есть высшая тайная полиція, по указанію которой дѣйствуютъ и жандармы. Напротивъ, у насъ это лучшее учрежденіе Франціи вывернули на изнанку: агенты тайной полиціи подчинены жандармамъ, и потому, какъ обязанные имѣть съ ними сношенія, сдѣлались явны. Сверхъ сего у насъ всякій, сочиняя для своего вѣдомства наставленія, старается захватить какъ можно болѣе власти, не понимая, что этимъ, разрушая общую гармонію государственнаго управленія, причиняетъ вредъ и своей части. Такъ произошло и съ корпусомъ жандармовъ; онъ, кромѣ характера политическаго (котораго впрочемъ, по явности своей, имѣть не можетъ), вмѣшивается въ дѣла гражданскія и даже семейныя. Это-то вмѣшательство усилило еще болѣе неправду и злоупотребленія, поелику жандармы тѣ же люди, съ тѣми же пороками, страстями и слабостями, какъ и всѣ живущіе подъ луной, потому-то умѣли овладѣть ими и красотою женскою, и приманкою обогащенія, умѣли опутать ихъ акціями, товариществами и разными спекуляціями. Государь! въ мірѣ ничего нѣтъ новаго, только развѣ то ново, что забыли, а къ несчастію люди, которымъ ввѣряется составленіе узаконеній, не знаютъ ни этой истины, ни Россіи, ни того, что дѣлалось на землѣ Русской. У насъ было подобное учрежденіе. Петръ Великій, установя фискаловъ, думалъ остановить неправосудіе и похищеніе казенной собственности, но вышло напротивъ: они, какъ сказано въ представленіи объ ихъ уничтоженіи, соединились съ безсовѣстными людьми и неправыми судьями и увеличили зло до безмѣрности.

По вредному направленію нашего вѣка, тайная полиція необходима, но, повторяю, тайная, во всей силѣ этого слова, почему всякое отличіе въ одеждѣ, всякое вмѣшательство въ дѣла управленія противорѣчитъ ея назначенію. Въ доказательство сего еще присовокуплю: во время суда надъ бунтовщиками поляками, богатѣйшіе и, можетъ быть, болѣе виновные имѣли всѣ средства къ оправданію, почему же жандармы не знали объ этомъ? если же знали, почему не доносили вашему величеству? Люди не ангелы, поэтому-то и постановленія должны согласоваться съ природою первыхъ, а не съ свойствами послѣднихъ. Необходимо замѣтить, что въ высшемъ управленіи тайной полиціи замѣтно вредное вліяніе поляковъ. Для чего возвращать и водворять на мѣста жительства тѣхъ изъ польскихъ дворянъ, которые принимали участіе въ бунтѣ? для того развѣ, чтобъ они были живымъ примѣромъ ненаказанности и зародышемъ будущихъ мятежей! Для блага имперіи надо стараться постепенно переселить всѣ польскія фамиліи въ коренную Россію, а не возвращать тѣхъ, кои противу ея цѣлости возставали. У престола вашего возвышается Туркулъ; не знаю его, не отвергаю его достоинствъ, но да не коснется это возвышеніе ни дѣлъ имперіи, ни уставовъ, издаваемыхъ для Россіи, ибо это участіе можетъ внести рево-

люціонныя начала. Преданность поляка Россіи подобна преданности волка, вскормленнаго рукою человѣка. Великая Екатерина справедливо о нихъ (и о балтійскихъ нѣмцахъ) сказала: «какъ ни корми, а все въ лѣсъ глядятъ!» Тактику поляковъ постичь не трудно; они, видя невозможность силою пріобрѣсть независимость, будутъ стараться, подъ личиною преданности, внести въ законы имперіи начала разрушительныя, въ томъ предположеніи, что бѣдствіе Россіи дастъ имъ средства возстановить ихъ независимость.

Къ причинамъ государственнаго разстройства должно присовокупить и слѣдующія:

1) *Безмѣрность наградъ*. Въ монархическомъ правленіи награды составляютъ рычагъ, которымъ направляется воля людей къ цѣли государственнаго благоустройства. Напротивъ, у насъ награды потеряли всю цѣну: чины и ордена сыпятся въ безмѣрномъ количествѣ, безъ разбору и всего болѣе на людей ничтожныхъ, на ласкателей и угодниковъ слабостей сильныхъ людей; отчего (ордена) совершенно утратили уваженіе, перестали быть двигателями честолюбія, тѣмъ болѣе, что тѣ титла, которыя должны передавать потомству великія дѣла и заслуги отцовъ на пользу отечества и славу имперіи, вошли въ рядъ наградъ обыкновенныхъ, даваемыхъ за одну выслугу лѣтъ. Послѣ этого, что же осталось? золото и золото, къ которому все стремится, которому все поклоняется, и которому приносятся въ жертву честь, совѣсть и польза государства.

2) *Невнимательность при назначеніи къ должностямъ*. Прежде всего, должно сказать, что въ нашъ вѣкъ не дорожатъ людьми: чѣмъ человѣкъ выше чувствами и благороднѣе помыслами и дѣлами, тѣмъ болѣе стараются отдалять его отъ должностей, потому что люди подобныхъ свойствъ служатъ преградою и помѣшательствомъ въ дѣлахъ личныхъ выгодъ. Не такъ было при Петрѣ и Екатеринѣ Великихъ. Петръ часто возвращался изъ Сената въ сильномъ гнѣвѣ отъ противорѣчій Долгорукаго, Бутурлина и Румянцева. Однажды супруга его сказала ему: «зачѣмъ же не удалишь ихъ, когда они тебѣ досаждаютъ?»—«Э, Катинька, возразилъ Великій, когда ихъ удалю, кто же будетъ мнѣ говорить правду?» Петръ Великій зналъ, что правда горька, но полезна въ дѣлахъ царственныхъ: на ней зиждется слава царей и могущество царствъ. Такъ точно поступила Екатерина Великая, когда ей сказали, что Панинъ и Мельгуновъ осуждаютъ ея дѣйствія: «я не могу ихъ удалить, возразила императрица: они люди полезные для государства, а что лично меня не любятъ, такъ это потому, что меня не знаютъ». Зато какіе, можно сказать, геніальные люди окружали эти свѣтила земли Русской, и во всѣхъ родахъ государственнаго управленія! Какіе же способы употребляли они для избранія этихъ людей? Петръ Великій, живя среди народа, самъ находилъ ихъ; но Екатерина, не имѣя этой возможности, употребляла слѣдующее средство: при назначеніи людей на важныя степени, даже въ губернаторы (она признавала это званіе однимъ изъ важнѣйшихъ въ государствѣ, какъ и должно быть, но нынѣ на эти мѣста

назначаютъ людей, едва имѣющихъ смыслъ человѣческій), императрица предварительно распускала слухъ о предполагаемомъ назначеніи, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, собравъ общественное мнѣніе (которое ей передавалось вѣрно), опредѣляла къ должности. Государыня знала, что, назначая людей по представленію и одобренію приближенныхъ, неминуемо впадетъ въ ошибку, поелику каждый будетъ стараться окружить престолъ своими любимцами.

Въ заключеніе всего повторяю слова, сказанныя Долгорукимъ Петру Великому: «это говорить заставляетъ меня ревность къ славѣ вашего императорскаго величества и къ счастію вашихъ подданныхъ». Не гнѣвайтесь, государь! Конечно, вы хотите не разоренія земли вашей, но блага милліоновъ, Провидѣніемъ вамъ ввѣренныхъ, на этомъ только благѣ утверждается непоколебимость престоловъ.

Ежели я виновенъ, всемилостивѣйшій государь, то я виновенъ въ безпредѣльной преданности къ благу земли родной, въ желаніи, чтобы слава Петра и Екатерины Великихъ осѣняла священную главу моего государя, чтобы потомство, подобно какъ предъ этими великими именами, благоговѣло предъ именемъ вашимъ.

II.

Россія въ концѣ царствованія Николая I.

(Изъ «Думы русскаго», П. А. Валуева, середина 1855 года) [1]).

...Давно ли мы покоились въ самодовольномъ созерцаніи нашей славы и нашего могущества? Давно ли наши поэты внимали хвалѣ, которую намъ

«Семь морей немолчно плещутъ»?

Давно ли они пророчествовали, что намъ

«Богъ отдастъ судьбу вселенной,
«Громъ земли и гласъ небесъ».

Что стало съ нашими морями? Гдѣ громы земные и горняя благодать мысли и слова? Кого поражаемъ мы? Кто внимаетъ намъ? Наши корабли потоплены, сожжены или заперты въ нашихъ гаваняхъ. Непріятельскіе флоты безнаказанно опустошаютъ наши берега. Непріятельскія арміи безнаказанно попираютъ нашу землю, занимаютъ наши города, укрѣпляютъ ихъ противъ насъ самихъ и отбиваютъ насъ, когда мы усиливаемся вновь овладѣть отцовскимъ достояніемъ. Друзей и союзниковъ у насъ нѣтъ. А если есть еще друзья, то малочисленные, робкіе, скрытные друзья, которымъ будто стыдно сознаться въ пріязни къ намъ. Одни греки не побоялись этого признанія. За то ихъ тотчасъ задавили, и мы не могли имъ помочь. Мы отовсюду отрѣзаны, одинъ прусскій король соблаговолилъ оставить намъ открытыми

---

[1]) *Русск. Стар.*, 1891, май.

нѣсколько калитокъ для сообщенія съ остальнымъ христіанскимъ міромъ. Вездѣ проповѣдуется ненависть къ намъ, всѣ насъ злословятъ, на насъ клевещутъ, надъ нами издѣваются. Чѣмъ стяжали мы себѣ столько враговъ? Неужели однимъ только нашимъ величіемъ? Но гдѣ это величіе? Гдѣ силы наши? Гдѣ завѣтъ прежней славы и прежнихъ успѣховъ? Гдѣ превосходство войскъ нашихъ, столь стройно грозныхъ подъ Краснымъ Селомъ? Еще недавно они залили своею кровью пожаръ венгерскаго мятежа, но эта кровь пролилась для того только, чтобы впослѣдствіи наши полководцы тревожно озирались на воскресшихъ нашею милостію австрійцевъ. Мы не смѣемъ громко упрекнуть ихъ въ неблагодарности, мы торгуемся съ ними и въ виду ихъ не могли справиться съ турками на Дунаѣ. Европа уже говоритъ, что турки переросли насъ. Правда, *Нахимовъ* разгромилъ турецкій флотъ при Синопѣ; но съ тѣхъ поръ сколько Нахимовскихъ кораблей погружено въ море! Правда, въ Азіи мы одержали двѣ—три безплодныя побѣды; но сколько крови стоили намъ эти проблески счастья! Кромѣ ихъ, всюду утраты и неудачи.

... Зачѣмъ завязали мы дѣло, не разсчитавъ послѣдствій, или зачѣмъ не приготовились, изъ осторожности, къ этимъ послѣдствіямъ? Зачѣмъ встрѣтили войну безъ винтовыхъ кораблей и безъ штуцеровъ? Зачѣмъ ввели горсть людей въ княжества и оставили горсть людей въ Крыму? Зачѣмъ заняли княжества, чтобы ихъ очистить, перешли Дунай, чтобы изъ-за него вернуться, осаждали Силистрію, чтобы снять осаду, подходили къ Калафату, чтобы его не атаковать, объявляли ультиматумы, чтобы ихъ не держаться, и прочая, и прочая, и прочая! Зачѣмъ надѣялись на Австрію и слишкомъ мало опасались англо-французовъ? Зачѣмъ всѣ наши дипломатическія и военныя распоряженія съ самаго начала борьбы были только вынужденными послѣдствіями дѣйствій нашихъ противниковъ? Иниціатива вырвана изъ нашихъ рукъ при первой сшибкѣ, и съ тѣхъ поръ мы словно ничѣмъ не занимались, какъ только приставленіемъ заплатъ тамъ, гдѣ онѣ оказывались нужными. Не скажетъ ли когда-нибудь потомство, не скажутъ ли лѣтописи, тѣ правдивыя лѣтописи, противъ которыхъ цензура безсильна, что даже славная оборона Севастополя была не что иное, какъ свѣтлый рядъ усилій, со стороны повиновавшихся, къ исправленію ошибокъ со стороны начальствовавшихъ?

... Въ исполинской борьбѣ съ половиною Европы нельзя было болѣе скрывать, подъ сѣнію офиціальныхъ самохваленій, въ какой мѣрѣ и въ какихъ именно отрасляхъ государственнаго могущества мы отстали отъ нашихъ противниковъ. Оказалось, что въ нашемъ флотѣ не было тѣхъ именно судовъ, въ сухопутной арміи того времени оружія, которыя требовались для уравненія боя; что состояніе и вооруженіе нашихъ береговыхъ крѣпостей были неудовлетворительны; что у насъ недоставало желѣзныхъ и даже шоссейныхъ дорогъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо необходимыхъ на тѣхъ неизмѣримыхъ пространствахъ, гдѣ намъ надлежало передвигать наши силы. Европу колебали, нѣсколько лѣтъ сряду, внутренніе раздоры и мятежи; мы насла-

ждались ненарушимымъ спокойствіемъ. Несмотря на то, гдѣ развивались въ продолженіе этого времени быстрѣе и послѣдовательнѣе внутреннія и внѣшнія силы?

... Благопріятствуетъ ли развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи нынѣшнее устройство разныхъ отраслей нашего государственнаго управленія? Отличительныя черты его заключаются въ повсемѣстномъ недостаткѣ истины, въ недовѣріи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую офиціальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное; вездѣ пріобрѣтены успѣхи; вездѣ водворяется, если не вдругъ, то, по крайней мѣрѣ, постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды,—и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блескъ; внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего офиціальнаго многословія нѣтъ истины. Она затаена между строками; но кто изъ офиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочія!

У насъ самый законъ нерѣдко заклейменъ неискренностью. Мало озабочиваясь опредѣлительною ясностью выраженій и практическою примѣнимостью правилъ, онъ смѣло и сознательно требуетъ невозможнаго. Онъ всюду предписываетъ истину и всюду предопредѣляетъ успѣхъ, но не пролагаетъ къ нимъ пути и не обезпечиваетъ исполненія своихъ собственныхъ требованій. Кто изъ нашихъ начальниковъ, или даже изъ подчиненныхъ можетъ точно и послѣдовательно исполнять все, что ему вмѣнено въ обязанность дѣйствующими постановленіями? Для чего же вмѣняется въ обязанность невозможное? Для того, чтобы въ случаѣ надобности было на кого обратить отвѣтственность. Справедливо ли это? Не въ томъ дѣло,—справедливость или несправедливость, точное или не точное соблюденіе закона, смотря по обстоятельствамъ, заранѣе предусмотрѣны. Въ главѣ многихъ узаконеній нашихъ надлежало бы напечатать два слова, которыя не могутъ быть переведены на русскій языкъ: «Restriction mentale».

... Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, вся централизація и формалистика управленія, всѣ мѣры законодательной предосторожности, іерархическаго надзора и взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ ежедневно обнаруживаютъ свое безсиліе. Канцелярскія формы не предупредили позорной растраты суммъ инвалиднаго капитала и не помѣшали истребить голодомъ, или послѣдствіями голода, половину резервной бригады, расположенной въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Это послѣднее преступленіе или, точнѣе, длинный рядъ гнуснѣйшихъ преступленій даже остается доселѣ безнаказаннымъ. Между тѣмъ, возрастающая механизація дѣлопроизводства болѣе и болѣе затрудняетъ пріобрѣтеніе успѣховъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Всѣ правительственныя инстанціи уже нынѣ болѣе заняты другъ другомъ, чѣмъ

сущностью предметовъ ихъ вѣдомства. Высшія едва успѣваютъ наблюдать за внѣшнею правильностью дѣйствій низшихъ инстанцій; низшія почти исключительно озабочены удовлетвореніемъ внѣшней взыскательности высшихъ. Самостоятельность мѣстныхъ начальствъ до крайности ограничена, а высшіе начальники, кажется, забываютъ, что довѣріе къ подчиненнымъ и вниманіе, оказываемое ихъ взгляду на дѣло, суть также награды, хотя о нихъ и не вносится срочныхъ представленій въ комитетъ г.г. министровъ.

Недовѣрчивость и неискренность всегда сопровождаются внутренними противорѣчіями. Управленіе доведено, по каждой отдѣльной части, до высшей степени централизаціи; но взаимныя связи этихъ частей малочисленны и шатки. Каждое министерство дѣйствуетъ, по возможности, особнякомъ, и ревностно примѣняется къ правиламъ древней системы удѣловъ. Централизація имѣетъ цѣлью наивозможно большее вліяніе высшихъ властей на всѣ подробности управленія, и на этомъ основаніи значительно стѣсняетъ, въ іерархическомъ порядкѣ, власть административныхъ инстанцій. Но масса дѣлъ, нынѣ восходящихъ до главныхъ начальствъ, превосходитъ ихъ силы. Они по необходимости должны предоставлять значительную часть этихъ дѣлъ на произволъ своихъ канцелярій. Такимъ образомъ (судьба представленій губернскихъ начальниковъ и генералъ-губернаторовъ весьма нерѣдко зависитъ не отъ г.г. министровъ, но отъ столоначальниковъ того или другого министерства. Безжизненное однообразіе распространено даже на историческіе памятники, воздвигаемые на поляхъ сраженій; они распредѣлены на разряды и подведены подъ одинъ нормальный образецъ. Между тѣмъ единство высшихъ административныхъ формъ нарушается, безъ видимой причины, учрежденіемъ V Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Если эта добавочная инстанція признана излишнею по дѣламъ другихъ министерствъ, то почему она необходима по дѣламъ министерства государственныхъ имуществъ? Дѣйствія этого министерства вообще послѣдовательно противорѣчатъ одной изъ главныхъ цѣлей его учрежденія. Посредствомъ новаго устройства казенныхъ имѣній предполагалось, между прочимъ, указать путь къ необходимому преобразованію поземельныхъ отношеній въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. Но министерство не только не создаетъ потребныхъ образцовъ, но даже вводитъ или сохраняетъ, въ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, тѣ именно формы, которыя никогда не могутъ быть приспособлены къ быту крестьянъ въ частныхъ вотчинахъ. Основное и важнѣйшее правило, что казна въ предѣлахъ казенныхъ имѣній не что иное, какъ вотчинникъ, подобный всѣмъ другимъ вотчинникамъ, постоянно и преднамѣренно нарушается. Помѣщикъ, лично управляющій своимъ помѣстьемъ, имѣющій въ немъ осѣдлость и непосредственно участвующій, своимъ умомъ и своимъ капиталомъ, въ воздѣлываніи принадлежащей ему земли, есть существо совершенно излишнее по нынѣшней системѣ устройства государственныхъ имуществъ. Даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ издавна существовали арендаторскія управленія, составляющія ближайшую аналогическую связь между формами устройства казенныхъ и частныхъ имѣній,

министерство по возможности упраздняетъ эти управленія и предоставляетъ волостнымъ судамъ тѣ предметы вѣдомства, которые прежде принадлежали арендаторамъ, какъ прямымъ представителямъ вотчинной власти.

... Много ли искренности и много ли христіанской истины въ новѣйшемъ направленіи, данномъ дѣламъ вѣры, въ мѣрахъ къ возсоединенію раскольниковъ и въ отношеніяхъ къ иновѣрнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ? Развѣ кроткія начала Евангельскаго ученія утратили витающую въ нихъ Божественную силу? Развѣ вѣротерпимость тождественна съ безвѣріемъ? Развѣ намъ дозволено смотрѣть на религіозныя вѣрованія, какъ на политическое орудіе, и произвольно употреблять ихъ для достиженія политическихъ цѣлей? Лѣтописи христіанскаго міра свидѣтельствуютъ, что при подобныхъ усиліяхъ сокрушается премудрость премудрыхъ и опровергается разумъ разумныхъ. Святая церковь не болѣе ли нуждается въ помощи правительства къ развитію ея внутреннихъ силъ, чѣмъ въ насильственномъ содѣйствіи къ обращенію уклонившихся или къ возсоединенію отпавшихъ? Нынѣшній бытъ нашего духовенства соотвѣтствуетъ ли его призванію, и правильно ли смотрятъ на внутреннія дѣла православной паствы тѣ самые государственные люди, которые всегда готовы къ мѣрамъ строгости противъ иновѣрцевъ или раскольниковъ? О раскольникахъ сказано, что ихъ религіозная жизнь заключается въ «буквѣ и недухѣ» (1855 г.). Кажется, что иногда сама православная церковь тяготѣетъ надъ ними «буквою и недухомъ». Быть можетъ, что если бы наши пастыри нѣсколько болѣе полагались на вышнюю силу вѣчныхъ истинъ, ими проповѣдуемыхъ, и нѣсколько менѣе вѣровали въ пользу содѣйствія мірскихъ полицій, то ихъ жатва была бы обильнѣе.

... Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сѣять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опеки надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто ознаменованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей. Пренебреженіе къ каждому изъ насъ въ особенности и къ человѣческой личности вообще водворилось въ законахъ. Постановленіями о заграничныхъ паспортахъ наложенъ домашній арестъ на свыше 60 милліоновъ вѣрноподданныхъ его императорскаго величества. Ограниченіемъ числа обучающихся въ университетахъ стѣснены пути къ образованію. Узаконеніями о службѣ гражданской сглажены, по мѣрѣ возможности, всѣ различія служебныхъ достоинствъ, и всѣ способности одинаково подведены подъ мѣрило срочныхъ производствъ и награжденій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи 3
Введеніе 5

Глава I. Императоръ Николай I (Его личность и политическіе взгляды).

I. Наружность Николая I 9
II. Личный обиходъ Николая I . . . . . —
III. Письмо Николая I в. к. Константину Павловичу 6 іюня 1826 г. 11
IV. Манифестъ 14 марта 1848 г. . . . . —
V. Рѣчь Николая I къ депутатамъ петербургскаго дворянства (21 марта 1848 г.) 12
VI. Собственноручная записка Николая I о прусскихъ дѣлахъ 1848 г. 14

Глава II. Сподвижники Николая I. 16

Глава III. Администрація.

I. Петербургская администрація 27
II. Власть въ провинціи 33
III. Губернаторъ Николаевскаго времени 38

Глава IV. Судъ и казни.

I. Правосудіе при Николаѣ I 42
II. Тѣлесныя наказанія 51
III. Кнутъ и шпицрутены 54
IV. Одна изъ резолюцій Николая I 57

Глава V. Крѣпостное право.

I. Рѣчь Николая I въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, 30 марта 1842 г. . 58
II. Что сдѣлано было въ царствованіе императора Николая I для ограниченія крѣпостного права 61
III. Крѣпостные бунты 68
IV. Бунтъ удѣльныхъ крестьянъ (1838 г.) 74

Глава VI. Войско.

I. Военное воспитаніе 77
II. Полковой командиръ Николаевскаго времени 81
III. Солдатская служба 87
IV. Интендантство 91

Глава VII. Печать и школа.

I. Цензура 93
II. Высочайшій рескриптъ на имя Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкова (19 авг. 1827 г.) 107
III. Десятилѣтіе Министерства Народнаго Просвѣщенія 1833—1843 г.г. (Всеподданѣйшій докладъ гр. С. С. Уварова) 109
IV. Средняя и высшая школа послѣ 1848 г. 112

Глава VIII. Третье Отдѣленіе.

I. Проектъ г. А. Бенкендорфа объ устройствѣ высшей полиціи 119
II. Письма М. М. Фока къ А. Х. Бенкендорфу 120
III. Донесенія III отдѣленія изъ Москвы 124
IV. Къ характеристикѣ III отдѣленія 128

Глава IX. Общественное движеніе при Николаѣ I.

I. Два поколѣнія 130
II. Кружки 30-хъ годовъ 132
III. Послѣдній праздникъ дружбы 135
IV. Въ началѣ 40-хъ годовъ 144
V. Петрашевцы 146
VI. Идеи Петрашевцевъ 149
Обязательная подписка, найденная 19 мая въ бумагахъ Спѣшнева, его рукой писанная. Выдержка на удачу изъ дневника поручика Монбели. Найденныя въ бумагахъ студента Филиппова десять заповѣдей. Рѣчь Ханыкова на обѣдѣ въ память Фурье. Рѣчь Д. Д. Ахшарумова.
VII. Арестъ Петрашевцевъ (1849 г.) 156

Глава X. Итоги.

I. Состояніе государства въ 1841 году. (Записка Н. Кутузова, поданная императору Николаю I) 158
Министерство Государственныхъ имуществъ. Пути сообщенія. Военное министерство.
II. Россія въ концѣ царствованія Николая I (изъ „Думы русскаго“ П. А. Валуева, середина 1855 г.) 171